Л. Н. Юровский.

САРАТОВСКИЕ ВОТЧИНЫ.

Статистико-экономические очерки и материалы из истории крупного землевладения и крепостного хозяйства в конце XVIII и в начале XIX столетия.

Издание Саратовского Института Народного Хозяйства.

САРАТОВ.
1923.

LUX
LIBERTAS

Л. Н. Юровский.

САРАТОВСКИЕ ВОТЧИНЫ.

Статистико-экономические очерки и материалы из истории крупного землевладения и крепостного хозяйства в конце XVIII и в начале XIX столетия.

Издание Саратовского Института Народного Хозяйства.

САРАТОВ.
1923.

Саргублит № 732
Тираж 800.

Сарполиграфпром. Типо-лит. № 9. Казарменная, 43.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Лет двадцать с лишним тому назад П. Б. Струве жаловался в одном из своих историко-экономических очерков на то, что русской экономической истории XIX века не посчастливилось и что, в частности, очень мало внимания историками уделено было организации крепостного хозяйства. С тех пор по истории крепостного хозяйства появилось несколько ценных исследований, но материалы, относящиеся к этой стороне нашего экономического прошлого, все еще довольно слабо разработаны. Это обстоятельство может служить достаточным оправданием для выхода в свет предлагаемых статистико-экономических очерков. Книга имеет целью представить некоторые новые данные для описания наших аграрных отношений в первой половине XIX и отчасти в конце XVIII столетия.

Автору пришлось провести несколько лет в Саратове как раз в то время, когда в русском архивном деле происходили существенные перемены. Два процесса совершались параллельно: процесс уничтожения, распродажи и „раскуривания" архивов с одной стороны, и процесс сосредоточения их в одном управлении с другой. Это сосредоточение могло бы иметь весьма благоприятные последствия, если бы в распоряжении архивного управления были достаточные помещения и денежные средства для того, чтобы использовать те возможности, которые открывала новая административная организация дела. Однако у „губархивов" не было ни денег, ни помещений, ни людей и некоторые губернские архивы пришли за эти годы в очень жалкое состояние

Для того, кто пишет работу по истории крепостного хозяйства в конце XVIII и в первой половине XIX столетия на основании местных материалов, наибольшее значение имеют архивы Губернских Правлений, Казенных Палат, Дворянских депутатских собраний и, конечно, еще архивы отдельных вотчинных контор. Архив Губернского Правления,—самый обширный из губернских архивов,—не мог быть использован в Саратове. Часть его погибла; к счастью, до настоящего времени лишь меньшая часть. Другая часть хранится в нескольких местах в совершенно хаотическом состоянии и так как этот архив чрезвычайно велик, то трудно предположить, чтобы он был приведен в порядок в сколько-нибудь близком будущем.—Архив Казен-

ной Палаты был в полном порядке в то время, когда автор приступил к своей работе. Порядок этот мог не соответствовать требованиям современной архивной техники, но делами этого архива вполне возможно было пользоваться для научной работы. Часть его находилась в помещени Казенной Палаты, другая еще до революции передана была в распоряжение Саратовской Губернской Ученой Архивной Комиссии и хранилась в ее собственном помещении. Архив Дворянского Депутатского Собрания постигла та же судьба, что и большинство других местных архивов: он был „выселен" в 1918 году. Архивная Комиссия приняла меры к его спасению и действительно спасла его; но ей неудалось ни пометить, ни разобрать его так, чтобы он стал доступен для научной разработки. Однако, этот архив был гораздо менее обширен, чем архив Губернского Правления и во время перевода его автору попала в руки опись его дел. Это помогло отобрать те дела, в которых можно было найти сведения, относящиеся к организации крепостного хозяйства; они принадлежали почти все к тому разряду, который был об'единен под названием: „Дела по личной части Саратовского Губернского Предводителя дворянства". Вотчинных архивов по Саратовской губернии сохранилось очень мало. Самое ценное в этой области составляет архив Н. В. Калачова, хранящийся в бывш. Саратовской Ученой Архивной Комиссии. Этим перечислением не исчерпываются архивы, в которых можно найти сведения, относящиеся к истории помещичьего хозяйства. Имеются материалы в архивах судебных установлений, в делах сенатского архива, пересланных в Саратов, в архивах мировых посредников и др., но по сравнению с первыми четырьмя источниками, перечисленными выше, остальные имеют второстепенное значение для разрешения задач чисто экономического исследования.

Предлагаемые очерки основаны главным образом на делах Архива Казенной Палаты и Архива Дворянского Депутатского Собрания. Само собой разумеется, что на ряду с архивами автор пытался использовать и имеющийся печатный материал, среди которого трудам Саратовской Губернской Ученой Архивной Комиссии принадлежит первое место. Весь этот материал, архивный и литературный, на котором построена работа, представляет не сомненно научную ценность, но в то же время в нем имеется множество пробелов и на многие вопросы он не дает никакого ответа. Поэтому и результаты работы представляются весьма различными по полноте.

В частности у нас было крайне мало данных об эволюции сельского хозяйства в техническом смысле, т. е. об

эволюции систем хозяйства, систем полеводства, о распространении культур, об изменении в скотоводстве и пр. Книга Никольского о Балашовском уезде и несколько журнальных статей, которые нетрудно розыскать в библиографическом справочнике по Саратовскому краю С. Д. Соколова остаются основными материалами по этим вопросам, к которым почти ничего не прибавляют просмотренные архивные дела.

В заключение предисловия автору хочется выразить свою искреннюю признательность всем тем, кто оказал ему содействие при собирании и разработке материала, а также при печатании книги. Автор особенно обязан лучшему знатоку истории Саратовского края преподавателю Саратовского Университета А. А. Гераклитову, зав. библиотекой Саратовской Ученой Архивной Комиссии С. Д. Соколову, проф. А. А. Рыбникову и проф. *А Б. Ельяшевичу* за многие ценные указания. Проф. *А. Б. Ельяшевичу*, а также ассистенту Саратовского Института Народного Хозяйства Екатерине Михайловне Ельяшевич, научной сотруднице при кабинете теории и истории народного хозяйства В. Д. Ивановой и заведующему фундаментальной библиотекой Института Народного Хозяйства С. Д. Соколову, автор обязан еще и тем, что книга вышла в свет, ибо печатание ее происходило в Саратове в отсутствие автора. Наконец, Саратовский Институт Народного Хозяйства согласился включить работу в число издаваемых им научных трудов, без чего напечатание ее также едва ли оказалось бы выполнимым.

Л. Ю.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ВВЕДЕНИЕ.

Некоторые данные из истории колонизации.

Развитие помещичьего хозяйства в саратовском крае стояло в самой тесной связи с его заселением. Колонизация и вотчинное хозяйствование не только влияли здесь друг на друга, они друг друга часто вызывали и обусловливали. Мы начинаем поэтому свои очерки с краткого обзора колонизации, исходя не только из мысли, что население образует основной фактор всякого хозяйствования, но также из того, что для местностей по нижнему течению Волги,—близ Суры, Хопра и Медведицы с одной стороны; близ Иргиза, Карамана и Еруслана с другой,—повествование о развитии вотчинного хозяйства и об его формах часто сливается с рассказом о появлении населения в том „диком поле“, которое представляли от 200 до 300 лет назад интересующие нас места.

Тот, кто хочет следить за историей колонизации, должен составить себе предварительно представление об административной географии заселяемого пространства. Без этого нельзя сравнивать статистические данные, относящиеся к различным эпохам, и приурочивать отдельные факты к тем или другим районам. Старые названия не совпадают часто с нынешними. Границы губернии—совсем недавнего происхождения. Границы уездов многократно изменялись. Станы XVIII века давно перестали существовать. До Екатерины II саратовской губернии не было вовсе. При Павле I она преобразовывалась несколько раз, причем однажды она была уничтожена совсем. При Александре I и Николае I происходили существенные административно-географические реформы и в конце царствования Николая I территория губернии уменьшена была в два раза. Затем наступило продолжительное затишье, сменившееся в наше время новым перекраиванием губернских и уездных границ. Но эти последние реформы останутся уже вне поля нашего зрения. Мы упоминаем о них лишь для того, чтобы подчеркнуть, что, говоря о „современных“ границах саратовской губернии, мы будем иметь в виду границы, существовавшие в начале XX века до 1918 года. Эти границы еще хорошо памятны современному чита-

телю и запечатлены на большинстве тех географических карт, которые находятся в обращении.

Административные границы устанавливаются государственной властью и сама государственная власть в высшей степени заинтересована в том, чтобы они были точно определены и хорошо известны. Но такая определенность административных границ является приобретением лишь новейшей эпохи. Для нашего края временем ее возникновения можно считать восемнадцатое столетие. Если она даже существовала раньше, то документальные следы ее во всяком случае уже утрачены.

Те сведения по административной географии саратовского края, которые мы могли найти в Полном Собрании Законов, в исследованиях Дена, Готье и Милюкова, в трудах Саратовской Ученой Архивной Комиссии и в хранящихся в Комиссии картах, сгруппированы ниже в приложении I. Для более подробного ознакомления с вопросом мы и отсылаем к этому приложению, а здесь приводим из него лишь самые существенные данные.

До Петровской губернской реформы 1708 года территория нынешней (в указанном смысле слова) саратовской губернии находилась в ведении Казанского Дворца и малозаселенные, местами даже совсем пустынные земли Юго-Востока в административном отношении были очень слабо дифференцированы. В XVIII столетии, от Петровской до Екатерининской губернской реформы (1780 г.), эта территория входила в состав казанской, азовской, а затем и астраханской губернии. В 1780 году образовано саратовское наместничество, переимѐнованное вскоре в губернию. Оно состояло из 9 уездов: кузнецкого, хвалынского, петровского, сердобского, вольского, аткарского, саратовского, балашовского и камышинского.

Это были приблизительно нынешние уезды, но не они одни. Продолжение их в заволжье обнимало огромное пространство, не уступавшее по размерам нагорной стороне губернии. Впоследствии к губернии присоединяются новые уезды и она перекраивается неоднократно. Прочным ее достоянием остаются на долгое время указанные 9 уездов и еще царицынский уезд: опять-таки не только нынешний царицынский уезд, но и прилегающая к нему часть заволжья. Из всех этих заволжских земель в 1836 году вследствие значительного притока населения образуются 3 новых уезда: николаевский, новоузенский и царевский. В 1850 году они выделяются из состава саратовской губернии и отходят: первые два к самарской губ., последний к астраханской.

В новом составе саратовская губ. просуществовала всю вторую половину XIX и первые два десятилетия XX столетия. История губернии в XIX в. делится таким образом на два продолжительных периода. Второй не представляет для нас интереса, так как наше исследование доводит нас только до освобождения крестьян. В большую часть дореформенного периода саратовская губ., сперва в составе 10, позднее в составе 13 уездов [1]) об'емлет территорию по обе стороны Волги, разделяемую течением последней на две почти равные части. Границы этой территории образуют пространственные пределы нашего исследования.

Мы остановились именно на этой территории (которую можно назвать не совсем точно территорией старого саратовского наместничества; которую мы для краткости чаще будем называть „саратовским краем") не потому, чтобы она в природном или социальном отношении представлялась однородной. Напротив: трудно представить себе более яркие контрасты, чем те, которые отличают северную полосу этого края от южной и нагорную его часть от заволжской. На севере (кузнецкий уезд) находятся суглинки и супеси, на западе (между Медведицей и Хопром)—превосходные черноземные почвы, на юге и в заволжье—большие пространства солонцов. Огромные различия наблюдаются в средних температурах и в количестве осадков между уездами новоузенским и царицынским, с одной стороны, и кузнецким или сердобским с другой. Одна часть этого края лесиста, другая совершенно лишена лесов. Культурные растения, распространенные на юге, почти не встречаются на севере. И заселение края шло различными путями. Оно происходило в разное время: раньше на нагорной стороне, позднее на луговой. Оно совершалось различными методами. правый берег до недавнего время был помещичьим, а левый всегда был по преимуществу крестьянским. В колонизации участвовали представители различных национальностей и даже рас.

Но тот, кто изучает прошедшее, связан характером сохранившихся источников. Заволжская половина губернии на протяжении большей части того периода, для которого у нас имеются сведения о вотчинном хозяйстве, административно была связана с нагорной стороной и мы во многих случаях не в состоянии произвести разделение сохранившихся данных. Мы фактически занимаемся почти исключительно нагорной стороной уже потому, что в заволжье бы-

---

[1]) Кузнецкого, хвалынского, вольского, петровского, сердобского, аткарского, саратовского, балашовского, камышинского, царицынского, николаевского, новоузенского и царевского. Имеются в виду уезды в дореволюционных границах.

ло очень мало помещиков и вотчинных хозяйств. Но мы не всегда можем сделать это в точном смысле, потому что наши цифры по хвалынскому, вольскому, саратовскому, камышинскому и царицынскому уездам об'емлют в первой половине XIX столетия как нагорную, так и луговую сторону. Вот почему мы вынуждены сказать, что изучаем крепостное хозяйство приблизительно в пределах старого наместничества, хотя фактически мы занимаемся им главным образом в границах более поздней губернии.

Эта территория представляет крайний юго-восточный предел распространения дворянского землевладения и помещичьего хозяйства. Последнего почти не было в заволжье южнее и восточнее николаевского уезда, то есть ни на южной окраине (прежней) самарской губ., ни в уральской области, ни в губернии астраханской. Это был последний помещичий форпост, дальше которого в юго-восточном направлении двинулась только крестьянская колонизационная волна, но не пошли вотчинно-колонизационные начинания московских служилых людей и петербургских сановников и чиновников. Такой характер нашей территории может служить достаточным оправданием для выделения ее в особый об'ект социально-экономического исследования.

Покорение Астрахани совершилось в 1556 году. Через несколько десятилетий в Саратовском крае появились первые русские поселения. Это не были укрепленные пункты, созданные для защиты земледельческого населения от южных кочевников, – такие укрепления стали строиться здесь лишь значительно позднее. Это были сторожевые посты, „гарнизон которых должен был наблюдать за безопасностью Волги и препятствовать казачьим шайкам хозяйничать на ней“, [1]) или следить еще за нагайскими и крымскими татарами, переправлявшимися обычно через Волгу при устьях рек Самары и Иргиза и переходившими с Дона на Волгу через переволоку. Нагайский князь Измаил сам указывал царю Ивану IV на эти места, как на наиболее уязвимые пункты юго-восточной Украины [2]).

Временные сторожевые раз'езды установлены были в Нижнем Поволжье уже в семидесятые годы XVI века на островах близ Волго-Донской переволоки, а может быть и по соседству с нынешним Саратовом на противополож-

---

[1]) А. А. Гераклитов, „Саратов“, Саратов 1919, стр. 10.

[2]) Любавский, „Историческая география России в связи с колонизацией“ (Курс читанный в Московском Университете в 1908—1909 акад. году; (литографир. издание) стр. 235—241.

ном волжском берегу [1]). В 1586 году основана была Самара, в 1589 году основан Царицын и 1590 году Саратов. уже к следующему столетию относится основание еще двух таких же сторожевых городов—Черного Яра в 1627 году и Дмитриевска (впоследствие Камышина) в шестидесятые годы XVII века. Но Московское государство в это время еще не имеет здесь колонизационных интересов в более широком смысле слова. Повидимому долгое время Поволжье оставалось лишь источником соли, транзитным путем для торговли с Каспийским морем и местом для сезонной работы рыбопромышленных ватаг.

Колонизация не сторожевая, колонизация, приведшая в саратовский край на постоянное жительство промышленное и земледельческое население, началась значительно позднее постройки первых городов. Эта колонизация овладевала краем с трех сторон. Она пользовалась прежде всего волжским путем, оставляя своих пионеров на обоих берегах реки. Она шла затем с севера, выдвигая население из-за Сызрано-Пензенской черты, спускаясь по реке Терешке, или поднимаясь вверх по рекам Суре, Узе и Кададе и переходя затем на Медведицу. Наконец, переселенцы вступали в край с Тамбово-Донской стороны, спускаясь вниз по Воронежу и Хопру или поднимаясь вверх по Хопру и Медведице от устьев этих рек, к которым они приплывали по Дону. Мы приведем имеющиеся сведения о каждом из этих колонизационных потоков, сведения, к сожалению, очень отрывочные, потому что архивы Казанского Дворца, в котором сосредоточено было делопроизводство по краю, погибли, а в других архивах, к тому же далеко еще не разработанных, сохранился сравнительно гораздо менее ценный материал.

I. По Волге в саратовский край проникали монастыри [2])

---

[2]) Ѳ Ѳ Чекалин, „Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII века“, Саратов, 1892. стр. 44 и 47.

[2]) Уже в 1606 году Чудов монастырь получил от царя Василия Шуйского право рыбной ловли в реке Волге ниже Самарской луки, „в Самарских тихих сосновых водах“, „от Черного Затона вниз Волги реки на 45 верст от устья Елань-Иргиз“ (Г. Перетяткович. „Поволжье в XVII и начале XVIII века“, Одесса 1892. стр. 239). В 1616 году Троицкий Сергиев монастырь получает на безпошлинную ловлю на Волге ниже Казани, Тетюш, Самары и Саратова грамоту, в которой сказано. что „изстари де Живоначальные Троицы и великого чудотворца Сергия по государевым жалованным грамотам рыбные ловли в Казани, на Волге и ниже Тетюш до Самары и ниже Саратова и отдаваны на оброк ловцам“ (Тр. Сар. Уч. Арх. Ком., т. IV. вып. 2. стр. 60—61). В 1631 году дается грамота из Казанского Дворца о пожаловании Новоспасского монастыря архимандриту Иосифу с братиею рыбных ловель на оброк в саратовских иргизских водах. (Тр. Сар. Уч. Арх. Ком., т 1, стр 439). В 1635 году рыбные ловли Новоспасского монастыря отписываются на государя, а Новоспасскому монастырю жалуются другие ловли—„Курдюмские и Чирлатовские“, причем из грамоты видно, что они раньше уже были на оброке „за нижегородскими посадскими людьми за Богдашком Кокшарбосским, да за Иванком Охриным с товарищи“ (Тр. Сар, Уч. Ком., т. 1, стр. 441). Позднее рыболовческие предприятия Новоспасского монастыря расширяются и от летнего лова он

сперва с рыбопромышленными, позднее и с другими хозяйственными целями. Они начинали с летней рыбной ловли, устраивали потом зимовки, перевозили затем крестьян на постоянное жительство в новый край, и последние превращались в конце концов в земледельческих колонизаторов. Чудов монастырь получает в восьмидесятых годах XVII века земли на правом берегу Волги в районе нынешнего Хвалынска, сперва для одних рыбопромышленных целей; но в 1699 году он переводит сюда 300 дворов [1]) и в начале XVIII века здесь существует уже значительное село Архангельское (Сосновый Остров), впоследствии переименованное в г. Хвалынск. Новоспасским монастырем в конце XVII века построены были два села: Малыковка (впоследствии Вольск) на Волге и Терса на реке Терсе [2]). Еще позднее число монастырских вотчин стало очень значительно и мы вскоре встретим их не на одном только побережье.

II. Второй колонизационный поток шел с севера. В 1683 году начинается постройка Сызрани. Еще раньше, в конце шестидесятых годов XVII века, на реке Суре была основана Пенза. Между Сызранью и Пензой в восьмидесятые годы строилась укрепленная черта. Скоро население оказалось, однако, впереди черты; несколько лет после постройки Сызрани в 7 верстах южнее ее появился город Кашпир. К этому времени в северной части саратовского края было уже довольно много помещиков и крестьян. Сызранская линия перестала удовлетворять своему назначению, и в 1697—98 году на Медведице, на большой дороге из Пензы в Саратов, построены были город Петровск и близ него несколько других укрепленных пунктов. [3]) Несомненно, что в конце XVII столетия население проникло уже глубоко в северную

переходит также и к зимнему. В восьмидесятые годы XVII века о пожаловании рыбных ловель просит игуменья Новодевичьего монастыря и получает в 1683 г. Атрубские воды в Симбирском уезде, причем и здесь оказывается, что монастырь имел предшественников в лице крестьянина Обросима Портного, принадлежавшего боярину князю Михаилу Черкасскому, а еще раньше того в лице посадского человека Ивана Бородулина (Перетяткович, стр. 243). Еще позднее, в 1699 году Воскресенский монастырь (Московского уезда) получил пожалование в крае. Но Воскресенский монастырь интересовался уже не одними рыбными ловлями. Он получил дикое поле по реке Терешке на пашню по 500 четей в поле, а в дву потомуж да под усадьбы на 100 четей (Перетяткович, стр. 244).

[1]) Н. Соколов, „Раскол в Саратовском Крае“, Сар. 1888, стр. 9.

[2]) Перетяткович, там же, стр. 242.

[3]) В одном из документов, относящихся к истории г. Петровска, сообщается, что в 1699 году Кондратий Булак ездил с подьячим Яковом Божановым „на реку Медведицу в новопостроеный г. Петровск осмотреть угожих крепких мест в Пензенскую сторону, где бы можно построить слободы“ (Тр. С. Уч. Арх. Ком., т. 1, стр. 513).—А. Н. Минх обследовал район Петровска и высказал предположение, что целый ряд селений пахатных солдат,—Еткарская слобода (Аткарск), Казачье, Косолаповка (Яруга), Гремячка, Лех, Старые Бурасы, Алексеевка и Стригай,—составлял здесь около этого времени особую линию сторожевых постов, которая шла быть может еще на северо-восток к Узинскому стану (Тр. Сар. Уч. Арх. Ком., т. 1 стр. 283—284, т. II, стр. 26).

часть саратовской губернии. Мы находим в напечатанных материалах довольно много указаний относительно деревень, церквей и помещиков [1]).

1. В конце XVII века в районе нынешнего кузнецкого уезда появились инородцы, пожалованные землями на тех юридических основаниях, которые получили впоследствии название четвертного права [2]). Во время земского подворного обследования 1886 года в кузнецком уезде из родословного архива дворянского депутатского собрания извлечено было несколько любопытных документов, относящихся к этим пожалованиям и упоминающих об очень раннем акте 1646 года [3]). Повидимому, пожалования служилых инородцев были многочисленны в конце XVII и прекратились к началу XVIII века [4]).

2. К концу XVII столетия в саратовском крае было открыто 24 прихода, значительная часть которых относится к тому району, о котором мы говорим в этом месте [5]).

3. Наконец, из различных документов можно извлечь имена старейших саратовских помещиков [6]). Сведения о них,

---

[1]) Чекалин, бывший в свое время одним из лучших знатоков истории Нижнего Поволжья, писал в 1886 году: „разобрав историю основания каждого из поселков старейшего по заселению в Саратовском Крае Кузнецкого уезда по жалованным грамотам, выписям с отказных книг, купчим крепостям и т. п. документам, я нашел, во—первых, что ни один документ этого рода не восходит ранее 7189 (1681) года, и, во—вторых, что ни малейших указаний о существовании в это же время более ранних поселений не встречается; постоянно упоминается лишь о „государевой земле из диких поль“, „Саратовский Дневник“, 1886, № 63. Однако позднее найдены были документы, не подтвердившие этого мнения в категорической его форме.

[2]) „Служилые инородцы с постоянным различением между ними князей и мурз или дворян, получали землю то в виде прибавки к их старым поместьям на родине—в тогдашних Темниковском, Саратовском и Симбирском уездах, то в виде новых окладов, если они не имели таковых прежде. Мурзы из татар селились нередко на новых землях вместе с своими крепостными людьми, в числе коих были не только их единоверцы, но иногда и русские крестьяне (дер. Тарлаково и Пенделка)“. („Саратовский дневник“, 1886, № 49).

[3]) „Сборник статистических сведений по Саратовской губернии“, том X, Кузнецкий уезд, Саратов 1891, стр. 12 (III отдел).

[4]) Там же, первый отдел, стр. 33

[5]) Сердобский уезд—8 приходов: (Старо-Мещерское 1598, Ртищево 1666, Беково 1671, Никольское 1679, Аничкино 1693, Хованщина 1695, Долгоруково 1679, Изнаир 1699).

Кузнецкий уезд—10 приходов (Чибирлей 1604/?, Камышлейка 1674, Троицево-Никольское 1688, Троицево-Богоявленское 1691, Траханистово 1691, Нижнее-Аблязово 1695, Верхнее Аблязово 1696, Комаровка 1696, Камешкир 1697, Ульяновка 1698)

Петровский уезд—2 прихода (Синенькие 1676, Петровск 1696).

Балашовский уезд—1 приход (Большой Карай 1695)

Саратовский уезд (вероятно северо-западная его часть)—3 прихода.

(Н. Соколов, „Раскол в Саратовском Крае“, Саратов 1888, стр. 5). Мы к сожалению не имеем возможности составить себе суждение относительно степени достоверности этих данных.

[6]) Сведения взяты из следующих источников: „Документы к истории города Петровска“, напечатанные в „Труд. Сар. Арх. Ком“ том I, стр. 513 и сл.; „Опись дел, хранящихся в Московском Архиве Министерства Юстиции“, напечатанная А. А. Голомбиевским в „Тр. Сар. Уч. Арх. Ком.“ том II, стр. 39 и сл.; А. Н. Минх, „Исторический очерк начала заселения Саратовского уезда“, „Тр. Сар. Уч. Арх. Ком.“ том II, стр. 266; Материалы из дел и книг бывших Патриарших приказов, а также из писцовых, отказных, переписных, ландратских книг и производства

разумеется, далеко не полны, но при скудости материалов о саратовском крае в XVII веке и они заслуживают внимания [1]). Из девяноста встречающихся имен лишь двадцать

Поместного Приказа и Вотчинной Коллегии, извлеченные из документов Московского Архива Министерства Юстиции и напечатанные В. и Г. Холмогоровыми в „Тр. Сар. Уч. Арх. Ком.“ том III. вып. 2; „Сборник статистических сведений по Саратовской губернии“, том X, Саратов 1891.

[1]) Мы приводим их под теми годами, в которые впервые упоминаются соответствующие имена.

	Годы.	Имена землевладельцев.	Количество земли.
1.	1646	Султаналей Енолаев	45 душ.
2.	1675	Василий Семенов Неелов	154 четвертей в поле в дву потомуж.
3	1679	Мурза Салтакай Байкеев-Вергалов	25 ч. в поле и т. д.
4.	1680	Усман Мутарзалей	231 ч с осьминою в поле и т. д.
5.	1689	Петр Панкрантьев	200 ч. в поле и т. д.
6.		Лука Панкратьев	200 ,, ,, ,,
7.		Александр Лаврентьев Нечаев	200 ,, ,, ,,
8.		Тимофей Бакшеев	200 ,, ,, ,,
9.		Василий Семенов Змеев	200 ,, ,, ,,
10.		Лев Комлев	60 ,, ,, ,,
11.		Егор Смирнов	70 ,, ,, ,,
12.		Савва Сергеев	70 ,, ,, ,,
13.		Яков Миронов Варыпаев	250 ,, ,, ,,
14.		Григорий Михайлов Варыпаев	150 ,, ,, ,,
15.	1690	Иван Афангелов Щепотев	300—350 ,, ,,
16.		Иван Лаврентьев Симанский	300—350 ,, ,,
17.		Дмитрий Симанский	350 ,, ,, ,,
18.		Иван Ильич Мертваго	300—350 ,, ,,
19		Петр Иванов Нечаев	300—350 ,, ,,
20.		Федор Яковлев Любятинский	300—350 ,, ,,
21.	1691	Иван Неклюдов	120 ,, ,, ,,
22.	1692	Иван Иванов Веденяпин	50 ,, ,, ,,
23.		Андрей Петров Веденяпин	50 ,, ,, ,,
24.		Федосий Васильев Веденяпин	25 ,, ,, ,,
25.		Карп Макеев	50 ,, ,, ,,
26.		Иван Григорьев Кочеев	50 ,, ,, ,,
27.		Сила Артемьев Разгильдеев	50 ,, ,, ,,
28.		Алексей Анисимов Веденяпин	50 ,, ,, ,,
29.		Василий Иванов Веденяпин	50 ,, ,, ,,
30.		Артемий Игнатьев Лопатин	50 ,, ,, ,,
31.		Алексей Семенов Федоров	200 ,, ,, ,,
32.		Григорий Афанасьев Аблязов	?
33.	1693	Петр Тимофеев Евлашев	250 ,, ,, ,,
34.		Василий Смолков	?
35.	1694	Петр Нечаев	50 ,, ,, ,,
36.		Афанасий Анненков	350 ,, ,, ,,
37	1695	Павел Полумордьянов	350 ,, ,, ,,
38.		Семен Полумордьянов	350 ,, ,, ,,
39.		Трофим Малютов	350 ,, ,, ,,
40.		Лукьян Малютов	350 ,, ,, ,,
41.	1696	Никифор Иванов Пестов	100 ,, ,, ,,
42.		Иван Федоров Кадышев	160 ,, ,, ,,
43.		Князь Иван Иванов Долгоруков	100 ,, ,, ,,
44.		Князь Михаил Мещерский	?
45.	1697	Григорий Антонов Ермолов	40 ,, ,, ,,
46.		Осип Иванов	20 ,, ,, ,,
47.		Семен Гладков	20 ,, ,, ,,
48		Иван Лебедев	40 ,, ,, ,,
49.		Никифор Протопопов	40 ,, ,, ,,
50.		Василий Протопопов	40 ,, ,, ,,
51.		Владимир Валяев	20 ,, ,, ,,
52.		Данило Попов	20 ,, ,, ,,
53.		Князь Дмитрий Михайлов Голицын	300 ,, ,, ,,

одно упоминаются ранее последнего десятилетия XVII века и только четыре ранее 1689 года. Отчасти это об‘ясняется, конечно, дефектностью материала, однако остается весьма правдоподобным, что массовое переселение действительно началось лишь в самом конце XVII столетия. Повторяем, что речь идет о переселении с севера; сведения о помещиках относятся главным образом к северо-восточной части сердобского уезда, к северной половине петровского, ко всему кузнецкому, к западным частям хвалынского и вольского и к северо-западной части саратовского.

III. Третье, западное и южное направление саратовской иммиграции можно назвать Тамбово-Донским [1]). С этой сто-

54.		Прокофий Репьев	15	,,	,,	,,
55.		Борис Чуфаров	15	,,	,,	,,
56.		Михаил Чуфаров	15	,,	,,	,,
57.		Алексей Чуфаров	15	,,	,,	,,
58.	1698	Степан Сергеев Яковлев	30	,,	,,	,,
59.		Иван Некрасов	30	,,	,,	,,
60.		Осип Климов	15	,,	,,	,,
61.		Иван Борисов Варыпаев	83	,,	,,	,,
62.	1699	Алексей Внуков	?			
63.		Афанасий Михайлов Дмитриев-Мамонов. Семен Константинов Дмитриев. Боярин Василий Федоров Нарышкин.				
64.	1700	Иван Иванов Салов	25	,,	,,	,,
65.		Князь Павел Кудашев	150	,,	,,	,,
66.		Лука Игумнов	70	,,	,,	,,
67.		Князь Тимофей Тяпин	70	,,	,,	,,
68.		Никифор Полдомасов	70	,,	,,	,,
69.		Иван Русинов	70	,,	,,	,,
70.		Григорий Аристов	70	,,	,,	,,
71.		Михаил Исаев	70	,,	,,	,,
72.		Дмитрий Куруптяев	70	,,	,,	,,
73.		Евсей Куруптяев	70	,,	,,	,,
74.		Феодор Куруптяев	70	,,	,,	,,
75.		Герасим Мальцов	70	,,	,,	,,
76.		Петр Шумнов	70	,,	,,	,,
77.		Михаил Идучаев	70	,,	,,	,,
78.		Петр Григорьев	70	,,	,,	,,
79.		Осип Одучаев	70	,,	,,	,,
80.		Андрей Метлин	70	,,	,,	,,
81.		Нефед Поликарпов	70	,,	,,	,,
82.		Андрей Окулов	70	,,	,,	,,
83.		Петр Андреянов	70	,,	,,	,,
84.		Гр. Иван Гаврилов Головкин	500	,,	,,	,,
85.		Григорий Полянский	150	,,	,,	,,
86.		Дорофей Никитин	?			
87.		Куралина Росланов	} 10.000 десятин.			
88.		Анадырша Расланов				

В четвертях здесь показана только пашня Для получения числа десятин число четвертей помножается на $^3/_2$. Кроме пашни жаловались еще покосы, а неудобные земли совсем не принимались в расчет, так что площадь каждого пожалования была гораздо значительней, чем она должна казаться по приведенным цифрам. Ср. попытку вычислить четверть в различных случаях в „Сборнике Статистических сведений по Саратовской губернии“ том V, Хвалынский уезд, Саратов 1886, стр. 6.

[1]) К той местности на реке Медведице, где Тамбовское направление сходилось с Пензенским, относится указание одного из старых документов о том, что некоторые крестьяне деревень Шацкого уезда еще в 1622 году владели на оброке бортными ухожаями, рыбными ловлями и бобровыми гонами по реке Медведице и по ее притокам: Терсе, Князевке, Карамышу, Идолге и Калшлею (ныне Калышлею). („Тр. Сар. Уч. Ар. Ком“, т. I, стр. 280).

роны заселялась долина Хопра, перейдя который новые поселенцы могли достигнуть правых притоков Медведицы. С этой же стороны переселенческая волна могла достигнуть юго-западной и южной части края, обойдя его как бы фланговым движением вниз по Хопру и по Дону. Мы пишем „могла достигнуть“, а не „достигла“, потому что характер переселенческого движения по Дону представляется гораздо более ясным, чем отраженное его влияние на окраину саратовской губернии. Тамбовское направление захватывало сердобский уезд, балашовский и камышинский, главным же образом балашовский.

И здесь мы встречаем очень старые монастыри [1]). Зато имена первых помещиков, появившихся в этой части края,—впоследствии столь богатой крупными землевладельцами,—до нас почти не дошли. Нам известно здесь только одно крупное,—правда, необыкновенно крупное,—пожалованье земли отдельному лицу, относящееся к XVII веку. Это пожалование Льву Кирилловичу Нарышкину бортных ухожаев в числе 777, из которых 469 „писаны без земель“, „прочие же затем 308 ухожаев писаны и пожалованы имянно со всеми лесами, лугами, дикими полями и степями на реках Хопре, Медведице, Вороне, Елане и прочих текущих по саратовской губернии и другим смежным губерниям, со впадающими в них речками и притоками“ [2]). Пожалованье относится к 1691 году и оно положило начало нарышкинскому землевладению, обнимавшему в одной саратовской губернии многие сотни тысяч десятин.

Для этого района имеется больше всего сведений о нелегальных переселенцах: о тех, которые покидали старые места самовольно и в качестве беглых искали убежища в долинах и лесах левых притоков Дона. При Петре I этот поток был особенно значителен [3]), но он не прекращался

---

[1]) В колонизации Тамбово-Шацкого края видную роль играл Чернеев монастырь. Он получает вотчины и приобретает по вкладным от разных лиц земельные владения уже в конце XVI века и затем особенно в XVII веке. Среди жертвователей встречаются бортники-новокрещены. Часть земель Чернеева монастыря лежала на реке Хопре. („Изв. Тамб. Уч. Арх. Ком.“, 1807, XVI, прилож. 9; „Тр. Сар. Уч. Арх. Ком.“ II, стр. 271). На Хопре находились также угодья Саввина Сторожевского монастыря (Изв. Тамб. Арх. Ком., 1888. вып. XVIII, стр. 53—61) и некоторые вотчины Троицкого монастыря (30-е и 40-е годы XVII столетия) („Изв. Тамб. Арх. Ком.“, II, стр. 270—273).

[2]) Ѳ. Ѳ. Чекалин, „Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII века“, Саратов 1892, стр. 79.

[3]) На карте Брюса этого времени (1695 г.) Тамбов показан украйным городом: ниже его по Вороне, Хопру, Медведице показаны юрты донских казаков и казачьи городки Бузулук (на Хопре), Глазунов (на Медведице) и другие без обозначения имен. Ниже по Дону на левом берегу показаны казачьи городки Качалин и Паньшин. Еще ниже по Дону (судя по карте Крюйса 1699 г.) в конце XVI столетия было довольно значительное казачье население („Тр. Сар. Уч. Ком.“ т. II, стр. 289). Елагин, цитируя в своей „Истории Русского флота“ „Юрнал в путном шествии 204 (1696) г.“ Преображенского полка, приводит сведения о целом ряде городков у устья Хопра. Медведицы и ниже на правом и левом берегу Дона. (Там

и при его преемниках. Не только общие социальные и политические условия петровского царствования, но и некоторые специальные обстоятельства должны были благоприятствовать самовольному заселению этой части саратовского края. Постройка флота на Воронеже, куда сгонялось население на принудительные работы, походы на Азов, все это приближало глухие районы саратовского края к тем местам, в которых проявлялась государственная деятельность, тяжкая и часто даже непосильная для населения. Татищев, посланный в астраханскую губернию в 1715 году, открыл целые деревни самовольно поселившихся на „государевой дикой порожней земле". „Мимо новоселидьбенных сел, доносил он, бегут из разных городов и из сел разночинцы, всяких чинов люди, разными дорогами на Хопер, на Дон, на Медведицу и на Бузулук в казачьи городки" [1]).

Весь материал, относящийся к XVII столетию, очень отрывочен и довольно случаен. Мы в состоянии только разграничить главнейшие направления колонизационных потоков и в этих потоках мы можем еще различить составляющие их социальные элементы. Но относительно мощности потоков мы знаем чрезвычайно мало и наши заключения о ней будут покоиться в большей степени на последующих материалах, чем на тех, с которыми мы познакомились до сих пор. Прежде чем перейти к позднейшим данным, резюмируем еще вкратце то, что нам известно о XVII столетии.

1. Лишь в самом конце XVII века заселение саратовского края начинает приобретать характер массового явления.

2. Из трех направлений колонизационных потоков— Волжского, Сызрано-Пензенского и Тамбово-Донского —более ранними были, повидимому, первое и третье, а более поздним было второе.

3. Однако к концу XVII столетия второе направление, вероятно, опередило по своему значению оба другие.

4. Самыми ранними или по крайней мере одними из самых ранних колонизаторов края являются монастыри. Мы

же стр. 291). Дон лежит за пределами саратовского края. но можно утверждать с большой степенью вероятности, что по Хопру, Медведице и Иловле население поднималось вверх в пределы нынешней саратовской губернии, встречаясь здесь с переселенцами спускавшимися вниз по тем же рекам. В 1684 году из Саратова на Медведицу командированы были служилые люди „для проведывания и осторожности от воров и раскольников". (Историко-географический словарь Саратовской губернии" А. Н. Минха. том I, выпуск 3, стр. 616—619; "Тр. Сар. Уч. Арх. Ком.", том II, стр. 267; заимствовано из „журнала Тамбовской Ученой Архивной Комиссии" 18. VIII, 1886). Оказалось. что кроме казачьего городка Глазунова на Медведице были еще городки „воров и раскольников донских казаков" Скуриха, Дненной, Арчадан, Кобылей, Карповский, Елтерь, Раздор и еще Заполянский городок (ныне станица). Между медведицкими раскольниками и украинскими городами поддерживалась связь. Из Ломова и Тамбова. а также из более далеких мест сюда переходило и мужское и женское население.

[1]) Цит. по А. Н. Минху, „Историко-географический словарь Саратовской губернии", т. I, вып. 3, Саратов 1901, стр. 619.

встречаем их повсюду. Особенно велика была их роль на Волге между Сызранью и Саратовом.

5. Этим определяется социальный характер Волжского колонизационного направления. Здесь возникли сперва монастырские рыболовные станы, а позднее образовались монастырские села. В конце XVIII столетия и в первой половине XIX мы встретим именно здесь, в восточной части хвалынского и вольского уездов, особенно значительное число „экономических" крестьян.

6. Второе направление этой ранней эпохи было инородческо-служилым и помещичьим. Уже в конце XVII столетия число помещиков было здесь довольно велико. Здесь же, в уездах хвалынском, вольском, кузнецком и петровском мы встретим впоследствии значительное число ясачных крестьян и татар.

7. Переселенцы третьего направления рекрутировались в XVII веке преимущественно из беглых, покидавших пределы более старой московской государственности, причем особенно много сюда бежало раскольников.

Но какая часть края была наиболее заселенной? Мы можем только строить догадки об этом по тем материалам, сводка которых дана на предыдущих страницах. Ближе к Сызрано-Пензенской черте население должно было быть гуще, во первых, потому, что здесь оно могло пользоваться сравнительной безопасностью, во-вторых, потому, что здесь преобладала легальная колонизация. Это предположение, покоющееся на разрозненных и случайных сведениях, получает подтверждение со стороны гораздо более полных материалов, относящихся к первой половине XVIII века. Мы и переходим теперь к их обозрению.

А. А. Голомбиевский, сделавший очень много для историографии саратовского поволжья, разработал значительную часть данных 2 ревизии, относящихся к территории саратовской губернии. Он выбрал из ревизских сказок пензенского, нижнеломовского, шацкого, керенского и симбирского уездов данные по тем селениям, которые лежат в пределах саратовского края, и напечатал в трудах Саратовской Ученой Архивной Комиссии [1]) названия селений, возникших до первой ревизии и в промежуток времени между первой и второй, сведения о категориях населения, о численности крестьян и фамилиях владельцев. Этот материал дает очень много для истории колонизации края и являет-

[1]) „Труды Сар. Уч. Арх. Ком.", т. II, вып. 2, Сар. 1890, стр, 252 и сл.; т. III вып. 1, Сар. 1890, стр. 13 и сл.; вып. 2, Сар. 1891, стр. 1 и сл.; т. IV, вып. 2. Сар 1893, стр. 129 и сл.

ся даже наиболее ценным из всего, чем мы обладаем в настоящее время по этому вопросу, хотя он и дефектен в нескольких отношениях [1]).

Число селений, основанных до первой ревизии, то есть до 1721—1725 годов составляет по этим данным 342. Число селений, основанных в следующие два десятилетия, между первой ревизией и второй,—290. Относительно двух селений сведения неопределенны. Всего селений было к 1747 году—634. Список Голомбиевского нельзя считать полным, но едва ли действительное число селений в средине XVIII столетия значительно превосходило 634. В 1859 году, накануне крестьянской реформы, число населенных мест в саратовской губернии составляло 2098 [2]). В 1911 г. оно составляло 2883 [3]).

Так как сведения Голомбиевского относятся только к правобережной части края, то все приведенные цифры сравнимы, и мы можем сопоставить их.

Годы	Число населенных мест.	Относительные цифры.
1721—1725	342	100
1742—1747	634	185
1859	2098	615
1911	2883	814

Число селений, возникших до 1689 года, было ничтожно. Появление первых 342 селений мы можем поэтому приурочить к промежутку времени 1689—1721/25, а возникновение следующих 290 к промежутку времени 1721/25—1742/47. В среднем за первый период возникало приблизительно по 10 селений в год, в среднем за второй период несколько больше: селений 12. В среднем за все следующее столетие,—за вторую половину XVIII и первую половину XIX,—ежегодно возникало по 12—13 селений и, наконец, в среднем за вторую половину XIX века—ежегодно по 16. В общем образование новых населенных мест в саратовской губернии

[1]) Во-первых, Голомбиевским не были разработаны и напечатаны данные по Тамбовскому уез., и у него нет совершенно сведений о юго-западной и южной части края, в которой существовали уже группы населения, вовсе не упоминаемые в разработанных ревизских сказках; во-вторых, у Голомбиевского не указано душевладение отдельных помещиков, а приведено только общее число крестьян в каждом населенном пункте; в третьих, по компетентному отзыву А. А. Гераклитова, лучшего из современных знатоков истории края, приурочение пензенских, нижнеломовских шацких, керенских, и симбирских селений к нынешней саратовской территории сделано не безошибочно; в четвертых, в силу дефектности самого материала для значительной части Узинского стана Пензенского уезда сохранились лишь не полные данные (не все владельцы известны, не указано общее количество душ). Несмотря на эти дефекты, материал поддается разработке и на основании его могут быть сделаны некоторые существенные выводы.

[2]) „Список населенных мест Саратовской губернии", СПБ. 1861.

[3]) „Списки населенных мест Саратовской губернии". Издание оценочно-статистического отделения Сар. Губ. Земск. Упр., Саратов.

происходило довольно равномерно при Петре, затем в промежуток времени от Петра I до Елизаветы Петровны и от Елизаветы Петровны до Александра II, если рассматривать эти периоды без дальнейшего их подразделения.

Этот вывод важен для истории колонизации края, но он, конечно, не исчерпывает интересующего нас вопроса. Новые деревни возникали не только тогда, когда в край вливалось население из других местностей, они образовывались также сплошь и рядом в результате постепенного расселения крестьян уже внедренных в крае. Во всяком случае данные о новых населенных местах сохраняют совершенно самостоятельное значение, поскольку нам необходимо разрешить вопрос не об одной лишь силе иммиграционного движения, но и о районах иммиграции. Где находились те селения, которые возникли при Петре Великом и куда проникли переселенцы при его первых трех преемниках?

Этот вопрос разрешается на основании материалов Голомбиевского вполне отчетливо. А. А. Гераклитовым нанесены на карту селения, встречающиеся в сказках первой и второй ревизии, и его тщательно выполненная работа дает ясную картину постепенного продвижения населения с северо-запада и с севера на юг [1]).

Селения, названия которых отмечены в сказках I ревизии, расположены в кузнецком уезде, в северной части хвалынского и петровского и затем еще по течению Хопра в уездах сердобском и балашовском. Вне этого района встречаются лишь отдельные села и деревни, главным образом в северной части вольского уезда, по берегу Волги и в долине Медведицы. Ко времени 2 ревизии заселенное пространство охватывает уже весь хвалынский уезд, число селений значительно возрастает в северной части вольского уезда, колонизация распространяется на северную часть саратовского уезда, на северную и западную часть сердобского и усиливается в долинах Хопра и Медведицы, образуя целое гнездо близ устья реки Баланды [2]).

В первой половине XVIII века стала заселяться русскими переселенцами и луговая сторона. У самой Волги население начало, правда, появляться значительно раньше. Известно, что самый Саратов основан был сперва на луговом берегу и как раз старейшие сведения о колонизации отно-

---

[1]) Работа, о которой идет речь не напечатана. Мы пользуемся ее результатами с любезного разрешения А. А. Гераклитова.

[2]) Если грубо начертить границу заселенного к 1747 году пространства, то она пройдет через следующие селения: Яблонка (ниже Хвалынска), Поселок (на Терешке), Покурлей, Ерыкла, Царевщина, Стригай, Ст. Бурасы, Савкино, Даниловка, Кондаль, Князевка. Кроме того селения идут по долине Медведицы и по долинам Хопра с его притоками в Сердобском и Балашовском уездах.

сятся иногда к левому берегу [1]). Но более широким потоком русское население хлынуло сюда позднее. чем в нагорную часть края. Очень интересный документ, относящийся к царствованию Екатерины II и регистрирующий наряду с нелегальным населением Иргиза еще и происхождение тех крестьян, которых застал там петербургский чиновник в 1767 году,[2]) сплошь и рядом отмечает лиц, переселившихся в Заволжье во второй четверти XVIII столетия. Но полных сведений, относящихся к левому (самарскому) берегу, у нас нет [3]).

Те же материалы. из которых мы извлекли сведения о числе и расположении селений в первой половине XVIII века, дают нам некоторые данные и о количестве населения.

Цифра населения в крае по первой ревизии нам не известна. Только по одному петровскому уезду Голомбиевскому удалось найти и напечатать раздельно сведения о населении в 1723—1725 и 1742—1747 годах. Петровский уезд был в то время обширнее, чем впоследствии. Он занимал центральную часть северной половины губернии, охватывая южную половину нынешняго петровского уезда, часть (С.-З.) саратовского, часть (Ю.-В.) сердобского и север аткарского [4]). На этой территории во время первой ревизии найдено было 3063 д. м. п. податного населения, а во время второй—5496. Увеличение составляло 2433 д. м. п. Очень любопытно отметить, какая значительная часть этого населения приходилась на г. Петровск: 1939 д. м. п. (65%) в 1723—25 г. и 2450 д. м. п. (уже только 45%) в 1742—47 г. Если мы припомним, что заселение края начало совершаться интенсивно лишь в последнее десятилетие XVII столетия, то из приведенных цифр можно будет сделать вывод, что колонизация происходила довольно равномерно при Петре и его преемниках до Елизаветы. Но мы не можем распространить этот вывод на весь саратовский край,

---

[1]) Ср. „Труды Сар. Уч. Арх. Ком.“. Прот. V Общ. Собр 28 X, 1887, Сар. 1887, Прилож. 2, стр. 5—6.

[2]) Документ помечен 25/II 1767 г. и носит следующий заголовок: „Перепись учиненная в силе имянного ея императорского величества высочайшего указа командированным от правительствующего сената коллежским асессором Лихаревым обще с синбирской провинции воеводским товарищем коллежским же асессором князем Мещерским: поселившимся по реке Большому Иргизу разного звания беглым людям мужеску и женску полу“.

[3]) Данные третьей ревизии и последующих переписей по саратовской губернии тоже не напечатаны и не подвергнуты разработке и мы не можем поэтому дать картину дальнейшего расселения, опираясь на названия сел и деревень. В архивах необходимые материалы имеются и можно лишь надеяться, что задача эта со временем будет разрешена. Однако сведения о землевладении, разработанные нами в следующей главе, восполнят отчасти этот пробел. Они покажут, что в средине шестидесятых годов XVIII столетия южная половина губернии (уезды царицынский, камышинский, аткарский и прилегающие части балашовского и саратовского) все еще была очень слабо заселена.

[4]) „Тр. Сар. Уч. Арх. Ком.“, том II, стр. 252.

потому что в пределах его петровский уезд был в то время колонизационной окраиной.

Если подсчитать цифры населения по сказкам второй ревизии, то для 1742—47 г. получается итог в 73088 д. м. п. Но данные дефектны, ибо по целому ряду пунктов сведения о населении отсутствуют. Если предположить, что число душ в этих селениях в среднем равно населенности тех сел и деревень (того же стана), для которых сведения сохранились, то общая численность населения мужского пола по второй ревизии определится в 94525 д. Но так как и самый список селений, составленный Голомбиевским, не полон и так как самая ревизия пропустила некоторое количество населения в сравнительно еще мало заселенном крае, то общая населенность его была в это время, несомненно, более значительна. Если мы выскажем предположение, что она составляла не менее 125.000 д. м. п., то мы, может быть, будем не очень далеки от истины [1]). Мы и попробуем исходить из этой цифры, сопоставляя ее в дальнейшем изложении с более поздними данными. Пока же займемся кратким анализом социального состава той массы сельского населения, которую вторая ревизия застала в саратовском крае.

Те 73.000 душ мужского пола, которые составляли население более точно описанных сел и деревень, распадались на следующие категории:

	д. м. п.	в %.
Помещичьи крестьяне.	37.164	50,9
Монастырские и синодальные крестьяне	6.344	8,7
Ясачные крестьяне и мордва . .	11.914	16,3
Служилые татары и чуваши . . .	9.555	13,1
Дворцовые	3.016	4,1
Однодворцы, пахотные солдаты и близкие к ним категории . .	4.584	6,2
Черносошные крестьяне	511	0,7
	73.088	100,0

Помещичьи крестьяне составляют здесь большинство. Но в действительности их было еще больше, ибо почти все те селения, для которых не сохранилось данных о населении (148 из 151), принадлежали помещикам. Если предположить, что населенность их равна была в среднем населенности других сел и деревень саратовской части узинского

[1]) В списках отсутствуют между прочим сведения о Саратове, Царицыне, Волжских казаках. Население Петровска также не вошло в сумму 73.088, но оно приведено выше.

стана пензенского уезда, в котором все они были расположены, то абсолютное число помещичьих крестьян возрастет до 58 т., а доля их до 62%. Вместе же с монастырскими до 70% с лишним. Однако эти цифры в свою очередь уже несколько преувеличены, ибо в южной части края мы нашли бы одних государственных крестьян разных категорий, а об этой части края у Голомбиевского никаких данных не имеется. Во всяком случае помещечьему элементу в широком смысле (помещикам и монастырям) в северной половине губернии в то время принадлежало первое место.

Роль монастырей была очень значительна, хотя и уступала роли частных землевладельцев. Во время второй ревизии мы находим в крае поместья 24 монастырей, двух московских соборов и синодального ведомства [1]). Монастырские крестьяне встречаются в 43 селениях, из которых 30 возникло до первой ревизии.

---

[1]) Они перечислены в следующем списке.

Название владельцев.	Число вотчин.	Число душ.	Примечания.
Московский Высоко-Петровский монастырь	1	?	
Московский Богоявленский монастырь	1	?	
Московский Симонов монастырь	2	172	
Московский Ивановский Женский монастырь	1	?	
Московский Зачатьевский Женский монастырь	1	?	
Московский Знаменский монастырь	1	?	
Московский Новоспасский монастырь	2	1017	
Паисиев монастырь	1	86	
Троице-Сергиевская Лавра	4	1901	В одной вотчине число крестьян не указано.
Спасо-Ефимьевский монаст. в Суздале	2	?	
Спасо-Преображенский монастырь	1	83	
Покровский Женский монастырь в Суздале	1	315	
Саввы-Сторожевский монастырь	1	55	
Макарьевский Желтовод. монастырь	1	3	
Владимирский Золотоворотский мон.	1	7	
Арзамасский монастырь	1	1	
Николо-Волосовский монастырь	1	8	
Суздальский Митрополич.	1	4	
Рождественский Владимирский мон.	1	65	
Воскресенский монастырь (Нов. Иерусалим)	2	1315	
Переяслав.-Ряз. Троицкий монастырь	2	?	
Коломенский Голутвин монастырь	1	?	
Ростовский Борисо-Глебский монастырь	1	?	
Нижегородский Аранский монастырь	1	17	
Успенский Собор (Моск. ?)	1	?	
Благовещенский Собор в Москве	4	530	В одной вотчине число крестьян не указано.
Синодальное ведомство	5	765	В одной вотчине число крестьян не указано.
ВСЕГО	41	6344	

Общую силу колонизационных потоков **во второй половине XVIII и в первой половине XIX века** можно определить, сопоставляя данные второй ревизии с более поздними сведениями. Такие сведения сохранились в материалах ревизских сказок. Однако этот очень громоздкий материал еще не разработан, и мы вынуждены довольствоваться теми данными за отдельные годы, которые удается извлечь из других источников. Они менее надежны, чем цифры подлинных переписей, но ими все же возможно пользоваться [1]).

Годы.		Крестьянское население. Д. М. П.
1742—47	около	125000
1781—87	„	243000
1823	„	484000
1844	„	748000

Нас интересует прежде всего вопрос о периодах наиболее интенсивного заселения. Приведенные цифры не могут, конечно, дать удовлетворительный ответ на него, так как естественный прирост не отделим в них от механического. Но если предположить, что процент естественного прироста оставался неизменным и равен был среднему приросту за 1801—1860 г.г., то есть (по данным не очень достоверным) —1,34%,[2]) то можно построить рассчет о вероятной силе колонизационной волны в отдельные периоды. Такой рассчет приводит к следующим результатам.

[1]) Для 1772 года, т. е. для четвертой ревизии число государственных крестьян различных категорий и число помещичьих крестьян приведено у Германа в „Статистических Исследованиях" 1819. т. I, стр. 110—122 и 187—189. Оно составляет 156.671 крепостных и 121.671 казенных, а всего 278.342. Но территория наместничества в это время была значительней, чем территория края в нашем определении: в него входили новохоперский и черноярский уезды. Последний был очень мало заселен, но первый по плотности населения едва ли уступал наиболее колонизованным частям северной половины губернии. Общее число уездов составляло 12 вместо 10. Если бы мы приняли, что на два названных уезда приходилось 2/12=1/6 всего населения, то мы взяли бы слишком много. Если бы мы исходили из 1/12, то мы наверное взяли бы слишком низкую цифру. Мы возьмем среднюю между обеими цифрами (1/8) и может быть это будет наиболее правдоподобным разрешением нашего затруднения. Если отбросить 1/8 числа крестьян, то останется с округлением: 137.000 крепостных и 106.000 казенных крестьян, а всего 243 000. Для 1823 года мы находим данные в „Сведениях к составлению отчета за 1824 год Саратовской Казенной Палаты", а для 1844 года в Окладной Книге Казенной Палаты. Что касается пятидесятых годов, то они не сравнимы с предшествующими периодами, потому что с образованием самарской губернии от прибрежных уездов отходит заволжская их часть.

[2]) Научная разработка материалов об естественном движении населения началась в Центральном Статистическом Комитете со второй половины 60-х годов. По данным Ц. С. К. средний прирост составлял в 1871—1880 г.г. —1,36%, а в 1861—1870 г г.—1,32%. Для дореформенного времени мы вообще имеем лишь цифры (да и то не очень надежные) для XIX столетия. Средняя за 1801—1860 г.г. составляет по данным В. Покровского 1,34% (54 полутом Энциклопедического Словаря К. К. Арсеньева и Ф. Ф. Петрушевского).

Периоды.	Ежегодное число переселенцев. Д. М. П.
1689—1742/47	около 1500
1742/47—1781/87	„ 600
1781/87—1823	„ 1700
1823—1844	„ 3500

Для последнего периода мы имеем материалы, позволяющие проверить эти выводы.

При всяком переселении одна Казенная Палата должна была снять переселенца с учета, а другая взять его на учет. Отсюда возникало особое делопроизводство, следы которого остались в архивах. Так как регистрация прибылых и убылых душ имела для Казенной Палаты фискальное, а не статистическое значение, то момент взятия на учет не всегда совпадал с моментом переселения. Но в конце концов переселенец попадал в окладную книгу и средние числа за несколько лет дают нам те сведения, которых мы ищем. Мы имеем их за некоторые годы, попадающие в наш последний период (1823—1844), и эти средние числа подкрепляют представленный нами расчет.

Оказывается, что в среднем за 8 лет, для которых у нас имеются данные (1824, 1825, 1827–1830, 1834, 1843), число переселенцев составляет около 3000 (2875), то есть лишь на $^1/_6$ меньше нашей гипотетической цифры. Такое приближение можно считать удовлетворительным, так как на основании построенного ряда мы расчитываем уловить лишь основные тенденции в развитии колонизации.

Наши исчисленные данные относительно силы колонизационного движения в XIX веке, вероятно, не очень далеки от истины. Наши данные относительно XVIII века остаются весьма гадательными. Но в чем могла заключаться наша ошибка? Цифра, взятая для первого периода, может быть слишком высока, ибо заселение, хотя и в незначительных размерах началось раньше того момента, который мы взяли в качестве исходного. Напротив, цифра, взятая для второго периода, может быть преуменьшена, ибо имеются прямые известия о казачьей, малороссийской, раскольничьей и немецкой колонизации в течении этого периода. Возможно, следовательно, что между полустолетием 1689—1745 и сорокалетием от второй до четвертой ревизии разница не так значительна, как мы показываем в нашей табличке, но весьма правдоподобно, что довольно большое различие все же существовало. Наши периоды кроме того очень уж велики, что обусловлено характером материала. С вероят-

ностью, приближающейся к достоверности, можно утверждать, что наш второй период распадается на две разнородные части. Царствование Екатерины II было временем усиленной колонизации; тем слабее она должна была быть от второй ревизии до начала екатерининских колонизационных начинаний, т. е. в самой середине XVIII века, или в царствование Елизаветы Петровны.

Социальный и национальный состав переселенцев этих периодов значительно изменился сравнительно с эпохами допетровской и петровской колонизации. Выше мы познакомились с несколькими группами переселенцев, пришедших в край до второй ревизии. Мы должны теперь расширить их число. Кроме монастырей, помещиков и их крестьян, мелких служилых людей из инородцев и великороссов и беглых разных разрядов, мы встречаем отчасти уже во второй четверти, а главным образом во второй половине XVIII века еще новые разряды колонизаторов саратовского края.

1) Малороссы [1]) появились в саратовском крае уже в начале XVIII века. Их водворяло сперва правительство на Царицынской сторожевой черте. Позднее их число значительно увеличилось и они стали сами являться в саратовский край (особенно в конце XVIII века), убегая от своих помещиков в Малороссии и селясь как на казенной, так и на помещичьей земле, причем многие из них попали впоследствии в крепостную зависимость. В 1795 году правительство обязало малороссов возить соль с Эльтонского озера и наделило их землей. В двадцатых годах XIX столетия возка соли прекратилась. Часть малороссов была переведена в Поволжье саратовскими помещиками, имевшими вотчины в малороссийских и юго-западных губерниях. Селились малороссы на нагорной стороне в саратовском, аткарском, балашовском, камышинском, царицынском уездах и на луговой стороне в будущих уездах николаевском и новоузенском.

2) Немцы [2])—колонисты, выходцы преимущественно из

[1]) Ср. „Труды Сар. Уч. Арх. К.“, т. IV, стр. 17—18; „Тр. С. У. Арх. К.“, т. I, стр. 264—277; „Список населенных мест Саратовской губернии“. СПБ. 1862, стр. XXXVIII; „Историко-географический словарь“ А. Н. Минха; „Сборники статистических сведений по саратовской губернии“, А. Ф. Леопольдова, „Статистическое описание Саратовской губернии“, СПБ. 1839; Его-же, „Летопись Саратовской губернии со времени присоединения сего края к России до 1821 г.“, СПБ. 1841.

[2]) Ср. Акад. Паллас, „Путешествие по разным провинциям Российского Государства“, ч. III, половина 2; 1772—1773, СПБ. 1778; А. А. Клаус, „Наши колонии, Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России“, СПБ. 1869; Г. Г. Писаревский, „Из истории иностранной колонизации в России в XVIII веке“, Москва 1909; Его же, „Внутренний распорядок в колониях Поволжья при Екатерине II“, Варшава 1914; Его же, „Хозяйство и формы землевладения в колониях Поволжья в XVIII и в первой половине XIX века“, Ростов н. Д. 1916; Его же, „Переселение прусских менонитов в Россию при Александре I“, Ростов н. Д. 1917.

Вестфалии, Пфальца, Баварии, Саксонии, Швабии, а также из Швейцарии, Эльзаса и Лотарингии, начали селиться в крае с 1765 года, явясь сюда по вызову агентов Екатерининского правительства и получив землю на нагорной стороне в уездах камышинском, саратовском, аткарском и на юге царицынского и на луговой стороне в будущих уездах николаевском и новоузенском. Отдельная группа немцев — колонистов (менонитов) переселилась в заволжье при Николае I и образовала здесь наиболее зажиточные из немецких селений.

3) Раскольники [1]), о которых мы упоминали уже выше, как о беглых, селились в крае в XVII столетии и продолжали являться в него в XVIII веке, находя пристанище и на правом и на левом берегу. Их можно было встретить на Иргизе значительно раньше, чем их призвало сюда Екатерининское правительство. Но во второй половине XVIII века их переселение стало легальным. Манифестом 4-го декабря 1762 года и сенатским указом 14-го декабря того же года раскольники, находившиеся в Польше и в других странах, „не имея понятия о силе законов, страшась притеснения и истязания“ и опасаясь возвратиться в Россию, были приглашены в Нижнее Поволжье на Караман и Иргиз. Раскольники, как известно, откликнулись на это приглашение и уже в XIX столетии их число, особенно на Иргизе, значительно возрасло.

4) Казаки переведены были в саратовский край с Дона при Анне Ивановне в 1732 году в количестве 105 семей под начальством атамана Макара Персидского и поселены в царицынском и камышинском уездах для защиты южных селений от набегов калмыков и нагайских татар, а также и для несения кордонной службы на царицынской линии. Эти выходцы с Дона образовали Волжское Казачье Войско, главным пунктом которого была станица Дубовка. За участие в пугачевском бунте волжские казаки переведены были в 1777 году на Терек, но некоторое число их осталось в пределах саратовского края.

5) Ссыльные тоже встречаются в саратовском крае в XVIII столетии. По сведениям, заимствованным Н. Соколовым из документа рукописного отдела саратовской семинарской библиотеки, в село Антиповку камышинского уезда с 1737 года в течении 40 лет ссылались преступники на каторжные работы в каменоломнях. Камень шел на по-

---

[1]) Н. С. Соколов, „Раскол в Саратовском крае“, Саратов 1888, стр. 1—28; „Список населенных мест самарской губернии по сведениям 1859 г.“, СПБ. 1864— Раскольниками основаны на Иргизе три селения: Мечетное (ныне Николаевск), Каменка и Балаково.

стройку казенных зданий в Астрахани и на возведение камышинских батарей [1]).

Сводя все эти старые и новые разряды переселенцев к двум разрядам—помещичьих и казенных крестьян, мы постараемся еще рассмотреть те количественные изменения в соотношении этих групп, которые происходили в течение ста лет после второй ревизии. Мы остановимся на тех моментах, для которых у нас имеются достаточные данные.

Годы.	Крестьян. Помещичьих [2]). Д. М. П.	%	Казенных (всех разрядов). Д. М. П.	%
1742/47	58 тыс.	62	36 тыс.	38
1781/87	137 „	56	106 „	44
1823/28[3])	257 „	55	231 „	45.
1844	335 „	45	413 „	55

Между второй ревизией и четвертой число казенных крестьян возрасло сильней, чем число помещичьих. Это об‘ясняется главным образом заселением края малороссами—солевозами, раскольниками и иностранными колонистами, вызванными Екатерининским правительством.

В течение следующего сорокалетия число помещичьих крестьян росло столь же быстро, как и число казенных всех категорий. Это приходится отнести главным образом за счет сравнительной силы различных колонизационных потоков. Правда, к этому периоду относятся и случаи пожалования населенных имений, о которых речь еще будет в следующей главе. (Таких случаев в крае было немного). Но с другой стороны Тройницкий правильно отметил в своем исследовении населения России по десятой народной переписи, что в XIX веке существовало несколько способов выхода из крепостного состояния (рекрутчина, увольнение отдельных крестьян, увольнение целых селений в свободные хлебопашцы, взятие в казну выморочных, приобретение населенных имений у помещиков ведомством уделов), но не существовало больше способов закрепощения, и что это обстоятельство должно было вызывать само по себе сравнительно более медленное движение крепостного населения. О возможности меньшего естественного прироста населения у помещичьих крестьян, чем у других разрядов, мы здесь не говорим, потому что этот вопрос недостаточно исследо-

[1]) Н. Соколов, там же, стр. 11.
[2]) Включая свободных хлебопашцев
[3]) Средняя из цифр 1823 и 1828 г.г

ван и догадки отдельных авторов основаны на мало обработанном материале.

В течение следующего двадцатилетия (1823—1844) прибыль казенных крестьян стала значительно опережать рост числа крепостных. Колонизационная деятельность помещиков не прекратилась и даже шла довольно оживленно. Но в это время происходило уже быстрое заселение заволжья и саратовского юга государственными крестьянами и чаша весов начинала все более склоняться в сторону государственных крестьян [1]).

Для последнего из рассмотренных периодов у нас имеются и более подробные данные, а именно сведения Казенной Палаты о численности различных разрядов населения в 1828 году. Число разрядов очень велико. Доминирующее место,—при подробном перечислении это обнаруживается особенно ярко,—занимают помещичьи крестьяне.

Разряды населения.	Число душ.	
	м. п.	ж. п.
Помещичьих крестьян	256,609	249,700
Удельных	23,817	25,511
Однодворцев	26,351	26,146
их крестьян	107	108
Государствен. крестьян	34,289	34,305
Экономическ. крестьян	45,176	48,149
Ясачных крестьян	46,868	45,232
Черносошных крестьян	1,514	1,649
Бобылей	1,794	2,148
Отписных	427	422
Казенных крестьян	1,403	1,032
Свободных хлебопашцев	3,200	3,194
Татар	18,400	19,154
Колонистов	31,183	31,157
Взятых в казенный присмотр	40	44
Выморочных	24	39
Чуваш	227	240
Итого	491,579	488,395
Всего	979,974	

[1]) Однако в большой пестрой группе казенных крестьян находились элементы, которые по своему положению, по крайней мере в XVIII веке (во время переселения основного своего контингента), были ближе к помещичьим крестьянам, чем к большинству категорий крестьян государственных. Это „экономические крестьяне", потомки крестьян монастырских и синодального ведомства. К этой же группе (казенных) мы отнесли удельных крестьян, желая противопоставить помещичьим крестьянам все остальные разряды, хотя удельные крестьяне стали отчетливо обособлять-

Для периода, захватывающего уже и пятидесятые годы мы располагаем данными лишь по нагорной части края, т. е. по саратовской губернии современного состава.

ЧИСЛО КРЕСТЬЯН [1]) В ТЫСЯЧАХ.

Годы.	Помещичьих [2]). д. м. п.	%	Остальных (все разряды). д. м. п.	%	Всего. д. м. п.
1844	310 тыс.	52	287 тыс.	48	597
1853	327 „	48	342 „	52	669
1858	339 „	48	359 „	52	698

Увеличение числа крестьян в помещичьих вотчинах прекратилось. Зато до крымской кампании совершался еще быстрый рост населения казенных деревень.

Те материалы, сводку которых представляет настоящее введение, очень неполны и написать, опираясь на них, историю заселения саратовского края, не представляется возможным. Но мы могли наметить основные этапы колонизации, кратко охарактеризовать главные колонизационные потоки, приурочить важнейшие явления из истории заселения нашей части Нижнего Поволжья к определенным эпохам и местам, и связать эти явления с некоторыми фактами обще-государственной политики. Подведем теперь итог этой работы.

До конца XVII века колонизация края происходила медленно. Начиная с конца XVII века, к заселению саратовского края прилагаются значительные усилия. Эти усилия особенно велики в царствование Петра I, Екатерины II и Николая I.

При Петре, как мы уже видели, строится Петровск на Медведице и в центре губернии создаются слободы пахотных солдат; на юге после 1717 года строится Царицынская укрепленная черта: обширные пространства земли раздаются служилым людям и городам (пожалования Саратову и Петровску); кроме того усиливается приток беглого населе-

---

ся уже в прежние столетия (крестьяне дворцовые), а начиная с царствования Павла I они образовали совершенно самостоятельную группу со многими особенностями быта. В эту же группу, наконец, вошел и такой своеобразный,—притом довольно, многочисленный,—элемент юго-восточного населения, как немцы колонисты.

[1]) Цифра 1853 т. по губернаторскому отчету.—Цифра 1858 г. по „Статистическим таблицам Российской Империи“, изд. по распоряж. М. В. Д. Центр. Стат. Ком. вып. II, СПБ. 1863.

[2]) Без свободных хлебопашцев.

ния из центра на окраины. Все это вместе было причиной первого большого движения в пределы саратовского края, начавшегося около того времени, когда на престол вступил Петр I и закончившегося около того времени, когда воцарилась Елизавета Петровна.

При Екатерине II в саратовский край вызваны были иностранные колонисты. В саратовском заволжье пожалованы были земли возвратившимся из-за границы раскольникам. В мало заселенных еще частях наместничества розданы были земли сановникам, чиновникам и офицерам. Приняты были меры к более точному определению земельных прав. Все это вместе было причиной второго большого колонизационного движения, начавшегося, вероятно, уже в шестидесятые годы и затянувшегося до середины XIX столетия. В создании этого потока помещики приняли самое деятельное участие, но их роль закончилась уже в первой половине сороковых годов. Именно в это время государство снова принялось за дело заселения, правда, преследуя иные цели, чем раньше, но достигая отчасти аналогичных результатов. Сороковые годы и начало пятидесятых—время переселенческой работы нового министерства государственных имуществ с графом П. Д. Киселевым во главе, время новой организации переселенческого дела и предоставления переселенцам существенных льгот. Главным колонизационным районом этого времени был юго-восток. Последний колонизационный период (вторая четверть XIX столетия) был гораздо более напряженным, чем предыдущий. К. В. Залесский, который оперировал данными за 1817, 1830 и 1853 годы, пришел к заключению, что в промежуток времени 1817--1830 средний прирост населения составляет ³/₄%, а в 1830—1853 г.г. 1³/₄%. Это по общему характеру тенденции вполне совпадает с нашими выводами. „Такая разница в приращении населения между приведенными периодами,—полагал он однако,—произошла только малой частью от переселения из других губерний, сделанных по распоряжению правительства, но главнейше от того, что после 1830 года богатство приволжского края стало более известным и привлекало не только в заволжье, но и в саратовскую губернию много людей из разных мест России“ [1]).

---

[1]) „Сельско-хозяйственная статистика саратовской губернии“, Журнал Министерства Государственных Имуществ“, 1857, том IX, стр. 277.—В эти же десятилетия происходило усиленное заселение заволжской части края. Уже в период от 7 до 8 ревизии (1816—1834) население николаевского и новоузенского уездов возросло на 50%, причем около половины этого количества приходилось, повидимому, на переселенцев. „Список населенных мест самарской губ.“, 1864, стр. XXV.—В описании самарской губ., напечатанном в Журн. М. В. Д. за 1860 г. ч. XLIII, стр. 49 говорится, что за промежуток времени 1835—1855 в новоузенский и николаевский у.у. переселилось более 20 тыс. семейств.

Помещичья колонизация прекратилась раньше „казенной“. Но в общем помещичья деятельность в этой области была огромна и, несмотря на то, что к разряду казенных крестьян мы относили в своих таблицах очень разнообразные категории, за крепостным элементом во всю дореформенную эпоху оставалось выдающееся место. Это обстоятельство очень существенно для нас и нам придется возвратиться к нему еще в другом месте.

ГЛАВА I.

Из истории землевладения.

В середине девятнадцатого века саратовская губерния была дворянской. На рубеже двадцатого века, не будучи уже дворянской, она оставалась еще помещичьей. Из 7.665.523 дес., составлявших всю ее площадь, в „частной собственности“ находилось 2.368.237 дес. или 31%, причем не вся остальная земля принадлежала крестьянам, а 1.098.103 дес. были во владении казны, уделов, городов, церквей и учреждений [1]). Непосредственно вслед за освобождением крестьян площадь помещичьих земель была еще значительней, потому что за время от реформы до 1897—99 г.г. крестьянскими обществами и товариществами было приобретено 370.986 дес. И еще больше эта площадь была **перед** освобождением, ибо при реформе крестьяне саратовской губернии получили в надел 875.158 дес. [2]). Помещики владели до реформы половиной губернии.

Губерния была дворянской. Когда же и как образовалось это обширное дворянское землевладение почти на государственной окраине, рядом с местами, где, как в астраханской губернии и в новоузенском уезде самарской губ., помещиков было очень мало или даже не было вовсе? Мы уже знаем, что интересующий нас процесс не был делом особенно далекого прошлого. Нам предстоит теперь изобразить отдельные этапы этого процесса, поскольку это позволят сделать сохранившиеся источники.

В „Материалах“ о землевладении в саратовской губернии, составленных В. И. Серебряковым на основании земских оценочно-статистических работ конца 19-го века, имеется между прочим краткий очерк истории землевладения в крае. В нем сообщаются отдельные сведения из истории заселения и земельных пожалований и приводятся данные, как о распределении земель по угодьям, так и о распределении земель между основными категориями владельцев в эпоху генерального межевания, которое производилось

[1]) „Материалы для оценки земель Саратовской губернии“, т. I, вып. I, Саратов 1906, стр. 42—45.

[2]) Там же, стр. 131.

в саратовской губернии в течение нескольких десятилетий: от 1798 до 1835 года.

„Основываясь на исторических данных,—писал В. И. Серебряков,—частью документальных, можно заключить, что к началу XVIII столетия землепользование в саратовском крае представлялось в следующем виде: значительная часть земель всей юго-восточной окрайны была отчуждена правительством по „отказным“ книгам частью в вечное и потомственное владение частных лиц, частью в пользование общественных групп, каковыми явилось население городов, слобод и пр., частью отдана из оброка или в ясак крестьянам... Другая же часть земель окрайны, количественно не учтенная, оставаясь во владении государства, составляла тот запасный земельный фонд, из которого в последующее время правительство пользовалось для наделения „прибылого“ населения и для раздачи частным лицам“ [1]).

Мы цитируем именно этот вывод, потому что только в работе В. И. Серебрякова мы находим попытку осветить историю землевладения в крае, хотя бы в кратком, но связном общем очерке. Обильные же данные, собранные Голомбиевским, Холмогоровым, Харизоменовым, Шахматовым, Лебедевым, Минхом, Хованским, Гераклитовым и многими другими сотрудниками Саратовской Ученой Архивной Комиссии, представляют пока хотя и высокоценный, но сырой и крайне диспаратный материал.

К прежним данным этих исследователей нам удалось присоединить новые статистические сведения, извлеченные из саратовских архивов. Весь материал вместе взятый дает возможность внести поправки в воззрение, которое цитировано выше, и изобразить историю землевладения в крае несколько отчетливее и полнее. Пробелы в изложении будут еще велики, но все же менее существенны, чем они были раньше. И в частности обнаружится, что „значительная часть земель всей юго-восточной окрайны была отчуждена правительством“ не к началу XVIII века, а гораздо позднее. Овладение всем саратовским краем есть дело новейшего времени.

Сведения о XVII веке и о первой половине XVIII столь отрывочны,— для територии нынешней саратовской губернии не сохранилось, как известно, писцовых книг,—что невозможно написать, основываясь на них, картину землевладения в крае. Уже в XVII веке саратовские земли раздавались мелким и крупным служилым людям. Мы привели во введении список помещиков XVII столетия, имена которых дошли до нас, и мы отметили там же замечательное пожало-

[1]) Там же, 32, 33.

вание огромных земельных пространств Л. К. Нарышкину по рекам Цне, Вороне, Хопру, Медведице и Елани, — пожалование, оставившее глубокие следы на последующей земельной истории края. Трудно сказать, насколько значительны были другие пожалования XVII века.

Мы находим:

27 пожалований—до 50	четвертей	в	поле	а	в дву	потомуж.
24 пожалования—от 51 до 100	четв. „	„	„ „	„		„
13 пожалований—от 101 до 200	„	„	„ „	„		„
14 пожалований—от 201 до 400	„	„	„ „	„		„
1 пожалование—в 500	„	„	„ „	„		„

Размеры остальных пожалований (кроме Нарышкинского, не введенного в этот список) неизвестны. Чтобы перевести четверти в десятины, как это обычно принято делать, нужно помножить число четвертей на три и произведение разделить на два: это даст число десятин в трех полях. Но в четвертях выражалась только площадь пахотной земли. Сенокосы и лесные угодья жаловались сверх этого. Неудобные земли не входили вовсе в рассчет. Приведенные цифры не дают поэтому достаточно ясного представления о распределении земельной собственности; но общее впечатление от них заставляет думать, что уже в конце XVII столетия очень значительная часть предоставленного помещикам фонда сосредоточивалась в руках крупных владельцев. И наряду с помещиками в это время в качестве землевладельцев очень видное место должны были занимать монастыри.

Мы видели во введении, какую значительную роль помещичий элемент играл в северной половине саратовского края около середины XVIII столетия. Данные 2 ревизии показали нам, что больше половины населения края состояло из помещичьих крестьян, а названия селений обнаружили, что села и деревни расположены были главным образом в северной половине края. Но прямых данных о **землевладении** в середине XVIII столетия у нас нет. Такие данные и притом в виде сплошного материала, поддающегося статистической обработке, встречаются в источниках лишь начиная с 60-х годов XVIII века и они как раз восполняют те пробелы, которые особенно чувствовались во введении, ибо они относятся к южной половине края, о которой наши сведения были до сих пор особенно скудны.

В связи с переселенческими планами екатерининского правительства в 60-е годы XVIII века необходимо было выяснить колонизационную емкость юго-восточных степей; разрешить эту задачу должно было так называемое опекунское

межевание. Подлинных дел этого межевания в нашем распоряжении нет. Но в Саратовской Архивной Комиссии хранится обширная сводка результатов опекунского межевания, попавшая в Комиссию из Надеждинского Архива князя А. Ф. Куракина. Эта сводка носит название „ведомости состоящим по саратовской губернии казенным и владельческим землям, обмежеванным в бывшее опекунское межевание“ [1]) и составлена она была, повидимому, в самом конце XVIII столетия; вероятно, поводом к ее составлению послужили те обширные пожалования, которые производились в это время на юго-востоке. В ней отмечены земли, обойденные в опекунское межевание, названия селений и число душ м. п. иногда по 3-ей, иногда по 4-ой ревизии, имена владельцев и имена ходатайствовавших о пожалованиях лиц, содержания ходатайств, содержания удовлетворенных просьб и, наконец, количества свободных казенных земель.

Другой очень ценный документ, который мы использовали в настоящей главе, принадлежит архиву Саратовской Казенной Палаты. Это—дело, начавшееся 25 ноября 1803 г. по предложению саратовского губернатора Белякова „о доставлении к нему ведомостей о намежевании казенным селениям казенной земли в ведомстве палаты до 1798 г. состоящей“ [2]). Оно содержит в ряде ведомостей описание постепенной раздачи казенной земли от опекунского межевания до 1798 г. и затем при генеральном межевании до 1803 г. не только всем разрядам казенных крестьян, но также и помещикам.

Третий источник, из которого мы могли почерпнуть некоторые массовые данные, тоже принадлежит архиву Саратовской Казенной Палаты. Это—дело 1788 года „о пожалованных по высочайшим 1785 года рескриптам разным владельцам землях“ [3]).

Кроме того мы пользовались статистическими данными, имеющимися в материалах Скребицкого, данными подворной и оценочной переписи саратовского земства, опираясь на которые возможно сделать и некоторые исчисления относительно более отдаленного прошлого, и, наконец, исследованием Н. Ф. Хованского „Помещики и крестьяне саратовской губернии“ (Саратов 1911),—работой, в которой собран богатый материал, напечатанный, к сожалению, в совершенно необработанном виде, почти без ссылок и нередко даже без указания, к какому времени относятся излагаемые факты.

---

[1]) Серия документов № 824. Начало ведомости напечатано А. О. Лебедевым в „Трудах Сар. Уч. Арх. Ком.“, т. IV, вып. 3 и сл.

[2]) Архив Саратовской Казенной Палаты № 566.

[3]) Архив Саратовской Казенной Палаты № 340.

Опекунское межевание не имело специально ввиду территории нынешней саратовской губернии. Указ 19 марта 1764 г. приказывал обратить под поселение иностранцев местность, очерченную следующей границей: „от острова Чердынского до Царицына; от Царицына до крепостцы Донской и далее до без'именной реки, впадающей в Дон, потом до реки Медведицы и далее до Хопра; а от Хопра вверх Доном до реки Битюга, и вверх оною рекою до самой ее вершины; а от вершины до Новохоперской; а оттуда вверх по Хопру до сел Знаменского и Долгорукова; а потом подле земель пензенской провинции до саратовского уезда и чрез оный по малым рекам до без'имеиной реки, впадающей в Волгу против острова Гордымского, а тою рекою вниз до помянутого острова“ [1]). Эта площадь, с одной стороны, выходила за пределы нынешней губернии, захватывая часть области Войска Донского и воронежской губернии; с другой стороны, она не покрывала и всей саратовской губернии современного состава. Относительно трех уездов—царицынского, камышинского, аткарского мы можем сказать довольно уверенно, что они были обмерены целиком. В остальных случаях сумма данных опекунского межевания не достигает всей площади уезда и это показывает, что обмежеванию подлежала только часть его территории или же что межевые чины справились здесь лишь с частью своей задачи. Однако и при таких границах опекунского межевания материал его все же представляет для нас значительную ценность. Три уезда, в которых произведено было сплошное межевание в 60-х годах XVIII века, занимают площадь в 2.996,661 дес., или почти 40% всей территории губернии [2]). Сверх этого чины опекунского межевания обошли в балашовском, сердобском, петровском и саратовском уездах 1.669,499 дес., что составляет еще 23% территории нагорной стороны. Все вместе—почти 2/3 нагорного пространства. Для наших изысканий особый интерес представляет при этом следующее:—мы пытались установить во введении, какая полоса края была заселена к моменту 2 ревизии, и осторожно начертить внутреннюю границу этой полосы. Если мы сравним эту черту с пределом опекунского межевания, то окажется, что они в общем достаточно близко подходят друг к другу. Новые материалы дают нам именно то, чего мы не находили в старых.

---

[1]) П. С. З., 1 изд. № 12095.

[2]) Ход работы по извлечению этих данных мы воспроизводим в приложении целиком, чтобы дать вместе с тем понятие о характере статистического материала и о приемах его сводки. Данные по царицынскому уезду становятся совершенно отчетливыми только для 80-ых годов XVIII века.

Прежде чем воспользоваться этими материалами, мы должны выяснить здесь еще одно обстоятельство. Что собственно констатировало опекунское межевание?

Его задачей было определить количество свободных земель, пригодных для колонизационных замыслов петербургского правительства. Но понятие „свободные зе́мли" требует некоторых пояснений. Прежде всего оно не совпадает с понятием „необработанные земли". Правда, свободные земли почти всегда были необработаны и неиспользованы. Но необработанные и неиспользованные земли не всегда были свободны. Там, где существовал законный титул владения, земля не была свободной. Это был формальный признак, который должен был служить первым критерием для межевых чинов. К нему присоединялся, однако, еще и другой, материальный признак. Если где либо находилось селение, то в каком бы порядке оно ни возникло, ему необходимо было нарезать обычный надел. Сенат разрешил этот вопрос в 1765 году следующим образом: всем владельцам, которые без дач и крепостей поселились в определенной для иностранцев окружности, отмерить наравне с иностранцами по 30 дес. и сделать дачу, а которые имеют указную дачу и крепости, тем по ним и владеть; если же по числу поселившихся крестьян этой дачи недостаточно, то домеривать по числу душ [2]). Таким образом опекунское межевание к площади законного землевладения присоединяло „дополнительный надел".

Но если бы опекунское межевание санкционировало все захваты и претензии, заявленные в середине XVIII столетия, то свободных земель было бы обнаружено чрезвычайно мало и край показался бы нам почти вполне оккупированным, хотя в хозяйственном отношении он конечно все равно оставался бы пустым.

Условия землевладения в крае были в высшей степени неопределенны. Недоразумения происходили часто при самом пожаловании земель. Так, например, уже в 1700 году производилось дознание по поводу жалобы Л. К. Нарышкина и при этом обнаружилось, что „из числа пожалованных Нарышкину 777 бортных ухожьев в 104 поселены села и деревни разных владельцев, причем некоторым из них земли были отказаны еще до пожалования их Нарышкину, некоторые же поселены в его угодьях позже" [1]). И более полустолетия спустя, незадолго до опекунского межевания, дознанием, производившимся по поводу жалобы статс-дамы

[1]) Хованский, стр. 36.

[2]) „Материалы для оценки земель Саратовской губ.", I, вып. 1, Сар. 1906, стр. 34.

Нарышкиной, на ее землях снова, найдены поселения разных помещиков и ясачных крестьян, в одном из которых была даже построена церковь“ [1]). Да и отводились земли так, что между действительными владениями и „дачею часто было очень мало соответствия. Помещиком Шахматовым пожаловано было 600 четвертей пашни и 3000 копен сенокоса. В натуре им отведено было 6000 десятин, потому что не пахотная земля среди пашни не принималась в расчет и тоже поступала в дачу. И, наконец, независимо даже от этого чуть ли не всякий землевладелец губернии присваивал себе все близлежащие земли, на которые не претендовал кто либо другой. Нельзя об‘яснить себе иначе то обстоятельство, что чины опекунского межевания в некоторых уездах сперва почти не нашли свободных земель, никем не присвоенных, а после межевания показали сотни тысяч десятин свободных казенных земель. В ведомостях Надеждинского Архива мы чаще всего встречаем указания вроде следующих: „Село Чардым (сарат. уезда) помещика князя Голицына. В опекунское межевание намежевано 4.417 дес. 937 саж. Казенная земля **отрезная** из прежнего владения оного села Чардыма и села Сокура ...... 13.760 дес.“ .... „Села Старые и Новые Бурасы пахотных солдат. Им в опекунское межевание намежевано 13.701 дес. .... Казенная земля, **прежде бывшая во владении** сел Старых и Новых Бурас и села Лоха ..... 32.066 дес.“ и т. д. Только четвертая часть свободных казенных земель, обнаруженных в нагорной части саратовского уезда, не была отрезана от какого либо помещика или селения. Только небольшая часть свободного казенного фонда аткарского уезда не входила в состав тех земель, на которые претендовали либо помещики, либо крестьяне.

Чтобы укрепить произвольные захваты, один незаконный владелец продавал иногда землю другому; составлялась купчая, которая без проверки утверждалась в Саратове, и таким образом возникал документ, создававший видимость законного владения. Граф Орлов, поставленный во главе дела иностранной колонизации и рассматривавший претензии саратовских владельцев, писал, что „от некоторых селений по Хопру пред‘явлены данные им на землю купчие и записи от таких лиц, которым те земли нимало не принадлежат, а отведены продавцами из свободных государственных земель; присутственные же места совершают купчие без всяких справок, а некоторым и вновь производят из диких полей“ [2]). От одного села Еткары отрезано было

---

[1]) Там же.
[2]) Хованский, стр. 36.

108.876 десятин. Казалось, будто нагорная часть саратовского края была уже действительно оккупирована, в середине XVIII века. На деле во многих случаях она была лишь захвачена без легального титула и без экономического основания. Тут часто не было ни хозяйственной эксплоатации, ни права собственности; сплошь и рядом не было вероятно даже и фактического владения.

Но бывали, конечно, и другие случаи. При экстенсивном скотоводческом хозяйстве, которое несомненно было главною формою эксплоатации южной части саратовского края в середине XVIII века, тех земель, которые нарезало правительство, бывало иногда недостаточно для удовлетворения хозяйственных нужд населения. И документы о безконечных земельных спорах действительно сохранили следы напряженной борьбы за землю между старыми и новыми владельцами. Однако самое совпадение обмежеванного района с той территорией, которая и по данным 2 ревизии оказалась малонаселенной, убеждает, что лишь в отдельных случаях отрезка земли межевыми чинами обездолила старое население. И так как с другой стороны были случаи, когда межевание оставляло у владельцев огромные пространства хотя легально им и принадлежавшей, но никем не использованной земли, то мы можем в общем принять общие количественные результаты опекунского межевания за то, чем они должны были быть,—за установление размеров фонда свободных казенных земель.

Относительно значения опекунского межевания необходимо сделать еще одно предварительное замечание. Ведомости Казенной Палаты называют свободные казенные земли „отрезными в опекунское межевание". Однако не во всех случаях „отрезная земля" действительно становилась свободной казенной землей. Крупный владелец вступался за свои действительные или мнимые права и случалось, что он делал это с полным успехом. Особенно много трений было с Нарышкиными, потому что они были крупнейшими и влиятельнейшими землевладельцами края, а площадь их владений была наиболее неопределенной. Несколько раз мы встречаем в ведомостях рубрику: „земли, присвоенные г.г. Нарышкиными". Часть этих присвоений так и осталась за ними. Так же, как Нарышкины, отстаивали свои владения и Разумовские. Мы находим в одном балашовском уезде четыре таких участка огромных размеров:—„1) Земля, состоящая во владении поселка Катавраса (А. А. Нарышкина), которая по опекунскому межеванию в плане означена к отрезу к казенным землям, а в натуре оного не учинено и оставлено во владении по силе указа межевой канцелярии—

71.472 дес. 505 саж.—2) Земля, состоящая во владении поселка Екатерининского (графа Кирилла Григорьевича Разумовского), которая по опекунскому межеванию в плане означена в отрез к казенным землям, а в натуре оного не учинено и оставлено во владении по силе указа межевой канцелярии—12.765 дес. 1735 саж.—3) Земля, состоящая во владении села Завьялова и деревни Ольшанки а ныне село и с селом Катаврасом его высокопревосходительства Александра Александровича Нарышкина, состоящая селением по течению реки Хопра на правой стороне, которая по опекунскому межеванию в плане означена в отрез к казенным землям, а в натуре не учинено, а оставлено во владении по силе указа межевой канцелярии—27.120 дес. 466 саж.—4) Земля, состоящая во владении села Аркадака графа Разумовского, которая по опекунскому межеванию в плане означена в отрез к казенным землям, а в натуре оного не учинено и оставлена во владении по силе указа межевой канцелярии—111.410 дес. 1420 саж.“.—Сверх этого Нарышкиным были еще возвращены впоследствии земли в аткарском, саратовском, камышинском и царицынском уездах.

При подсчете фонда казенных земель мы будем считать эти возвращенные земли свободными, ибо они были незаселены и неиспользованы, а фактическое положение для нас важнее, чем сомнительный легальный титул, подтверждение которого межевой канцелярией под влиянием настойчивых ходатайств скорее было новым пожалованием, чем восстановлением в старых правах. Мы будем считать свободными все те земли, которые при опекунском межеваиии были „назначены в отрез“,

---

Не только в Заволжье, которое в начале екатерининского царствования было довольно пустынно, но и в южной половине губернии преобладали свободные земли. (См. стр. 36).

В камышинском уезде номинально было 564,999 десятин свободной казенной земли, что составляет почти 1/2 всей площади уезда. Но это лишь номинально. Фактически свободных земель было гораздо больше. Камышину (и дворянам, занявшим часть его земель своими хуторами и деревнями с 277 крепостных м. п. по 4 ревизии 1782 г.) принадлежало 381,787 десятин. Огромная часть этой земли несомненно пустовала. Для того, чтобы получить представление о действительной мере овладения землею края, гораздо правильнее поэтому выключить из расчета, всю эту площадь лишь формально занятых степей. Тогда количество свободной земли составит уже не половину, а около

72%, т. е. почти ¾ остальной части уезда.—В аткарском уезде картина еще яснее и несомненнее. Свободной казенной земли было 988,856 десятин, или 86% всей площади уезда. И нечто весьма близкое к этим цифрам мы получили бы для царицынского уезда, если бы могли произвести надлежащий подсчет, ибо даже двумя десятилетиями позднее большая часть царицынского уезда была еще пустою.

Состояние землевладения при опекунском межевании [1]).

УЕЗДЫ.	Помещичьи земли.	Земли казенных крестьян.	Земли городов.	Свободные казенные земли.	Какая часть площади уезда обследована.
	В	Д Е С Я Т И Н А Х.			
Камышинский . .	57,802	163,941	381,787 (Камышин).	564,999	Весь уезд.
Аткарский	124,541	32,674	—	988,856	Весь уезд.
Балашовский . .	161,951	94,535	—	342,673	56%
Саратовский . .	84,057	57,245	117,773 (Саратов).	100,280	50%
Сердобский . . .	103,251	47,030	—	164,671	48%
Петровский . . .	5,994	53,355	47,635 (Петровск).	189,049	44%
	537,596	448,780	547,195	2.350,528	—
	1.533,571				
		3.884,099			

Что касается тех уездов, которые были обследованы лишь частично, то в них дело обстояло следующим образом. В обойденной части балашовского уезда свободныя казенныя земли составляли 57%, в петровском уезде—63%, в сердобском—52%, в саратовском близ самого центра будущего наместничества—28%.

Всего в опекунское межевание обойдено было в пределах нынешней саратовской губернии около 4,5 мил. десятин, а без царицынского уезда—около 3,9 мил. Из них намежевано было всем разрядам владельцев 1.533.570 десятин, что составляет 40%, то есть ⅖ обследованной площади; ⅗ были пусты. Последняя цифра несомненно преуменьшена, если принять еще в рассчет и царицынский уезд.

Хозяйственное овладение землею южной части края только лишь начиналось. И помещиков здесь было еще

[1]) Сведения относятся только к нагорной части края. Данные первых трех столбцов вычеслены по ведомости Надеждинского архива. Данные четвертого столбца вычислены по сведениям Казенной Палаты. (№ 566). Площадь уездов взята по данным Генерального Межевания.

столь же немного, как и других колонизаторов. В царицынском уезде даже к концу XVIII века было всего лишь 74,683 десятины помещичьей земли, что составляло около 11% территории уезда. В камышинском уезде при опекунском межевании было 57,802 десятины дворянской земли, что составляет 4,9%. Правда, оба южных уезда никогда не были помещичьими. Но аткарский уезд стоит позднее в ряду районов с наиболее сильным помещичьим землевладением,— еще в конце XIX века в аткарском уезде находилась 1/5 всех саратовских помещичьих земель,—а между тем в эпоху опекунского межевания в нем было всего лишь 124,541 дес. дворянской земли, или 10,9% всей площади уезда.

В других обследованных уездах нагорной полосы дворянское землевладение было представлено уже сильнее. Оно составляло в балашовском уезде 27%, в сердобском уезде 32%, в саратовском уезде 23% обследованных земель. (В петровском уезде—лишь 2%, но эта цифра совершенно не характеризует положения во всем уезде, ибо очевидно была обследована именно та его часть, где помещиков вовсе не было). Но эти уезды лежали уже ближе к северной заселенной части губернии.

Дворянское землевладение занимало всего 537,000 десятин, т. е. 14% обследованного пространства, считая без царицынского уезда, или 12%, считая с царицынским уездом, где дворянского землевладения, повидимому, еще не было вовсе. И если даже принять, что в хвалынском, вольском и кузнецком уездах и в необследованных частях уездов петровского, саратовского, сердобского и балашовского дворянские вотчины занимали уже очень значительное место, то все же общий вывод должен гласить, что помещичье землевладение в крае, рассматриваемом в целом, было еще не велико по сравнению с тем, чем оно стало впоследствии.

Но преобладание дворянского землевладения уже определилось, ибо всюду кроме камышинского уезда земли дворян занимали большую площадь, чем земли казенных крестьян. Лишь абсолютные размеры дворянского землевладения на юге были еще очень скромны; главные его успехи были впереди.

Будь у нас сведения для середины XVIII столетия по всем уездам, мы могли бы описать эволюцию саратовского землевладения в течении 150 лет путем сопоставления сплошных и точных данных, и весь путь, пройденный помещичьим землевладением, сперва дворянским, позднее всесословным, был бы изображен полно и отчетливо. Но у нас

были сплошные данные только по нескольким уездам; поэтому и в дальнейшем нам придется строить с осторожностью, подбирая обрывки статистических сведений, и составляя из них историко-статистическую мозаику.

Колонизовать значило вместе с тем раздавать земли. Екатерининское правительство настойчиво стремилось заселить окраины. Оно переводило на юго-восток казенных крестьян, вызывало раскольников, приглашало иностранцев. Оно не могло конечно не избрать того пути, который в экономической и общественно-политической обстановке того времени был наиболее естественен, т. е. не прибегнуть к силам дворянского сословия. Но екатерининское правительство сделало это здесь не сразу, а повидимому лишь тогда, когда другие средства оказались недостаточными. Указом 3-го мая 1783 года всем генерал-губернаторам повелено было выяснить, сколько необходимо земли для удовлетворения земельных нужд казенных крестьян, и сколько сверх этого остается свободных земель. Указом 9-го мая 1785 года и 10-го июля 1785 генерал-губернатору саратовского и кавказского наместничества генерал-поручику Павлу Сергеевичу Потемкину предоставлено было раздавать земли в пределах наместничества помещикам. В одном из дел Саратовской Казенной Палаты [1]) имеются подробные сведения об этих пожалованиях в течении первых 5 лет.

Жаловали в Саратове тех, кто ходатайствовал. Просили же очень многие. Одни просили скромно по несколько сот десятин. Другие,—чаще всего те, у кого и без того было много земли,—просили по несколько тысяч, а то и по несколько десятков тысяч десятин: генерал-поручик Иван Львович Чернышев просил 20.000 десятин, надворный советник Кожевников просил 20,000 десятин, Александр Александрович и Лев Александрович Нарышкины—46, 173 десятины и т, д. Некоторые наконец только указывали, где они желают получить землю, не обозначая ее количества.—Подавали оффициальные прошения. Но писали и частные письма. Так, сохранились письма к Потемкину от кн. С. Н. Голицыной, кн. Д. В. Голицына, Н. А. Столыпина, А. А. Столыпина, С. С. Апраксина, Н. М. Шевелева. Кн. С. Ф. Голицын писал: „в саратовском наместничестве нынче мода просить земель..... Прошу мне побольше и получше оной отвести“. А княгиня В. В. Голицына грозила: „Если не останутся земли за нами, тогда я с Вами более не знакома“ [2]). Разные лица просили в одном и том же месте и по поводу раздач происходила борьба.

---

[1]) № 340 по списку Сар. Уч. Арх. Комиссии.
[2]) Хованский, стр. 4—5.

Мы имеем подробные ведомости о ходатайствах и приведем из одной из них несколько строк, чтобы дать конкретное представление об их содержании.

В саратовском уезде просили: „из литеры А, Господин действительный тайный советник камергер сенатор и кавалер Алексей Васильевич Нарышкин урочище Круглый Куст, а числа десятин не показано, которое урочище состоит в городском выгоне.

Его сиятельство действительный тайный советник генерал-прокурор и кавалер князь Александр Алексеевич Вяземский значащую на саратовском уездном плане под литерою Б всю без остатку . . . . 1298 дес.
Оную же землю всю без остатку просит его сиятельство действительный тайный советник обер-камергер и кавалер князь Александр Михайлович Голицын . . . . . 1298 дес.
да из литеры М . . . . 4369 „
Н . . . . 2919 „
К . . . . 1173 „
I . . . . 4417 „
Губернск. секретарь Андрей Башкатов из этой же земли 700 д.“ и т. д.

Делопроизводство по пожалованиям было довольно сложно, и дела тянулись годами. Необходимо было проверить, действительно ли свободна земля, о которой ходатайствовал проситель; составить план; получить высочайшее утверждение; отвести землю в натуре. Проверка не всегда производилась тщательно, дело не обходилось без недоразумений, и споры доходили до Сената. Тайный советник Судиенко получил землю там же, где и Мельгунов и гр. Салтыков. Д. с. с. Н. А. Львову была пожалована земля, принадлежавшая петровским пахотным солдатам, и ее невозможно было отвести [1]); в натуре часто не оказывалось всей земли, отведенной по планам, или удобная земля оказывалась неудобной и т. д. Но, несмотря на ошибки и медленность делопроизводства, помещики все же вступали постепенно во владение новой землей и мы покажем ниже ход пожалований в течении первых 5 лет. По поводу цифр следующей таблицы нужно заметить, что некоторые ходатайства не сопровождались указанием числа десятин (следовательно несколько преуменьшены соответствующие итоги), что распределение земли по уездам не вполне точно и что в уезды включена их заволжская часть.

---

[1]) Хованский, стр. 5 и след.

I. Ходатайства, по которым земли обмежеваны и окончательно отведены владельцам.

У е з д ы.	Число лиц.	Число десятин.
Саратовский	—	—
Кузнецкий	—	—
Хвалынский	—	—
Вольский	1	7,175
Сердобский	3	21,730
Петровский	2	17,879
Аткарский	1	22,352
Балашовский	—	—
Камышинский	1	22,708
Царицынский	1	24,734
Всего	9	116,578

II. Ходатайства, по которым нарезы на планах сделаны, но земли в натуре не намежеваны.

У е з д ы.	Число лиц.	Число десятин.
Саратовский	9	39,327
Кузнецкий	—	—
Хвалынский	—	—
Вольский	1	15,489
Сердобский	4	44,378
Петровский	15	25,552
Аткарский	26	119,592
Балашовский	9	21,736
Камышинский	11	85,529
Царицынский	5	21,358
Всего	80	372,961

III. Ходатайства, удовлетворенные Потемкиным, по которым составлены, а отчасти еще составляются планы, но относительно которых высочайшее утверждение еще не получено.

У Е З Д Ы.	Число лиц.	Число десятин.
Саратовский	9	17,768
Кузнецкий	—	—
Хвалынский	—	—
Вольский	—	—
Сердобский	3	19,804
Петровский	11	60,901
Аткарский	2	7,123
Балашовский	2	6,727
Камышинский	2	7,926
Царицынский	1	4,000
ВСЕГО	30	124,249

IV. Ходатайства, поданные Потемкину, по которым назначение не сделано.

У Е З Д Ы.	Число лиц.	Число десятин.
Саратовский	23	72,669
Кузнецкий	—	—
Хвалынский	2	6,000
Вольский	7	41,679
Сердобский	27	148,731
Петровский	19	101,264
Аткарский	69	252,097
Балашовский	—	—
Камышинский	—	—
Царицынский	32	118,317
ВСЕГО	179	740,757

V. Ходатайства, поданные преемнику Потемкина генерал-губернатору Саратовскому и Воронежскому Василию Алексеевичу Черткову.

У Е З Д Ы.	Число лиц.	Число десятин.
Саратовский	24	102,147
Кузнецкий	—	—
Хвалынский	—	—
Вольский	7	18,000
Сердобский	46	127,270
Петровский	22	53,905
Аткарский	140	458,577
Балашовский	54	103,969
Камышинский	27	154,948
Царицынский	11	85,700
ВСЕГО	331	1.104,516

Все число ходатайств за первые пять лет после указов Екатерины II составило 629, а количество испрашиваемой земли—2,459,061 дес. Число лиц было, впрочем, несколько меньше, т. к. просившие о землях в разных уездах попадали иногда в ведомости по два раза. Эта площадь во всяком случае не превышала того, что составляло фонд свободных земель даже в границах нынешней саратовской губернии, и была значительно меньше того, что было свободно в наместничестве екатерининских времен. Притом темп раздач до 1790 года был не очень быстрым. За пять лет окончательно отведены были земли только 8 лицам (одному из них в двух уездах) в размере 116 тыс. десятин. Только очень влиятельные люди могли очевидно справиться с канцелярской волокитой даже тогда, когда само правительство считало себя заинтересованным в скорейшей раздаче земель. Первенцами были д. т. с. Алексей Петрович Мельгунов, д. т. с. сенатор камергер гр. Александр Романович Воронцов, генерал поручик Поливанов, д. т. с. генерал-прокурор Александр Алексеевич Вяземский, Пелагея Сергеевна Потемкина, т. с. сенатор Александр Васильевич Нарышкин, д. т. с. гофмейстер гр. Александр Андреевич Безбородко и д. с. с. Осип Степанович Судиенко. Средняя дача составляла около 15 тыс. десятин. Больше всех получил Нарышкин—около 25,000 десятин в царицынском уезде.

Пожалования земель в конце царствования Екатерины II продолжали процесс превращения саратовской губернии в край крупных помещиков, распространив этот процесс на южную половину губернии, не захваченную еще во времена Петра, Анны и Елизаветы помещичьей колонизационной волной. Но на юге это было только начало. Первые пожалования не могли еще окончательно определить социальную физиономию края. Если бы даже они были даны целиком на нагорной стороне, то и тогда они составляли бы только незначительную часть губернии. Но не все было сразу же дано, много было только обещано; а того, что не было намежевано в натуре, некоторые просители впоследствии долгое время не могли получить. Кое что пожаловано было на луговой стороне, и мы только не в состоянии вычислить сколько именно десятин относится к заволжью: так, например, Нарышкину пожалованы 12000 десятин „*по обе стороны Волги* удобной земли с лесы, сенными покосы и рыбными ловлями", из которых, впрочем, в натуре почти 3000 дес. не оказалось. Дворянское землевладение выросло, но это не была еще его последняя победа.

Раздача земли дворянам не была единственным фактором эволюции землевладения в саратовском крае в рассматриваемую эпоху. И до рескриптов 1785 г., и после них шло наделение землей немцев-колонистов и различных категорий государственных крестьян. Мы располагаем довольно обильными статистическими данными для характеристики движения землевладения после опекунского межевания и, опираясь на них, мы можем проследить достаточно подробно интересующие нас изменения в течении двух периодов: первый обнимает три десятилетия от опекунского межевания до 1798 г., т. е. до начала генерального межевания в наместничестве; второй—обнимает пятилетие 1798—1803 г.г. Такое деление на периоды вызвано характером материала, а не какими либо соображениями, относящимися к истории хозяйства. (См. табл. стр. 44).

Луговая сторона колонизовалась не помещиками. Здесь пожалование вотчин составляло исключение, как в период до 1798 г., так и позднее. На нагорной стороне крестьяне получили больше дворян, если считать и иностранных колонистов. Но если не считать последних, т. е. полагать началом периода время непосредственно вслед за опекунским межеванием, то дворянам отдано было значительно больше, чем казенным крестьянам: 383,361 дес. против 280,414. В колонизационном деле екатерининское правительство делало сперва ставку на крестьянское хозяйство, хотя и иностран-

ного происхождения, а затем сделало ставку на дворянскую колонизацию.

От опекунского межевания до 1798 г. намежевано:

Уезды.	Помещикам [главным образом в порядке рескриптов 1785 г.].	Казенным крестьянам.	Колонистам при производстве самого опекунского межевания
Аткарский	29,696	57,945	—
Петровский	78,379	41,076	—
Сердобский	47,678	21126	—
Балашовский	6 727 (+170,391[1])	36,938	—
Кузнецкий	—	—	—
Хвалынский	—	=	—
Вольский наг. ст.	—	—	—
„ луг. ст.	7,175	422,318	62,259
Саратовский наг. ст.	12,503	34,276	8,116
„ луг. ст.	1,543	21,086	—
Камышинский наг. ст.	6,867	59,400	226,920
„ луг. ст.	24,893	138,085	65,463
Царицынский наг. ст.	31,120	29,653	—
„ луг. ст.	18,693	18,100	—
ИТОГО на наг. ст.	212,970 (+170,391[1]) 383,361	280,414	235,036
„ „ луг. ст.	52,304	599,589	127,721
ВСЕГО	265,274 (+170,391[1]) 435,665	880,003	362,757

В 1797 году указом Павла I приказано было отобрать в казну те земли, пожалованные по рескриптам 1785 г., которые еще не были отмежеваны; дальнейшую раздачу земель повелевалось приостановить. Это не означало конечно, что прекращались всякие пожалования. Это означало только соответственно традиции XVIII века, что с наступлением нового царствования на первое место выдвигались

---

[1]) Земли, отрезанные в опекунское межевание, но возвращенные Нарышкину, Разумовскому и Мельгунову.

новые фавориты. Однако из документов Казенной Палаты видно, что некоторые работы по завершению старых дел продолжались на местах и после указа. В высшей инстанции даже не вполне доверяли новой мере. На прошении д. т. с. А. А. Щербачева об утверждении за ним земли, полученной при Потемкине в аткарском уезде в количестве 15.000 десятин, но в натуре не намежеванной, в Сенате положена была резолюция: „до времени отставить, отказав". Однако в других случаях Сенат отказывал категорически [1]).

В следующей по времени ведомости о движении земельной собственности, которою мы располагаем, находятся поэтому лишь слабые отголоски дел, возникших при генерал-губернаторах Потемкине и Черткове. В это время началось в губернии генеральное межевание, в инструкции которого сказано было: „по всем владельческим населениям, кои поселены по старинным дачам и крепостям, а смежны с казенными порожними землями намеривать известную по тем дачам меру, а коим из них по крепостям на число положенных в тех селениях по 5 ревизии душ по 15 десятин на душу доставать не будет, таковым намеривать вышеописанную пропорцию" [2]). В период времени, обнимающий последние годы XVIII и первые годы XIX века, помещичье землевладеление „в натуре" растет в саратовском крае, главным образом, за счет этого намежевания „на души". (См. таб. 46).

На луговой стороне продолжалось то же, что происходило за Волгой и раньше. Здесь возникало сравнительно немного вотчин; большая часть земли распределялась между казенными крестьянами.

На нагорной стороне помещики получили несколько больше крестьян. Если взять все время после окончания опекунского межевания, то дворянству досталось за этот срок 1,010,331 десятина, казенным крестьянам 851,058 десятин. Дворянское землевладение увеличилось очень значительно, хотя и не возрасло еще до достигнутого впоследствии максимума. Между тем казенный свободный запас снова сократился. Где же лежал источник дальнейшего пополнения дворянского фонда?

Он лежал отчасти в остатках свободных казенных земель, отчасти же в землях уже населенных. Повидимому до Павла I в крае никому не было пожаловано населенных имений, по крайней мере „сознательно".

Были только случаи пожалований земель, „самовольно" заселенных крестьянами, о которых правительство оффициально ничего не знало; такие крестьяне нередко попадали

[1]) Хованский, стр. 10.
[2]) Там-же стр. 19.

впоследствии в зависимость от землевладельцев. В описаниях отдельных сел, составленных во время подворной переписи, можно найти такие указания, основанные на смутных, но вероятно не всегда ошибочных воспоминаниях населения [1]). В сенатских делах, хранящихся в Саратовской Архивной Комиссии, есть довольно много тяжб, из которых видно, что факт такого закрепощения доходил иногда до сознания крестьян через несколько десятков лет.—Если даже отдельные пожалования населенных имений имели место в крае до Павла I, то они происходили, во всяком случае, ранее опекунского межевания, с которого мы ведем свое изложение. Ни в одном из рассмотренных нами дел мы не нашли указаний на какое либо екатерининское пожалование населенного имения в саратовском крае. Нет таких указаний и в специальном исследовании В. И. Семевского [2]).

Движение землевладения в 1798—1803 г.г. [3]).

У Е З Д Ы.	Намежевано помещикам.	Намежевано казенным крестьянам.
Аткарский	333,277	198,312
Сердобский	93,215	28,505
Петровский	31,734	62,281
Балашовский	51,380	104,788
Саратовский наг. ст.	29,532	38,108
„ луг. ст.	5,957	530,654
Камышинский наг. ст.	31,549	54,218
„ луг. ст.	—	2,684,533 [1])
Царицынский наг. ст.	51,283	94,432
„ луг. ст.	4,942	93,677
ИТОГО на наг. ст.	626,970	580,644
	1,207,614	
ИТОГО на луг. ст.	10,899	3,308,864
	3,319,763	
ВСЕГО	4,527,377	

Пожалования населенных имений в саратовской губернии стали происходить при Павле I. У нас нет полного

[1]) Ср., напр., „Сборник статистических сведений по саратовской губернии“, т. XI, 1891, стр. 235—236.

[2]) „Пожалование населенных имений в царствование Екатерины II. Очерк из истории частной земельной собственности в России“, СПБ. 1906.

[3]) По кузнецкому, хвалынскому и вольскому у.у. данных не имеется.

[4]) В том числе соляным восчикам 2,653,936 дес.

их списка. Мы не знаем также, из какого источника. Н. Ф. Хованский извлек свои данные о них и насколько его данные полны. У Хованского имеются сведения о пожаловании в 1797 и 1798 г.г. 4600 душ в камышинском, вольском и саратовском уездах. Больше всего досталось генерал-лейтенанту Обольянинову, получившему 2000 душ в камышинском уезде с землей на берегу Волги: села Мордово, Ахмат, Н.-Добринку и дер. Студенку [1]). Коллежский советник Львов получил 544 души; остальные пожалования, приведенные у Хованского, были мельче.

Продолжались однако и пожалования ненаселенных имений. К сожалению, и по этому вопросу мы не нашли полных сведений; мы не знаем, сколько десятин было подарено дворянам Павлом I и Александром I, который, как известно крепостных крестьян в собственность уже не давал. В 1799 году Нарышкиным возвращена была огромная площадь, отрезанная в опекунское межевание; эти земли уже учтены нами в цифрах о межевании 1798—1803 г.г.—Сведения, зарегистрированные у Хованского, относятся к 1799, 1799—1811, 1814 и 1817 г.г., но они наверное очень не полны. Особенно велики были по этим сведениям пожалования 1800 г., составившие 173.312 десятин. Параллельно с пожалованием продолжался и отвод земель для нарезки на прибылые души. Происходила также, как видно из дел генерального межевания, продажа некоторых казенных земель [2]).

Раздача земель на нагорной стороне прекращена была лишь указом 12-го марта 1820 года. Указ имел в виду прекратить все неутвержденные еще отводы, но они продолжались на деле по старым пожалованиям еще и в царствование Николая I. Крупный скупщик земель в саратовской губернии П. Т. Полеводин [3]), приобретший между прочим у другого лица пожалованную, но не утвержденную своевременно землю, заявлял в 1837 году, что ему известно не менее 20 случаев, когда пожалованные имения утверждались, несмотря на пропуск не одной, а трех земских давностей. Сенат согласился отдать Полеводину спорные 9.000 десятин, но решил впредь придерживаться десятилетней земской давности в аналогичных делах.

Мы рассмотрели несколько периодов в истории землевладения в саратовском крае. Материалы Надеждинского

[1]) Хованский, стр. 8.

[2]) Для определения ее размеров в саратовск. архивах материал. не нашлось

[3]) Он покупал, повидимому, имения для перепродажи. Он купил 2000 дес. у наследников шталмейстера Посникова и продал их казенным крестьянам. Он купил затем 2000 дес. у ген.-майора Панова, еще по 2000 дес. у полковн. Левандовского, полк. Елистратова и д. с. с. Персиани, 1000 дес. у капитана Штейна—Хованский, стр. 18.

Архива дали возможность установить площадь дворянского землевладения в довольно значительной части губернии в эпоху опекунского межевания. Другие данные позволили проследить, что было даровано дворянам на бумаге, и что было нарезано им на деле в царствование Екатерины II: время от опекунского межевания до начала генерального межевания как раз и обнимает приблизительно екатерининское царствование. Наши статистические сведения за 1798—1803 г.г. дают картину того, что было фактически отведено за большую часть царствования Павла I и за первые два года царствования Александра. Но у нас нет прямых и полных сведений о том, что было пожаловано дворянам при Павле и что было пожаловано и отведено при Александре I. И наше описание оказалось бы весьма дефектным, если бы мы не могли хотя бы отчасти заполнить на основании косвенных заключений, остающийся пробел. Мы можем однако выполнить эту работу довольно точно для двух уездов—аткарского и камышинского; и мы можем сделать некоторые предположения относительно остальных уездов, ибо имеются сведения о площади дворянского землевладения накануне крестьянской реформы. Начнем с двух названных уездов.

Площадь помещичьего землевладения.

	Аткарский уезд.		Камышинский уезд.	
	Число дес.	% всей площади.	Число дес.	% всей площади.
60-е годы 18 века	124,541	10,9	57,802	4,9
Начало 19 века [1])	463,079	40,4	95,618	8,2
Середина 19 века	726,934	63,8	158,252	13,5

Первая строка таблицы относится к опекунскому межеванию, вторая—к 1803 году, третья—ко времени накануне освобождения крестьян. Цифры первых двух строк после всего изложенного не нуждаются в новых комментариях. Способ исчисления цифр последней строки изложен в приложении. За сто лет помещичье землевладение возросло в этих двух уездах от 182,343 дес. до 885,186 дес. В камышинском уезде оно увеличилось почти в три раза, в аткарском—в шесть раз. В начале царствования Александра I количество дворянских земель было несколько больше, чем

[1]) Не считая пожалованных при Павле I населенных имений.

указано в таблице, потому что площадь населенных имений, которые были пожалованы при Павле I и учтены в цифре помещичьего землевладения середины 19 века, во вторую строку таблицы не вошла. Конец царствования Екатерины II, царствование Павла I, начало царствования Александра I—вот эпоха образования в этом районе крупного дворянского землевладения; она об'емлет 20—30 лет, в первую половину которых дворянство приобретает несколько больше, чем во вторую.

Что касается всей территории нынешней саратовской губернии, то для нее мы не имеем сплошных данных и здесь мы должны довольствоваться приблизительными сопостановлениями.

По сведениям, приведенным у Скребицкого [1]), площадь дворянского землевладения в саратовской губернии в конце 50-х годов 19 столетия составляла:

У е з д ы.	Заселенные земли.	Незаселенные земли.
Царицынский	51,197	—
Камышинский	197,449	—
Аткарский	600,505	76,113
Вольский	201,349	—
Балашовский	530,824	76,027
Сердобский	455,243	31,166
Саратовский	345,243	22,070
Хвалынский	161,700	—
Петровский	327,299	—
Кузнецкий	211,906	14,562
ВСЕГО	3,082,734	229,849
	3,312,583	

Эти цифры сообщены были губернскими комитетами о земских повинностях и есть много оснований думать, что они весьма неточны. По крайней мере, некоторые из них необ'яснимым образом противоречат всем, как более ранним, так и более поздним сведениям. Но с другой стороны это—единственные имеющиеся прямые данные.

1) А. Скребицкий, „Крестьянское дело в царствование императора Александра II, т. II, ч. 2 стр. 1491—1540.

Можно подойти к цифре дореформенного землевладения еще и путем такого рассчета. После 1861 г. помещичье землевладение в целом не росло, или почти не росло. Если суммировать поэтому площадь частновладельческих земель по позднейшим данным с площадью надельных земель, отведенных помещичьим крестьянам, то должна получиться цифра, близкая к той, которая определяла бы размеры помещичьего землевладения в 50-ые годы. Правда, среди владельцев ненаселенных имений были и не дворяне. Но землевладение других классов населения было очень не велико. Такой подсчет дает нам 2,739,223 дес. + 875,158 дес. = 3,614.381 дес. [1]).

Можно было бы, наконец, искать сведений о землевладении в материалах генерального межевания, сильно затянувшегося в саратовской губернии и закончившегося только в середине 30-х годов. В только что цитированном издании саратовского земства есть указание, что по данным генерального межевания дворянское землевладение составляло 52% всей площади губернии, т. е. достигало 4-х милл. десятин. Однако точных цифр в „Материалах“ нет и довольно несомненно, что это указание преувеличено [2]).

Из трех цифр, вероятно, ближе всего к истине средняя. Дворянское землевладение в середине 19 столетия составляло на нагорной стороне саратовской губернии около 3½ милл. дес. Они образовались из тех земель, которые были получены дворянами до опекунского межевания (главным образом в северной части губернии) и затем из пожалований и приобретений Екатерининского, Павловского и Александровского царствований. В южной части края к началу опекунского межевания дворяне владели 537 тыс. дес., а от опекунского межевания до 1803 г. они приобрели 1010 тыс. дес. Но они продолжали приобретать на юге и позднее: в одних только уездах аткарском и камышинском их землевладение расширилось *после 1803 г* приблизительно на 300 тыс. дес. Если принять теперь во внимание: во первых, что и в северной части губернии дворяне приобретали земли после 60 х г.г. XVIII в.; во-вторых, что в южной части губ. они получали после 1803 г. земли не только в пределах аткарского и камышинского уездов, то позволительно будет сделать следующий гипотетический вывод. *Не менее половины дворянского землевладения нагорной части саратовского края возникла при Екатерине II и после нее.*

[1] „Материалы для оценки земель саратовской губернии“, вып. I, ч. I, стр. 42—45 и 131.

[2]) Там же, стр. 37.—Данные генерального межевания не поддаются точной разработке, потому что сведения относятся к дачам, в составе которых нередко находятся и помещичьи, и крестьянские земли.

Припомним теперь те сведения, которые приведены были выше и сведем во едино наш более старый материал по истории колонизации с нашим более новым материалом по истории землевладения. В истории овладения саратовским краем *дворянством* мы ясно различаем две волны. Одна высоко поднимается в царствование Петра I. Ее нарастание заметно уже в конце XVII столетия; она крепнет, повидимому, в период основания Петровска; она достигает вероятно своего максимума после проведения Царицынской черты и ослабевает в середине XVIII столетия. Вторая волна поднимается к концу царствования Екатерины II, достигает максимума на рубеже XIX столетия и спадает при Александре I. Волны этого дворянского земельного овладения естественно не вполне совпадают с колебаниями колонизационных течений. Во-первых, в состав последних входила и значительная иммиграция непомещичьих крестьян. Во-вторых, помещики должны были получить свои вотчины, прежде чем они могли их заселить. Отсюда и некоторые различия между выводами нашего введения и итогами настоящей главы.

В заключение еще несколько слов о состоянии помещичьего землевладения в Заволжье накануне освобождения.

Для николаевского, новоузенского и царевского уездов, входивших в состав саратовской губернии, мы можем привести только данные Скребицкого о площади дворянского землевладения.

У е з д ы.	Населенные земли.	Незаселенные земли.
Николаевский	254,290	29,927
Новоузенский	111,436	—
Царевский	8,941	—

Это землевладение еще моложе того, которое образовалось на правом берегу. До опекунского межевания здесь вовсе не было помещиков. До 1803 г. здесь отведено было (как мы указывали выше) 63 тыс. десятин. Все остальное приобретено было помещиками позднее. Притом лишь в северном районе заволжской части края дворянское землевладение достигло значительных размеров—на луговой стороне хвалынского уезда. Чем дальше на юг, тем его становилось меньше. И оно исчезало вовсе в астраханских степях.

ГЛАВА II.

Саратовские помещики.

Содержание настоящей главы преимущественно статистическое. Правда, описание саратовского помещика, как землевладельца и хозяина, было бы несравненно более ярко, если бы мы могли наметить важнейшие типы местных вотчинников с тем, чтобы потом изобразить монографически представителей каждого из них. И подобное описание было бы возможно, если бы среди саратовских исторических документов сохранилось достаточное количество вотчинных архивов не только с книгами счетоводства, но с письмами, приказами, донесениями и проч. К сожалению, в распоряжении исследователя имеется пока один лишь вотчинный архив Н. В. Калачева и довольно сомнительно, чтобы в этом отношении будущий исследователь был много счастливее настоящего.

Мы располагаем главным образом статистическим материалом ревизских сказок, генерального межевания, рекрутских наборов и обследований по специальным поводам, и на таком материале приходится строить эту главу.

Накануне крестьянской реформы саратовская губерния была краем крупных помещиков. Данные последней, десятой, ревизии были разработаны Тройницким, и нам достаточно привести здесь итоги его исчислений [1]):

ПОМЕЩИКИ, ИМЕЮЩИЕ.	Число помещиков.	%	Число крепостных.	%
до 20 д. м. п.	739	30,1	5,895	1,8
21— 100 „ „ „	934	37,6	36,102	11,2
101— 500 „ „ „	597	24,3	106,238	32,9
501—1000 „ „ „	102	4,2	47,219	14,5
Более 1000 „ „ „	91	3,8	127,584	39,6
ВСЕГО. . . .	2463	100,0	323,038	100,0

[1]) „Крепостное население России по 10 народной переписи“, СПБ. 1861 Общий итог у Тройницкого меньше того, который дают все просмотренные нами местные источники.

Почти две пятых всех крепостных принадлежало высшему разряду помещиков-владельцам „тысячи душ“, более половины крепостных принадлежало вотчинникам очень значительным. В среднем на помещика приходилось 131 д. м. п. Это есть средняя, характерная для всего юго-востока, знавшего крепостное хозяйство: для пензенской губернии, симбирской и самарской. Почти во всей России средняя была значительно ниже. Выше она была только на западе в районе польского землевладения (в губерниях витебской, волынской, подольской, киевской) и трех коренных русских губерниях (нижегородской, владимирской, пермской), где присутствие нескольких очень крупных владельцев,—богатейших в России людей,—отклоняло среднюю значительно вверх от ее обычного уровня. Среди великопоместных губерний саратовская губерния стояла, если не в первом, то во втором ряду. Не только в дворянском собрании, но и на земле хозяином положения был крупный помещик.

Таковы были условия накануне освобождения крестьян. Они сложились постепенно в течении двух столетий, особенно в течение XVIII и первой половины XIX века. В середине XVIII века крупных душевладельцев и в саратовском крае было еще не много. Мы уже упоминали о том, что нет возможности сопоставить данные 2 ревизии с цифрами последующих переписей, потому что в конце XVIII столетия очень сильно передвинулись все административные границы. К тому же А. А. Голомбиевским в трудах Саратовской Архивной Комиссии напечатаны лишь общие цифры всего крепостного населения разнопоместных деревень без указания числа душ у отдельных помещиков по 2 ревизии. Но впечатление, которое оставляют данные елизаветинской ревизии, вполне определенно: к концу первой половины XVIII века мелкое и среднее душевладение преобладало над крупным. Колонизационная деятельность саратовского дворянства только лишь начиналась. Еще в начале XIX века, в 1805 году в составе 188,765 дес. из розданных по рескриптам 1785 года, было 93,597 дес. совсем незаселенных земель, что составляло ровно половину этой части пожалованного фонда. А в другой половине были имения в 12,000 дес. с 66 душами, в 6,000 дес. с 36 душами, в 3,000 дес. с 9 душами м п. и т. д. [1]).

Впрочем, процесс, о котором мы говорим, был двусторонним. Вотчины дробились путем продажи, выдела, наследования, и помещики благодаря этому мельчали. С другой стороны огромные пространства жаловались чиновникам, вотчины заселялись крепостными из других губерний, шел

[1]) Хованский, стр. 20.

естественный прирост населения, и помещики становились крупнее. Материалы ревизских сказок позволили бы изобразить этот процесс очень детально, но это потребовало бы непосильной затраты труда, а окладных книг, в которых цифры ревизских сказок подвергнуты уже сводке, в саратовской губернии сохранилось очень мало. Мы можем только сказать, что в течение последнего столетия крепостного хозяйства, взятого в целом, великопоместные землевладельцы и душевладельцы приобрели в саратовском крае большее значение, чем то, которое принадлежало им при Елизавете. И мы можем еще в частности проследить некоторые черты эволюции душевладения в течении трех последних десятилетий перед реформой, пользуясь данными о рекрутском наборе 1831 года.

ПОМЕЩИКИ, ИМЕЮЩИЕ	У НИХ КРЕПОСТНЫХ				Прирост или убыль.
	В 1831 г.	%	В 1858 г.	%	
до 20 д. м. п.	22,947	8,8	5,895	1,8	— 19,052
21— 100 „ „ „	21,355	8,1	36,102	11,2	+ 14,747
101— 500 „ „ „	75,574	28,8	106,238	32,9	+ 30,664
501—1000 „ „ „	52,076	19,9	47,219	14,5	— 4,857
Более 1000 „ „ „	89,827	34,4	127,584	39,6	+ 37,757
ВСЕГО. . . .	261,779	100,0	323,038	100,0	+ 61,259

Цифры первого столбца не безусловно верны и не вполне сравнимы с данными Тройницкого. В сводке 1831 г., по которой мы подсчитали эти цифры, крестьяне супругов не раз указаны вместе в виде одного числа, а в данных Тройницкого этого вероятно не было. В деле о рекрутском наборе есть и другие мелкие статистические недочеты; но в общем дефекты материала не столь велики, чтобы извратить общий характер картины. В последнее десятилетие перед реформой значительно уменьшилось число крепостных у мелкопоместных дворян и сильно возросло число крестьян у владельцев высшей группы. Первое явление наблюдалось во всей России, второе—было местной особенностью и стояло в связи с продолжавшейся колонизацией края. Уже в первой четверти XIX века, в губернии образовалось крупное душевладение. Во второй четверти оно не только не утратило своего значения, а, напротив, окрепло. За это время из предидущей группы (501—1000 душ) в высший разряд перешло еще несколько десятков лиц: их было всего

38 в 1831 г. и стало 91 в 1858 г. И хотя средние группы с душевладением от 21 до 100 и от 101 до 500 крепостных продолжали развиваться, некоторые контрасты все же углублялись: разросталась самая вершина и сжималась ближайшая к ней часть; увеличивалось значение средних помещиков, но сокращалось число наиболее мелких; и наконец, возростало общее число самых мелких, если не землевладельцев, то землепользователей-крестьян.

В дореформенное время богатство помещиков принято было исчислять не в десятинах земли, а в „душах" принадлежавших им крестьян. Но для нас, наряду с распределением „крещеной собственности", представляет интерес и распределение земли между саратовскими вотчинниками. Таких сведений имеется вообще очень мало, но по вольскому уезду они были тщательно разработаны в очень хорошей статистической работе Н. В. Нарбекова [1]).

Перед реформой частным лицам в вольском у. принадлежало 253 тыс. дес. из 514 тыс. дес., или 49.3% общей площади уезда. Почти все частновладельческие земли за исключением нескольких сот десятин находились в руках дворян, между которыми они распределялись следующим образом.

Земли дворян.

ПОМЕЩИКИ ИМЕЮЩИЕ	Число владений.	%	Земли дворян.		Средний размер владения.
			Десятин земли.	%	
Менее 100 дес.	13	11,8	654	0,3	50
100— 500 „	33	30,0	9,513	3,7	289
500— 1000 „	26	23,6	19,667	7,7	756
1000— 5000 „	26	23,6	48,754	19,3	1,875
5000—10000 „	8	7,3	52,882	20,9	6,610
10000 д. и более	4	3,7	121,646	48.1	30,411
ВСЕГО	110	100,0	253,116	100,0	2,301

Общий характер картины совершенно такой же, как тот, который обнаружился при рассмотрении распределения крепостных душ.

[1]) Н. В. Нарбеков, „Из истории землевладения и движения земельной собственности в вольском у., саратовской губ. за 1860—1897 г.г.", „Саратовская Земская Неделя", 1902, № 10, стр. 66.

Саратовский край отличался *крупными помещиками и многолюдными деревнями.* Население искало удобных мест близ хорошей воды и старалось жить сплоченно, чтобы лучше защищаться от нападений полудиких кочевников. Барона Гакстгаузена поражали эти огромные деревни нашего юго-востока и он утверждал, что нигде не встречал подобных поселений в западной Европе [1]). Почти за сто лет до его путешествия по России саратовская губерния отличалась уже крупными селениями. В той части балашовского уезда, которая входила в состав залесского стана шацкого уезда, половина всех крестьян жила в деревнях с населением более 300 душ м. п. [2]). И условия, если не тождественные, то очень сходные, господствовали на всем пространстве края. Деревни государственных крестьян были столь же крупны, как и крепостные селения. В узинском стане средняя для помещичьей деревни составляла в 40-ые г.г. XVIII века 154 д. м. п., а для казенной 156 д. м. п. [3]). В течение второй половины XVIII и всего XIX века эти селения росли и достигли огромных размеров даже в той полосе, где они были еще довольно мелки в царствование Елизаветы Петровны [4]).

Крупные вотчинники и многолюдные деревни. Казалось бы, что это вполне согласуется одно с другим: крупные вотчинники должны были владеть большими деревнями. Довольно часто это действительно бывало так. Но не менее часто это бывало совсем иначе. Помещики бывали многовотчинными, т. е. имели по несколько владений, а деревни бывали разнопоместными, т. е. имели по несколько господ. Это стало намечаться уже в середине XVIII века, когда, например, Нарышкиным принадлежали в балашовском уезде и в пограничных с ним областях десять селений [5]), когда Столыпины, Радищевы, Болтины, Алябьевы, Чаадаевы, Аблязовы были уже владельцами нескольких деревень и когда с другой стороны крестьяне отдельных сел распределялись уже между двумя, тремя, а часто и десятью и даже двадцатью помещиками. Из 97 крепостных деревень той части узинского стана пензенского уезда, которая вошла в состав саратовской губернии, 38 были разнопоместными уже во вре-

[1]) Авг. Гакстгаузен: „Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России“, М. 1870, стр. 345.

[2]) По данным 2 ревизии, „Тр. Сар. Уч. Арх. Ком.“, т. III, вып. I, стр. 13 и сл.

[3]) По данным 2 ревизии, „Тр. Сар. Уч. Арх. Ком.“, т. IV, вып. 2, стр. 133—154.

[4]) Так, напр., в кузнецком уезде. Ср. „Сборник статистических сведений по саратовской губ.“, т. X, 1891, стр. 39—40.

[5]) „Тр. Сар. Уч. Арх. Ком.“, т. III, вып. I, стр. 13 и сл.: Суверенье—Чернышево (323 д. м. п.), Миткарей—Юшино (420 д. м. п.), Медведица—Карамыш (190 д.), Архангельский—Широкое (127 д.), Двоенки (60 д.), Никольское—Аркадак (313 д.), Александровское-Завьялово (361 д.), Поворино (342 д.), Белавин—Пады (160 д.), Катаврас (24 д.).

мя второй ревизии. В 1762 году крестьяне Троицко-Сергиевской Лавры, жившие в селе Алексеевке, имели поселение „между разнопоместных помещиков крестьян, которых в том селе помещено 45 помещиков“ [1]).

Позднейшие записи, свидетельствующие о росте крупного душевладения, дают вместе с тем более подробные сведения по затронутым вопросам, потому что материалы становятся более полными и доступными обработке. У нас есть детальные данные о многовотчинных помещиках для начала николаевских времен. Сводка статистического материала не по вотчинам, а по лицам делалась всякий раз при рекрутском наборе. Такую сводку мы имеем за 1831 г. [2]).

По окладу Казенной Палаты 1831 года в саратовской губернии числилось 261.779 душ. м. п, помещичьих крестьян. Из них 96,847 или 37% принадлежали 156 многовотчинным помещикам. Уже отсюда ясно, что вопрос о числе крупных вотчин отнюдь не совпадает с вопросом о числе крупных помещиков. Мы видели выше, что накануне реформы в губернии был 91 крупный вотчинник с тысячей и тысячами душ. Но это очевидно совсем не означает, что в губернии было столько же крупных хозяйств.

Ста пятидесяти шести многовотчинным помещикам принадлежали крестьяне в 718 деревнях. На каждую из этих 718 вотчин приходится по 135 душ м. п.; на каждого из 156 помещиков приходится по 621 д.. Сосредоточение душ в одних руках идет несравненно дальше, чем сосредоточение крестьян в отдельных вотчинах. Даже помещики, владеющие тремя, четырьмя десятками душ, имели их иногда в разных местах. Мы находили в губернии:

44	вотчинника	с	крепостными	в	2 деревнях.
33	„	„	„	„	3 „
44	„	„	„	„	4—5 „
29	„	„	„	„	6—10 „
5	„	„	„	„	11—20 „
1	„	„	„	„	40 „

В среднем на каждого из этих помещиков приходится 4—5 владений в губернии. У многих есть несколько владений в одном уезде.

Крупные помещики с тысячами душ вообще обнаруживаются лишь тогда, когда подводится балланс всем их имениям. Тут только появляются вотчинники, насчитывающие по 5, по 10 и даже по 15 тысяч подданных обоего пола в

[1]) „Тр. Сар. Уч. Арх. Ком.“, т. IV, стр. 6.

[2]) Архив дворянского собрания. Дела по личной части губернского предводителя дворянства, 1831 г., № 72.

пределах одной саратовской губернии: Уваровы, Гурьевы, Нарышкины, Кочубеи, Устиновы, Воронцовы. Некоторые владеют десятками вотчин, разбросанных по всем уездам губернии. В качестве примера самых сильных многовотчинных помещиков мы приведем Устиновых и Воронцовых.

Коллежскому советнику Михаилу Устинову принадлежало 6821 д. м. п. в 40 местах. Вот ведомость его владений.

Название селений.	У е з д.	Число душ м. п.
Село Чечуйка	Саратовского уезда.	208
Хутор Александровский	" "	199
Формасов Буерак	" "	8
Дер. Паранина	" "	36
" Михайловка	" "	264
Село Безобразовка	" "	351
" Вершаут	Петровского "	302
Дер. Леляевка	" "	278
" Озерки	" "	364
" Григорьевка	" "	234
Хут. Васильевский	" "	87
Село Николаевское (Ключи)	" "	384
Поселок Александровский (Грязнуха)	" "	281
Дер. Натальино	" "	101
" Марфино	" "	97
Село Беково	Сердобского "	527
Дер. Крутцы	" "	118
" Васильевка	" "	33
" Щербедин	Балашовского "	1
Село Алмазовый враг	" "	411
" Петровское	" "	219
Дер. Дмитриевка	" "	90
" Николаевская	" "	76
" Безобразовка	" "	114
Сельцо Качкары	" "	10
Село Тростянки	" "	10
По городу Камышину	Камышинского "	3
Дер. Еланка	Сердобского "	330
" Подлесная	" "	29
" Миткарей	" "	156
Село Соколовка	" "	245
Дер. Варварино	Хвалынского "	90
" Герасимовка	" "	158
" Александровка	Аткарского "	121
" Озерки	" "	76
Село Глицыно	" "	575
Дер. Сергеевка	" "	79
Село Знаменское (Болтино)	Кузнецкого "	59
" Б.-Умыс	" "	73
Дер. Дмитриевка	" "	21
Всего...		6,821

Несколько менее разбросаны, но еще более значительны были владения Семена Романовича Воронцова. Они лежали в восемнадцати местах и число душ м. п. достигало в них 7,637. Мы приводим полный список владений этого

крупнейшего помещика саратовской губернии последних десятилетий перед освобождением.

Название селений.	У е з д.	Число душ м. п.
Село Чернобулак	Вольского уезда.	624
Слобода Воронцовка	Кузнецкого „	719
Село Чибирлей	„ „	302
„ Старый Чирчим	„ „	42
Дер. Погорелый Чирчим	„ „	22
„ Александровка	Сердобского „	501
„ Михайловка	„ „	146
„ Елшанка (Андреевка)	„ „	157
„ Панкратовка	„ „	19
Слобода Михайловка	Балашовского „	562
Дер. Романовка	„ „	1,685
„ Малая Семеновка	„ „	497
„ Большая Екатериновка	Аткарского „	652
„ Широкий Уступ	„ „	763
„ Малая Воронцовка	„ „	688
„ Мокрый Щелкан	„ „	78
„ Щелканка	„ „	27
„ Малая Екатериновка	„ „	153
Всего.		7,637

В этих списках встречаются и огромные вотчины с населением в несколько тысяч душ обоего пола (Романовка гр, Воронцова), и небольшие деревни, и даже мельчайшие части деревень.

Устиновым принадлежат почти семь тысяч душ мужского пола. Но устиновские вотчины совсем не велики. Лишь в одной из них более 500 крепостных мужского пола; а в каждом из других 17 имений мы находим менее 100 душ крепостных. От числа дворян душевладельцев очень далеко до числа крепостных хозяйств. Вопрос о концентрации душевладения следует очевидно трактовать отдельно от вопроса о значении крупных и мелких вотчин в крепостном хозяйстве.

Мы видели выше, что самой крупной группой помещиков по размерам душевладения была та, которой принадлежало по 1000 и более крепостных. В ее собственности находилось $^{2}/_{5}$ всего крепостного населения. Совсем иначе группируются статистические данные, если брать сведения не о помешиках, а о вотчинах.

Статистика вотчин [1]) по 9 ревизии.

Вотчины с крепостным населением.	Число вотчин.	%	Число душ. м. п.	%
От 1 до 20 д. м. п.	909	31,4	8,340	2,5
„ 21 „ 100 „ „ „	1,060	36,7	54,629	17,2
„ 101 „ 300 „ „ „	650	22,6	111,394	34,9
„ 301 „ 500 „ „ „	152	5,3	56,496	17,9
„ 501 „ 1000 „ „ „	94	3,3	61,065	19,0
Свыше 1000 „ „ „	18	0,7	27,245	8,5
ВСЕГО.	2,883	100,0	319,169	100,0

Эти данные относятся к девятой ревизии, между тем как наши сведения о вотчинниках относились к десятой. Но общее число крепостных за истекший промежуток времени (1850—1858) изменилось слабо и в пределах различных групп не могло произойти сколько нибудь существенных передвижений. Высшей группе *вотчинников* принадлежало 127,584 души; в высшей группе вотчин их было 27,245. Эти 100,000 душ распределялись между средними и мелкими вотчинами, причем относительно наибольшее число крепостных приписано было к вотчинам с населением от 101 до 300 душ мужского пола.

Приблизительно для того же времени, к которому относятся наши сведения о многовотчинных помещиках, мы можем привести и данные о *разнопоместных деревнях*. Они взяты из материалов генерального межевания, причем мы ограничиваемся двумя уездами: хвалынским из числа северных и балашовским из числа южных [2]).

В тридцатые годы XIX столетия мы находим в хвалынском уезде семнадцать разнопоместных деревень из общего числа 35, принадлежавших помещикам.

Число помещиков, владеющих крестьянами в одной и той же деревне.	Число деревень.		Число помещиков в целой группе.	
1	18		18	
2— 5	9	17	26	125
6—10	4		30	
11—20	4		69	
ВСЕГО. . .	35		143	

[1]) Вычислено по окладным книгам Казенной Палаты, составленным по данным 9 ревизии. Полного комплекта окладных книг с данными 10 ревизии в саратовских архивах не имеется.

[2]) Вычислено по данным экономических примечаний к генеральному межеванию по двум указанным уездам.

Только 18 помещиков из 143 были изолированы в своих владениях; остальные имели в своих же деревнях по крайней мере одного соседа, а чаще двоих, троих, четверых и даже до двадцати соседей. Между тем мы отнесли к первой группе все селения, которыми владели совместно муж и жена, мать и ее дети, или братья и сестры, хотя и эти деревни стояли на пути к превращению в разнопоместные. И мы считали кроме того в каждой деревне только помещиков, владевших крестьянами, не принимая во внимание тех, которым принадлежала одна лишь незаселенная земля. Иначе получилась бы еще значительно большая степень раздробленности. Вот тому пример: в селе Дмитриевском двоим князьям братьям Оболенским принадлежало 265 и 327 душ мужского пола, артиллерии майору Барышникову 223, поручику Бабикову 17, прапорщице Селивановой 70, и прапорщице Коляшиной 50 дворов. Кроме того в шести дворах жили однодворцы. И еще сверх того в том же селе межевание называет землевладельцев: княгиню Оболенскую, надворного советника Ищинина, штабс-капитана Лохитникова, коллежского советника Юшкова, подпоручика и корнета Полумордвиновых и титулярного советника Грузинова, „которые владение имеют только частью земли“. Таких сел в уезде было много.

В балашовском уезде положение было несколько иным.

Число помещиков, владеющих крестьянами в одной и той же деревне.	Число деревень.		Число помещиков в каждой группе.	
1	106		106	
2—5	4	21	12	428
6—10	7		57	
11—20	4		56	
21—30	3		85	
свыше 30	3		218	
ВСЕГО	127		534	

Здесь было больше деревень с одним владельцем, чем разнопоместных селений. Балашовский уезд славился крупными помещиками, распоряжавшимися многими десятками тысяч десятин земли и тысячами крестьян. Умирая, эти вотчинники не делили крепостных одной деревни между сыновьями; выдавая дочь замуж, они не отводили ей несколько дворов; каждому из детей они в состоянии были дать несколько сел с деревнями и выселками и потому то там, где владели Нарышкины, Разумовские или Юсуповы дробление не пошло так далеко, как в других уездах. Но с другой стороны мы встречаем именно здесь такие села,

которые представляют как бы пеструю мозаику из крепостных крестьян множества разных владельцев.

Мы приведем со всеми подробностями один пример такой разнопоместной деревни, который не следует конечно принимать за иллюстрацию общего правила, но который замечателен тем, что показывает, как далек иногда бывал действительный строй деревни от представления, рисующего крепостную вотчину в виде барской усадьбы, окруженной принадлежащим одному помещику селом его „собственных" крестьян. Село Никольское, Тростянка, тож лежит на большой дороге Новохоперск-Саратов. Это—большое село, в котором уже в начале тридцатых годов было 435 дворов с населением в 3270 душ обоего пола и 24 господских деревянных дома. До какой степени владение крестьянами было раздроблено между помещиками, видно из следующего перечисления:

ПОМЕЩИКИ.	Дворов.	Душ м. п.	Душ ж. п.
1) Надворный советник Алексей Васильев Путилов	2	8	5
2) Секунд майор Иван Васильев Путилов	1	3	3
3) Надворный советник Алексей Иванов Куприянов . . .	2	5	5
4) Жена его Анна Яковлева	3	11	11
5) Подполковник Дмитрий Михайлович Пестов	12	50	47
6) Жена его Любовь Яковлева	20	64	59
7) Генерал аудитор лейтенантша Ирина Яковлевна Хлебникова	3	8	11
8) Секунд майор Григорий Васильев Чариков	11	20	11
9) Дети его: капитан Григорий Григорьев	2	8	9
10) „ „ поручик Николай Григорьев	2	10	9
11) Прапорщик Ларион Иванов Украинцев	3	12	7
12) Жена его Елена Лукина	3	10	6
13) Сын его подпоручик Алексей Ларионов	2	13	16
14) Поручик Василий Семенов Полченинов	2	11	5
15) Прапорщик Сергей Иванов Украинцев	7	19	23
16) Жена его Наталья Матвеевна	7	18	29
17) Капитанша Мария Александровна Панаева	1	3	3
18) Губернский секретарь Иван Матвеев Софорский (при господском его доме)	—	3	2

ПОМЕЩИКИ.	Дворов.	Душ м. п.	Душ ж. п.
19) Падчерица его малолетняя девица Прасковья Васильевна Воронкова	1	5	4
20) Титулярный советник Федор Иванов Шарин	1	7	7
21) Жена его Аграфена Софронова	2	13	8
22) Прапорщик Николай Никифоров Минин и жена его Елена Сидорова	3	15	7
23) Прапорщик Тимофей Шпикулов	2	16	14
24) Жена его Маланья Иванова	1	17	13
25) Капитанша Марфа Иванова Выдрина	2	17	21
26) Титулярный советник Гаврила Ларионов Аргаманов	2	12	3
27) Капитан Василий Петров Дуров	1	7	3
28) Майор Панфил Васильев Колобов	1	5	4
29) Жена ето Пелагея Васильевна	7	19	31
30) Майор Яков Терентьев Траповский		14	6
31) Жена его Наталья Иванова	9	10	11
32) Мать его Лукерья Иванова		10	10
33) Подпоручик Никифор Васильев Колоб (при его господском доме)	—	4	4
34) Подпоручик Емельян Михайлов Марков	3	10	7
35) Жена его Александра Федорова	7	34	38
36) Малолетняя девица Мария Андреева Афанасьева (дворов не состоит, а по ревизии числятся души)	—	14	10
37) Майорша Елизавета Ильина Апыхтина	1	6	4
38) Капрал Илья Григорьев Видонов	1	2	6
39) Гвардии сержант Сергей Васильев Вышеславцев	4	19	14
40) Прапорщик Федор Васильев Акуньков	—	1	1
41) Жена его Надежда Васильева	1	1	1
42) Подпоручица Надежда Семенова Лотарева	12	90	77
43) Подпоручик Николай Андреев Свищев	2	6	6
44) Подпоручик Филипп Григорьев Куприянов	1	7	—
45) Прапорщик Иван Филиппов Куприянов и жена его Катерина Петрова	—	4	—
46) Прапорщица Мария Иванова Филиппова	5	15	—

ПОМЕЩИКИ.	Дворов.	Душ м. п.	Душ ж. п.
47—60) Вахмистр Иван Григорьев Куприянов, Капитан Василий Трофимов Украинцев, Никифор Иванов Лихачев, титулярный советник Алексей Владимиров Мещеринов, титулярная советница Елена Михайлова Жукова, поручица Дарья Евстратова Вырыпаева, поручица А. Алексеева Иванова, штабс-лекарша Аграфена Елистратьева Есе . . . . ва, помещица Анна Иванова К . . . . ., Елизавета Андреева Трухачева, Лукерья Иванова Траповская, девицы Мария, Анна и Мария Петровы Камышины	82	324	302
61) Прапорщик Тимофей Кузьмин Марков	3	14	—
62) Жена его Василиса Иванова		1	—
63) Прапорщик Федор Александров Татаринов	7	18	22
64) Подпоручица Александра Федорова Тайкина	3	9	12
65) Подпоручица Пелагея Иванова Муратова	1	4	3
66) Сержантша Елена Иванова Кондратьева	2	7	7
67) Унтер-офицер Филипп Николаев Белый	2	7	7
68) Корнетша Василиса Матвеевна Корягина и того же села однодворцы	180	558	65
Однодворческие крестьяне	10	45	47
Отставные солдаты	—	10	—
ВСЕГО.	435	1,647	1,623

О происхождении села не сохранилось точных сведений и мы не знаем, какие отношения существовали между помещиками, владевшими Тростянкой. Рассмотрение имен, отчеств и фамилий показывает, что многие владельцы связаны были узами близкого родства. Не говоря уже о том, что отдельно очень часто перечислены крепостные мужа и жены, или родителей и детей, сразу же видно, что крайнее дробление крепостной собственности произошло в значительной мере путем многих последовательных семейных разделов. Но оно произошло не одним этим путем. При заселении уезда новые колонизаторы, и дворяне, и крестьяне приходили туда, где уже находились помещичьи, крестьянские или однодворческие хозяйства. Деревня росла без плана и без хозяйственного единства. В настоящее время Никольское-Тростянка—огромное без всякого порядка построенное село, занимающее пять верст в длину и три версты в ширину—пространство, на котором мог бы разместиться небольшой губернский город.

Эти данные позволяют нам усилить значение еще одного вывода, который мы представим, опираясь на статистический материал.

Петр III и Екатерина II освободили благородное сословие от обязательной службы: дворянин мог поехать в деревню и заняться хозяйством. Но он предпочитал по прежнему служить. Пожар Москвы, если верить Гакстгаузену, побудил многих дворян переехать в провинцию, чтобы посвятить себя сословным и хозяйственным делам. И все же, еще в николаевские времена мы застаем очень мало помещиков на своей земле. Помещик служит. Вотчиной правит управляющий, приказчик, или бурмистр. В делах Саратовского Дворянского Депутатского Собрания за 1836 год есть документы [1]), позволяющие ответить на вопрос о помещичьем абсентеизме с довольно большой степенью точности. Статистическое отделение совета министерства внутренних дел, во главе которого стоял тогда К. Арсеньев, затребовало в этом году список всех числящихся в губернии, в городах и в деревнях дворян и чиновников и в некоторых поданных уездными предводителями ведомостях имеются ясные отметки о месте жительства землевладельцев. Мы имеем такие сведения по трем уездам: сердобскому, петровскому и аткарскому.

ДВОРЯНЕ, ИМЕЮЩИЕ	Сердобский уезд.				Петровский уезд.				Аткарский уезд.			
	Число дворян.		%		Число дворян.		%		Число дворян.		%	
	Жив. в уезде.	Не жив. в уезде.	Жив. в уезде.	Не жив. в уезде.	Жив. в уезде.	Не жив. в уезде.	Жив. в уезде.	Не жив. в уезде.	Жив. в уезде.	Не жив. в уезде.	Жив. в уезде.	Не жив. в уезде.
До 20 душ м. п.	32	74	31,2	69.8	8	23	25,8	74,2	15	18	45,4	54,5
21-100 „ „ „	50	93	35,0	65,0	13	19	40,7	59,3	23	31	42,6	57,4
101-200 „ „ „	14	35	28,6	71,4	6	17	28,1	73,9	8	13	38,1	61,9
201-300 „ „ „	12	18	40,0	60,0	1	7	12,5	87,5	3	4	42,9	57,1
301-400 „ „ „	3	6	33,4	66,6	2	4	33,3	66,6	1	8	11,2	88,8
401-500 „ „ „	4	6	40,0	60,0	2	3	40,0	60,0	—	3	—	100,0
501-1000 „ „ „	4	10	28,5	71,5	1	12	7,7	92,3	—	5	—	100,0
1001-2000 „ „ „	—	4	—	100,0	—	1	—	100,0	1	2	33,3	66,7
2001-и бол. „ „	—	2	—	100,0	—	1	—	100,0	—	2	—	100,0
ВСЕГО . .	119	248	32,4	67,6	33	87	27,5	72,5	51	86	37,2	62,8

[1]) Архив дворянского собрания. Дела по личной части губернского предводителя дворянства, 1836 г., № 23.

По трем уездам.

ДВОРЯНЕ, ИМЕЮЩИЕ	Число дворян.		%	
	Живущих в уезде.	Не живущих в уезде.	Живущих в уезде.	Не живущих в уезде.
До 20 душ м. п.	55	115	32,3	67,7
21-100 „ „ „	86	143	37,6	62,4
101-300 „ „ „	44	94	31,9	68,1
301-500 „ „ „	12	30	28,6	71,4
501-1000 „ „ „	5	27	15,6	84,4
1001-2000 „ „ „	1	7	12,5	87,5
Более-2000 „ „ „	—	5	—	100,0
ВСЕГО	208	421	33,3	66,7

Некоторые выводы определенно вытекают, как из сводной таблицы, так и из тех столбцов, которые составлены для отдельных уездов. Прежде всего ясно, что абсентеизм среди очень крупных помещиков более распространен, чем среди мелких и средних. Из 13 вотчинников, имеющих более 1000 душ м. п., только один живет в уезде. Это не могло быть случайностью. И несомненно чрезвычайно значителен еще абсентеизм в группе богатых помещиков, имевших более 500 душ м. п. И здесь число наблюдений достаточно значительно, чтобы вывод не оказался случайным. Помещики высших разрядов почти никогда не жили в своих деревнях; в собственной вотчине можно было найти одного из шести—семи дворян. Но наблюдается, повидимому, некоторые различия между уездами. Мы чаще встречаем крупного помещика в собственном имении сердобского уезда, чем петровского и аткарского, потому, быть может, что сердобский уезд был колонизован раньше и заселен гуще, был ближе к условиям пензенской губернии и в меньшей мере являлся глухим окраинным уездом, чем другие уезды губернии. Однако это лишь предположения.

Во всем остальном не видно различий между уездами и между разрядами дворян, а если различие и есть, то трудно приписать их действию каких либо постоянных условий. В общем около ²/₃ помещиков живут вне своих имений, а

$^1/_3$ проживает в своих деревнях; для мелких и для средних помещиков норма одна и та же. Но это есть норма для абсентеизма помещиков, а не норма для „безхозяйных" вотчин. Крупный саратовский помещик, живший в столице, имел в нашем крае не одну только вотчину, он имел их иной раз по несколько в каждом уезде. И процент тех вотчин, в которых хозяйством заведывал по доверенности владельца управляющий или бурмистр, поэтому значительно выше, чем процент отсутствующих дворян. Это обстоятельство необходимо принять во внимание, если рассчитывать, сколь редко помещик непосредственно управлял крепостными крестьянами. Из трех помещиков в своей вотчине жил лишь один. Но не в одной вотчине из трех, а вероятно лишь в одной из четырех хозяйство велось под постоянным присмотром владельца. Тут абсентеизм мог быть двоякого рода. Если помещик взимал оброк со своих крестьян, в его постоянном пребывании в деревне не ощущалось никакой необходимости и может быть даже в его отсутствии крестьянам жилось спокойней и вольней. Оброк был величиной определенной и при взимании его недоразумений бывало сравнительно немного. Но если в имении велось барщинное хозяйство, тогда вместо помещика во главе работ становился управляющий, приказчик или бурмистр. Тут уже не было места патриархальным отношениям, потому что те элементы деревни, между которыми они могли бы установиться, вовсе не соприкасались друг с другом. Вотчинник ожидал денежных выгод от отдаленной вотчины и управляющий, заботившийся о своей карьере, должен был представить возможно высший доход. Дух рассчета и предпринимательства господствовал в больших и средних вотчинах саратовской губернии. Проводниками, а иногда и носителями его,—особенно в самых больших вотчинах, у Нарышкиных, Голицыных и др.,—бывали часто иностранцы: немцы, эстонцы, латыши. Среди „документов" мы помещаем во второй части нашей работы записку одного из таких управляющих, представителя предпринимательского крепостного хозяйства на нашем юго-востоке, рассчетливого и дельного, вероятно холодного и сухого, одного из творцов больших „зерновых фабрик" (по терминологии русского комментатора Таера-Муравьева) в саратовском крае.

Мы характеризовали помещиков по числу принадлежавших им душ, как это принято было в дореформенной литературе и статистике. Но что означало число крепостных, если перевести его на язык других более понятных нам цифр и поискать денежного его выражения? К этому можно

подойти двояким путем. Можно искать капитальной ценности населенных имений и можно искать цифры доходов, которые извлекал из вотчины ее владелец. Первая задача по состоянию наших материалов не разрешима. Для второй можно найти приблизительное решение.

Средний денежный оброк с тягла составлял в саратовской губернии около 20 р. сер. Он не представлял всего дохода оброчного имения, потому что кроме денежной повинности оброчный крестьянин нес еще обычно дополнительные, натуральные. Доход от оброчного имения не исчерпывался иной раз и этим, ибо были случаи, когда часть земли сдавалась в аренду купцам или соседним крестьянам. Что касается барщинного имения, то в нем тягло могло давать вотчиннику и значительно более 20 р., не говоря уже о том, что вотчинник мог пользоваться еще и вольнонаемным трудом. Наконец, в некоторых имениях были промышленные предприятия: очень часто мельницы, иногда винокуренные заводы, изредка в нашем крае суконные фабрики. Наши данные поэтому ниже действительных, но ошибка, в которую мы впадаем, не опорочит основных выводов, к которым мы придем.

Оброк с тягла, или, другими словами, преуменьшенный по сравнению с действительностью доход с тягла составлял накануне реформы около 20 руб. Тягло состояло из мужа и жены и на него приходилось в среднем в саратовской губернии около 2,5 души м. п. Следовательно доход с души м. п. составлял около 8 рублей. Число душ по последней ревизии (по данным Тройницкого) равно было 323,038, и помещичий доход достигал 2,584,304 рублей или, отбрасывая все детали этого приблизительного расчета,—2,500,000 руб. серебром. Если распределить этот доход между группами помещиков, то получится следующая таблица.

Помещики, имеющие душ м. п.	Доход всей группы в 1000 р.	Число помещиков.	На одного помещика—рублей.
до 20	47	739	50
21—100	289	934	309
101—500	850	597	1,423
501—1000	378	102	3,706
более 1000	1021	91	11,220
ВСЕГО	2585	2463	105

Действительные доходы были наверное выше и разница между ними и исчисленными здесь доходами была местами велика. Но, какова бы она ни была, первые две группы владельцев принадлежали к бедному дворянству, образ жизни которого должен быть крайне скудным, если только служба не становилась главным источником его средств; и это указание относится к подавляющему большинству саратовского поместного дворянства, к 1673 семьям из 2463. Положение средней группы (от 101 до 500 д. м. п.) было в общем удовлетворительно, если принять во внимание, что действительные доходы были больше показанных, что покупательная сила рубля во второй четверти XIX века в некоторых отношениях была значительно выше, чем в начале двадцатого, и что и здесь к доходу от вотчины по большей части присоединялись доходы от службы. Лишь четвертая группа пользовалась по условиям того времени значительным благосостоянием и лишь высшая пользовалась богатством. Отсюда понятно, и то явление, которое отмечено выше: богатые помещики не жили в деревне, потому что они хотели и могли жить в столице. Остальные помещики редко жили в деревне, потому что вотчина не могла их прокормить так, как это требовали сословные привычки и сословная честь.

Впрочем, если с одной стороны цифры вотчинных доходов в наших исчислениях преуменьшены, то с другой стороны они несколько и преувеличены. Мы не могли учесть выгоды барщинных работ, прибыли от сельско-хозяйственного, а тем более промышленного предпринимательства, доходы от сдачи в аренду излишка земель и пр., но мы не учитывали также тех платежей которые несли по своим долгам владельцы заложенных имений. А долги эти были очень велики накануне освобождения и платежи по ним поглащали весьма значительную часть дворянского бюджета. Эти платежи вносились в дореформенные кредитные учреждения очень неисправно и дворянство не раз ходатайствовало об отсрочках и пересрочках. „На саратовской губернии,—писал саратовскому губернскому предводителю дворянства министр внутренних дел Ланской, незадолго до реформы, – к 1856 году числилось банковских долгов (не считая Приказа общественного призрения)—13,308;372 р. в том числе превышающих первоначальную ссуду 4,690,443 р. или более 35%, т. е. почти в такой же пропорции, как по витебской губ., известной своим крайним расстройством и нищетой. Вообще губернии, находящиеся в бесспорно худших хозяйственных условиях чем саратовская, и потер-

певшие не менее от неурожаев, не накопили таких значительных долгов... Я уверен,—продолжал министр внутренних дел,—что дворянство саратовской губернии, желая вывести свои долги кредитным установлениям из того неудовлетворительного положения, в котором они находятся, и сознавая вредные последствия и даже невозможность возобновления общих льгот по кредитной части, откажется от всяких дальнейших по сему предмету ходатайств; если же таковые поступят вновь, то... за дарованными уже в двух высочайших манифестах льготами и облегчениями, правительство вынуждено будет оставить их без последствий“ [1]).

В 1859 году весь ипотечный долг саратовских помещиков кредитным учреждениям составлял 15.849.540 р.; из 100 душ заложено было 80, долг на душу достигал 61 р. Это не высшие в России цифры, но цифры, превышавшие средние для всей России и возраставшие притом быстрее, нежели увеличивались последние. В 1855 г. из 100 крепостных во всей России заложено было 62, а в саратовской губернии 68. В 1859 г. общерусская средняя поднялась только до 65, между тем как саратовская повысилась до 80 [2]).

Пять % с капитального долга в 13 мил. составляют 650 тыс. рублей. Это—четверть исчисленных выше помещичьих доходов. Были разумеется вотчины, для которых платежи составляли не четверть, а меньше. Но были и такие для которых они составляли больше. Мы этим не хотим сказать, что высокая задолженность свидетельствовала о разорении дворянского землевладения. Часто она возникала вследствие перехода земли из рук в руки, а быстрая мобилизация сопровождает скорее периоды хозяйственного расцвета, чем хозяйственного упадка. Но платежи процентов были во всяком случае крупным вычетом из доходов и мы рассматриваем их здесь единственно с этой стороны.

Вычет должен был иметь совершенно различное значение для крупных и для мелких помещиков. Он делал незначительные доходы совершенно ничтожными, между тем как, уменьшая крупные доходы, он все же оставлял их большими.

Крупный помещик редко жил в крае; он только наезжал в него. Но это не мешало богатому саратовскому дворянству превращать свои вотчины в большие предприятия, причем иногда помещик устраивал себе и усадьбу и вел в ней широкий образ жизни провинциального лендлорда. У

1) Архив дворянского собрания. Дела по личной части губернского предводителя дворянства, 1855 г., № 89.

2) А. Скребицкий, „Крестьянское дело в царствование императора Александра II“, т. IV, стр. 1250 и сл.

нас сохранилось несколько кратких описаний, характеризующих этот быт.

Александр Николаевич Львов, зять известного деятеля александровской эпохи адмирала графа Н. С. Мордвинова, поселился в своем имении Бобылевке балашовского уезда в 30-х годах 19 века, построил дорогую церковь и усадьбу, организовал медицинскую помощь в вотчине, распространил среди крестьян постройку каменных изб, учредил для этого особый капитал, устроил общественный заемный банк, который функционировал 20 лет. Господский дом в Бобылевке, по его собственному описанию, был каменный двухэтажный, с каменной кухней. При нем каменная оранжерея и каменный флигель для дворовых людей. Близ первого господского двора, через улицу. находился второй, деревянный, в котором помещалась вотчинная контора и были комнаты для приезжих и здесь же, на дворе, была каменная изба для содержания арестантов. За счет экономии содержался причт построенной Львовым церкви, получавший хлеб и корм для скота и кроме того, 500 рублей деньгами. Для церковного штата (священника, дьякона и пономаря) выстроены были 4 каменных дома. Бобылевка приносила в год 80 тысяч рублей дохода [1]).

У Кочубеев, владевших вотчинами в селах Широкий Карамыш, Ключи, Дмитриевском, в дер. Двоенке и Каменке аткарского уезда, в слободке Рыбушке, саратовского уезда, в Широком Буераке хвалынского уезда с деревнями Натальино и Никольское за Волгой, с 7504 душ. муж. п. и 129,779 десятинами, было огромное хозяйство еще значительно большее, чем у Львовых, с большими посевами и обширным овцеводством и лесоводством с 10 мельницами, из которых самая большая в Двоенке сдавалась за 2.000 рублей в год. На одно только содержание служащих в экономии, конторы, лазарета, столяров, кузнецов, кучеров и проч., учителей, управителей, надзирателей, землемеров, смотрителя овчарных заводов и его команды, смотрителя лесов и его команды,—в 1838 году израсходовано было 34.000 руб. Владелец интересовался хозяйством и пытался улучшить его. „Для улучшения сушилен его сиятельство князь Лев Викторович, приказал доставить модель, избранную обществом для улучшения земледелия“. Для смотрителя лесов князь Кочубей выписывал „Лесной журнал“ [2]).

Известно, наконец, описание условий жизни сановника в саратовской вотчине на рубеже XIX столетия в записках

---

[1]) „Материалы по крепостному праву. Саратовская губерния. Изд. Сар. Уч. Арх. Ком.“, Саратов, 1911 г. Стр. 1—16 (последней части).

[2]) Там же.

Ф. Ф. Вигеля. „Вице-канцлер князь Александр Борисович Курагин долго был в опале и в звании отставного камергера жил в богатом поместье своем Надеждине, в сердобском уезде [1]) в саратовской и на самой границе пензенской губернии... В великолепном уединении своем сотворил он себе на подобие посещенных им дворов (не знаю Дармштадского или Веймарского, но верно уже не Кобургского) также нечто похожее на двор. Совершенно бедные дворяне за большую плату принимали у него должности главных дворецких, управителей, даже шталмейстеров и церемониймейстров; потом секретарь, медик, капельмейстер и библиотекарь и множество любезников без должностей составляли свиту его и оживляли его пустыню. Всякий день, даже и будний за столом гремела у него музыка, а по воскресным и праздничным дням были большие выходы; разделение времени, дела как и забавы, все было подчинено строгому порядку и этикету. Изображение великого князя Павла Петровича находилось у него во всех комнатах; в саду, в роще, там и сям встречались не весьма изящные памятники знаменитым друзьям и родственникам“ [2]).

Мелкий владелец прозябал. Но крупный владелец не даром просил себе земельных угодий в саратовской глуши. Он умел использовать их. Он знал толк в делах, а если и не знал его сам, то находил управляющего,—очень часто латыша, эстонца или немца,—который организовывал доходное вотчинное хозяйство. В следующей главе нам предстоит перейти к описанию того, как такое хозяйство было устроено.

---

[1]) В 1831 г. Куракиным принадлежали в сердобском уезде Надеждино (625 д.) Александровка (394 д.), Никитовка (410 д.) и Софьино (199 д,), а всего 1,628 д. м. п.
[2]) Записки Ф. Ф. Вигеля, ч. I. Москва. 1891, стр. 194.

ГЛАВА III.

Вотчинное хозяйство.

§ 1.

Хлебный рынок и хлеботорговые пути.

Среди тех условий, под влиянием которых развивалась внутренняя жизнь саратовских вотчин, одно из важнейших мест принадлежало условиям рынка. Мы должны остановиться на них, если хотим определить ту обстановку, в которой слагались организационные формы крепостного хозяйства в саратовском крае и выяснить те мотивы, которые заставляли юго-восточных помещиков останавливаться на той или иной внутренней структуре своих вотчинных хозяйств. Почему помещиков тянуло в саратовскую глушь? Потому что здесь был простор и потому что степи были плодородны. Но этого мало. Мы знаем, что помещик только в редких случаях жил в своей саратовской вотчине. Саратовский хлеб не нужен был ему для собственного потребления. Саратовская вотчина имела бы очень низкую цену, если бы некуда было сбывать этот хлеб, и никто не стал бы переселять сюда своих крестьян. Помещика тянуло в Саратов, потому что для саратовского зерна существовали хорошие рынки и торговые пути. Прежде всего хлеб можно было вывозить по Волге. Вверх посылали зерно, вниз,—мы имеем в виду уже XIX век,—посылали муку для нужд кавказской армии и для населения Астрахани. Кроме того, из полосы пограничной с тамбовской и пензенской губернией, хлеб шел на винокуренные заводы. И, наконец, в настойчивых поисках рынка саратовские продавцы нашли близкий, теперь давно уже заброшенный, путь к морю—по Медведице и Хопру, а затем по Дону. Немалая часть хлеба шла именно этим путем из саратовской губернии в Ростов на Д. Донская торговля отмечена кратко в описании балашовского уезда Никольского и описана подробно в небольшой, но интереснейшей монографии Мордовцева. До сих пор о ней помнят еще некоторые сторожилы, как на правом, так и на левом берегу.

О плавании по Хопру Никольский рассказывает следующее: „в первой трети XIX века Хопер представлял для уезда лишь хорошую рыбную ловлю и ряд водяных мель-

ниц. Смелое и предприимчивое путешествие купца Превратухина в 1836 г. из сердобского уезда вниз по Хопру на лесных плотах в первый раз доказало возможность хоперского судоходства. Опыт был повторен и в следующие годы, увлек за собою других; т. о. судоходство постепенно развивалось. Ныне по Хопру ежегодно сплавляются в Ростов баржи с разным хлебом, иногда с салом и спиртом [1])“.

В	1841	г.	по	Хопру	спущено	было	5 барок.
„	1842	„	„	„	„	„	12 „
„	1843	„	„	„	„	„	10 „
„	1844	„	„	„	„	„	7 „
„	1845	„	„	„	„	„	18 „
„	1846	„	„	„	„	„	26 „
„	1847	„	„	„	„	„	ежегодно от 30 до 40 барок.
„	1848	„	„	„	„	„	
„	1849	„	„	„	„	„	
„	1850	„	„	„	„	„	

Барка поднимала груз от 3500 до 4000 кулей в 7½ пудов веса, или около 30,000 пудов. Всего, таким образом, в середине прошлого века могло сплавляться по Хопру до 1 милл. пудов зерна в год, если только цифра Никольского не ошибочна.

Гораздо подробнее составлено превосходное описание Д. Мордовцева. Оно носит название „Картины судоходства по Медведице и по Дону [2])“ и представляет такой большой интерес, что мы воспроизведем здесь многие места этого красочного рассказа.

„До 1831 года никто,—по словам Мордовцева,—не знал, что река (Медведица), через которую в летнее время переезжают в брод, могла быть судоходна. Но когда первые барки вышли в Дон благополучно, и на следующий год повторилось тоже самое, то количество барок стало увеличиваться с каждой весной, так что теперь в иной год Медведица приносит в Дон с полой водой более ста судов, нагруженных пшеницей—гарновкой и белотуркой, льняным семенем, ржаной мукой и овсом. Первым медведицким судопромышленником, отважившимся на сплав барок в Дон, был казак Шейкин; за ним остается слава открытия медведицкого пути, как за купцом Превратухиным—хоперского“.

Эта речная торговля была и рискована и трудна. Техника ее заключалась в следующем.

Барки закупались на Волге. Иногда купец посылал своего приказчика на место главного торга—на Нижегород-

[1]) Никольский, „Балашовский уезд“, стр. 139.

[2]) „Памятная книжка саратовской губернии на 1859 год“, Саратов, 1859 отдел III.

скую ярмарку, в Лаишев и Богородское, иногда он покупал из вторых и третьих рук в Саратове или в колонии Сосновке.

Барки, которые покупались в Лаишеве, привозили туда железо с Уральских заводов; в Лаишеве железо перегружалось на пароходы и отсюда отправлялось в Нижний, а барки продавались низовым купцам. Их называли по заводам, на которых они были построены: коломенские, суксунские, расторгуевские, пастуховские, демидовские, понамаревские, копоуховские и проч. Барки разбирали на части, нагружали по четыре—по пяти на одну и сплавляли вниз к Саратову или к Сосновке. Те барки, которые покупались уже в саратовской губернии, приходили сюда с дегтем, смолой, лубом, углем, рогожей, мочалой, тесом, с тонкой веревкой для разных поделок, с шестом, липовым лесом, с березовым дрючком.

В Саратове или Сосновке все барки разбирались и отсюда до первого снега, а в случае опоздания уже и по снегу, их перевозили на Медведицу волоком. Кроме частей самых барок везли еще лес для всяких работ, необходимых для приспособления волжской посуды к совсем иным условиям плавания.

„Сборка готовых барок и стройка или переделка,—писал Мордовцев,—производится на следующих медведицких пристанях: в селе Копенах графа Гурьева (Копены считаются главным пунктом всей этой местности), в колонках Гришачинском (Гречина Лука) и Крестовом (Крестовый Буерак, в селах Андреевке, Жирном, в колонке Линевом, в Мазуровке, при впадении Терсы в Медведицу, в слободке Красном Яру, в селе Гранках, Мариновке (Орехово, графа Орлова-Денисова) или Краснобаевке. Последния две пристани находятся уже в земле донских казаков“.

Извозом занимались государственные и помещичьи крестьяне соседних сел, а также немцы-колонисты. К Копенам везли по проселочной дороге, и перевалка была очень трудна. Осенью она была трудна из за грязи, отсутствия гатей и мостов. Но она тягостна была и зимой. „По первопутью передовые обозы проходят благополучно по ровной еще дороге... Но они уже испортили дорогу. Обыкновенно, восьми или девяти саженные брусья, гибкие боковины и днища кладутся на подводы так, что к передку саней прикрепляется только один конец, толстый, а все остальное дерево тащится за санями по дороге, на расстоянии девяти сажен от лошади: гибкие концы боковин и девятисаженные брусья, при неровности пути бороздят дорогу до самой земли; лошади задних подвод идут по избитым колеям, и то

опускаются в ухабы, то с трудом выходят из них.—Так как эта дорога проселочная, то на ней нет ни постоялых дворов, ни других ночлегов. Обозы останавливаются кормить там, куда успевают доехать. Они идут день и ночь".

Почти одновременно с закупкой барок начиналась и скупка зерна медведицкими купцами, возвратившимися после донского плавания из Ростова. Закупка велась через приказчиков и комиссионеров, причем приобретали зерно по существующей, или по будущей цене; продавцами являлись крестьяне и помещики, а покупали во дворе у продавца и на базарах. Хлеб ссыпали в заготовленные мешки и кули, свозили к Медведице и складывали на возвышенном месте берега, куда не может достигать полая вода.

Затем надлежало нанять рабочих. Это делалось по окончании перевалки леса, когда закупка зерна подходила к концу. За наймом бурлаков в конце декабря, в январе, еще и в феврале, приказчиков посылали в уезды нижне-ломовский, наровчатский, керенский и спасский.

Когда наняты были рабочие, их разбивали на артели с лоцманами во главе и приступали к сборке, обшивке и пробойке барок. Все это заканчивалось к 20 марта т. к. около этого времени на Медведице начинает ломаться лед. Баржу тогда спускают, оснащивают, убирают и затем идет погрузка. При 18 саженях длины, 13 аршинах ширины и при шести четвертях осадки баржа поднимает здесь до 14 тыс. пудов. Большие баржи, при хорошей воде, поднимают и до 20 тыс. пудов.

„Лоцмана, наблюдающие ежедневно за прибылью и убылью воды, говорят, наконец, что река дрогнула. Тогда только барки пускаются в путь; а до того времени, пока вода не пошла еще на убыль, они не отходят от пристани: по местному выражению, барки догоняют воду. И действительно, вода уходит так быстро, что, не догоняя ее невозможно выбежать в Дон, а если это и удастся, то каравану предстоит еще много опасностей на Дону от россыпей.—От Копен до устья Медведицы барки должны пробежать около 380 верст; суда, выходящие из лысогорской пристани, должны пройти 450 верст, чтобы выбежать в Дон. На этом пространстве караваны встречают безчисленное множество препятствий: мели, россыпи, рынки, яры, огрудки, проносы, перекаты, осередки, мельницы и плотины попадаются на каждых пяти верстах". Затруднения бывали велики и в хороший год после снежной зимы и дружной весны. А в 1857 неблагоприятном году из 125 барок, вышедших из медведицких пристаней, „не было ни одной, которая не бросила бы

часть груза где нибудь на берегу; а иные вышли в Дон совершенно порожними".

От Усть-Медведицкого караваны шли 180 верст по Дону до Качалина и отсюда плыли вниз по Качалинскому рукаву. Здесь можно было прибавить груза. Иногда такой груз находили в Качалине; это были товары, волоком доставленные сюда из Дубовки. Иногда разгружали часть барок, догружали остальные и распродавали на месте порожние. В хорошую воду можно было догрузить, смотря по размерам барки, от 8 до 12 тыс. пудов.

Плавание и дальше было небезопасно и для груза и для людей, хотя оно было легче медведицкого. В Ростове сперва останавливались на якоре, затем получали место у берега и разгружали суда. „По разгрузке барки продаются там же в Ростове желающим и идут на дрова—что похуже, а что покрепче для построек и берутся во все приморские города (в Бердянск, Мариуполь, Таганрог, Ейск и др.) от 300 до 400 рублей за барку со всеми принадлежностями. Вверх их взвозить конечно нельзя.—Мука и пшено сгружаются в Ростове и поступают в продажу, смотря по обстоятельствам: иной запродает оптом в одни руки, а иной продает в розницу местным обывателям, а иногда в отвоз в ближайшие места. Зерновой хлеб, пшеница и льняное семя, вместе с запродажей сейчас же грузится в каботажи: высыпают из мешков, подграшивают на грохоте, просушивают и грузят в каботажные суда прямо насыпью, а не в мешках. На каботажах хлеб идет через донские гирла в море и принимается шкиперами на корабли для доставки по назначению в один из заграничных портов. В недавнее время стали отправлять за границу и крупчатую муку, но все еще незначительными партиями. Последняя европейская война познакомила турок с белым французским хлебом и они покупали нашу крупчатку охотно".

Если сопоставить различные указания Мордовцева, то можно вывести из них, что по Медведице сплавляли до $1^1/_2$ миллиона пудов в год. А все движение хлебных грузов из нашего края по Хопру и по Медведице в Ростов на Дону составляло, вероятно, в пятидесятые годы около 2 миллионов. Это была, несомненно, очень значительная торговля по тому времени: в 1846 году, когда вывоз зерна за границу шел очень успешно, весь экспорт Ростова составил только 174.000 четвертей, а Таганрога 296.000 четвертей т. е. вместе около 4.000.000 пудов [1]). Правда, хлеб шел в Ростов по Медведице не только из западной части саратовской губер-

[1]) „Земледельческая газета", 1847 г., стр. 582.

нии, но и из широкой полосы захватывавшей в некоторые годы районы, непосредственно примыкающие к Волге. А в случае неурожая на Дону, хлеб и до возникновения сплава по Медведице и Хопру привозился к пристаням камышинского и царицынского уезда и волоком переправлялся отсюда на Дон. Об этой торговле есть упоминание в одном из дел тридцатых годов. „В случае неурожая хлеба в здешнем крае,—писал уездный предводитель, камышинский и царицынский,—край снабжался оным из верховых урожайных губерний, из которых в большом количестве доставлялся на посудах по Волге к пристаням городов Камышина, Царыцина и посада Дубовки... Ныне же, хотя доставлялся по Волге на судах хлеб в большом количестве из верховых губерний, но из вышеозначенных пристаней значительный выпуск был на Дон и другие места, так что здешнего края жители не успевали приобретать для себя по перекупу донскими и иными перекупщиками“ [1]).

Не только Волга была, таким образом, торговым путем для сбыта саратовского хлеба. Край имел еще и другой торговый путь, соединявший его с Азовским морем и открывавший для саратовского зерна заграничные рынки. Эта связь с Азовским морем и Доном имела огромное значение для вотчинного хозяйства саратовского края. Мы видели во второй главе, что районом наибольшего распространения помещичьих земель были уезды: аткарский, балашовский, сердобский и петровский. Здесь находилось 62% всех помещичьих земель и здесь же находились качественно лучшие помещичьи угодья, ибо как раз этот район обладает самыми плодородными в крае почвами. Если отрезать эти уезды от губернии, то остается (за исключением совершенно своеобразного в крае, лесистого, промыслового кузнецкого уезда) как раз лишь приволжская полоса с 1/3 всех вотчинных земель. Следовательно, саратовские вотчины были не столько волжскими, сколько медведицко-хоперскими и важнейшую роль для них играли именно донские торговые пути. Для этих связей западной части саратовского края с Доном в высшей степени интересно отметить, что один из важнейших пунктов внутренней торговли саратовско-донского юго-востока лежал почти на границе между саратовской губернией и областью войска донского. Мы имеем в виду ярмарку (Покровскую) в Урюпинской станице (близ воронежской и саратовской губерний). „Урюпинская ярмарка, по большому стечению из разных мест купечества, по количеству товаров и цене их, приближалась к

[1]) Архив саратовского губернского дворянского собрания. Дела по личной части губернского предводителя дворянства, 1833 г., № 5.

первейшим русским ярмаркам [1])“. На Урюпинскую ярмарку привозилось товаров в 1858 году на 8575 тыс. рублей, в 1859 году на 8582 тыс. рублей, в 1860 году на 9308 тыс. рублей, а цена продажных товаров составляла в те же годы от 4,9 до 6,9 миллионов рублей [2]). Впродолжение ярмарки, начинавшейся 15 сентября и оканчивавшейся после 10 октября, привозилось до 6000 возов хлеба. Она превосходила в несколько раз по оборотам все другие ярмарки края.

Обладая дешевыми торговыми путями, связанные через Волгу с астраханским, северо-кавказским и средне-волжским рынком, через реки донского бассейна с заграничными рынками, и сухопутно с тамбовскими рынками [3]) и с пензенскими винокуренными заводами, обслуживая в то же время местное неземледельческое население, составлявшее по данным губернаторского отчета за 1853 г. 113.000 из 768.000, т. е. около 14% общего числа жителей, вотчины саратовского края могли превращаться и, как мы увидим ниже, действительно превращались в крепостные предприятия с соответствующей организацией хозяйства.

У нас нет, к сожалению, данных о хлебных ценах в крае за сколько нибудь продолжительный срок. Но связанные с азовскими портами, саратовские рынки должны были находиться под влиянием портовых цен. А эти цены известны из многократно цитированного в современной русской литературе этюда Веселовского, цифры которого были дополнены Тенгоборгским. Эти цифры относятся, как раз, ко второй четверти XIX века. Не воспроизводя их снова, мы укажем только на общий вывод из них. „В наших портовых городах, писал Тенгоборгский, впродолжение 27 лет с 1824 года по 1851, средняя цена четверти пшеницы увеличилась на 2 руб. 18 коп. или 50 процентов, а ржи на 1 руб. 30 коп. или на 42 процента“.

Существовал рынок, расширившийся в тридцатые годы с открытием новых возможностей речного транспорта, и коньюнктура на этом рынке была благоприятна. Вотчинному хозяйству надлежало только найти наилучшую организацию, чтобы использовать ее.

---

[1]) „Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба“, Земля войска донского, сост. Н. Краснов, СПБ. 1863. стр. 372.

[2]) Там же, стр. 391.

[3]) „Нельзя умолчать,—писал А. Леопольдов в описании торговли саратовской губернии,—о двух селениях: Елани в аткарском уезде и Бекове в сердобском, где торговля хлебом производится довольно значительная. Оттуда хлеб идет на Моршанскую пристань“. Вообще же он замечает относительно торговли губернии в начале 40-ых годов. „Вывозится хлеба, за исключением оставшегося на продовольствие, полагаю примерно около 200 судов различной величины, кроме путевых огромных транспортов, каждогодно“. Журнал министерства государственных имуществ, 1842, III, стр. 22 (смеси).

§ 2.

К морфологии крепостных вотчин.

Нам кое что известно теперь о дореформенном помещике, об его вотчине в саратовском крае и о тех условиях, в которых она развивалась и жила. Но мы рассматривали пока крепостную деревню преимущественно лишь с внешней стороны. Попытаемся теперь проникнуть постепенно еще и внутрь вотчинной организации.

Мы, кажется, сделаем этот шаг наиболее целесообразно, если остановимся сперва на тех понятиях, которые помогут нам затем уяснить различные типы вотчинной организации с хозяйственной точки зрения. В западной литературе и в нашей,—мы назовем хотя бы только имена Г. Кнаппа, Д. М. Петрушевского и П. Б. Струве,--вопрос о типах вотчинной организации был разработан очень тщательно и глубоко. Но одну сторону вопроса мы считаем не лишним подчеркнуть сильнее, чем это сделано было до сих пор.

Прежде всего необходимо условиться о том, что означают два экономических понятия, которыми мы будем оперировать в дальнейшем. Это самые обычные понятия— „хозяйства“ и „предприятия“. Хозяйство есть телеологическое единство, т. е. единство, образующееся не стихийно, а сознательно ради достижения некоторой цели. Дабы оно существовало, как таковое, необходима возглавляющая его воля, использующая его средства и направляющая деятельность, входящих в состав его, людей. Само собою разумеется при этом, что хозяйство есть единство *экономической деятельности*, т. е. что цель его заключается в приобретении хозяйственных ценностей. Если нет воли, возглавляющей, дающей план и указывающей способ его выполнения, то нет и хозяйства. [1]) Под это понятие, определяемое здесь так, как предлагает это делать П. Б. Струве, несомненно, подходит „домашнее хозяйство“ Бюхеровской классификации (т. е. натуральное хозяйство, Л. Ю), но совершенно не подходит ни городское хозяйство этой классификации, ни „народное хозяйство“ в обычном и в шмоллеровско-бюхеровском специфически-историческом смысле слова. „Народное хозяйство“ характеризуется именно отсутствием единства. Его можно назвать „псевдохозяйством“,. ибо оно есть ли-

---

[1]) Хозяйство есть „суб'ективное телеологическое единство рациональной хозяйственной деятельности или хозяйствования“. П. Б. Струве, „Хозяйство и цена“, ч. I, 1913, стр. 5.

шенная телеологического единства, стихийно слагающаяся, система отношений между хозяйствами“ [1]).

Другое понятие, содержание которого нам необходимо установить, есть понятие „предприятия“. В самом общем смысле оно об‘емлет не одни только экономические явления. Но мы имеем, конечно, в виду не это широкое, а исключительно хозяйственное значение слова. Всякое предприятие, в нашем более узком смысле, есть хозяйство. Но не всякое хозяйство есть предприятие. „Предприятие в хозяйственном смысле, пишет Густав Шмоллер,—возникает тогда, когда люди,—отдельные лица, семьи, или какие либо коллективы,—начинают регулярно работать на рынок, поставляя ему услуги или товары, когда труд и капитал затрачивается затем, чтобы путем купли и продажи получить барышь и жить за счет этого барыша“. Торговля дает обычно толчек к превращению хозяйства в предприятие и весь стиль хозяйственной жизни претерпевает тогда глубочайшие изменения. „Мысль направлена была раньше лишь на домашнее хозяйство, на приобретение запасов для собственного потребления, на их переработку для удовлетворения собственных потребностей; теперь она выходит за эти пределы. Человек хочет приобретать, добывать, закупать или производить, чтобы доставлять товары на чужие рынки и получать прибыль. Для этого необходимо знать свет и людей, для этого нужно уметь рисковать и рассчитывать“. В этом именно смысле мы и будем говорить о „предприятии“.

Если мы подойдем теперь к реальным условиям крепостной вотчинной организации с приведенным определением *„хозяйства“*, позаимствованным из арсенала теоретической экономики, мы испытаем сразу же значительные затруднения и убедимся в том, что действительность плохо укладывается в те рамки, которые только что были очерчены. Это не значит, что приведенное определение следует совершенно отвергнуть, но это несомненно означает, что оно недостаточно для разрешения стоящих перед нами задач. Чтобы убедиться в этом мы возьмем обычные условия вотчинного хозяйствования, а для того, чтобы восстановить их в памяти мы приведем очень общее описание крепостного хозяйства, составленное в 1845 г., саратовским губернским предводителем дворянства,—описание, впрочем, довольно банальное и только в некоторых пунктах отличающееся от множества общих характеристик крепостных отношений в литературе XУIII и XIX века. Это был ответ на запрос по-

---

[1]) Там же.

дольского губернского предводителя графа Пржездзецкого. „Помещики в саратовской губернии,—так начиналось письмо саратовского предводителя от 19 июня 1845 г., -имеют двоякое распоряжение в хозяйстве: у одних крестьяне на оброке платят с тягла разнообразно, смотря по местным выгодам от 60 и до 80 руб. ассиг.: им за это отдается вся пашенная и усадебная земля, луга и дрова для отопления кроме строевого леса, где оный есть; а у других крестьяне работают на пашне три дня в неделю на помещика, исключая праздничные дни. Количество обрабатываемой земли на господина также разнообразно: где мало земли—там меньше, и тут земля удобряется, а у кого много земель, там больше и без удобрения, но последняя метода весьма ошибочна для рассчетливого хозяина и она служит только к обременению крестьян, а не к существенным выгодам, ибо в большом количестве посеянный хлеб никогда нельзя убрать своевременно и тогда крайность заставляет по воскресным и праздничным дням убирать хлеб так называемыми помочьми, или гвайтами. Эту меру многие находят не совсем правильною и даже предосудительною для дворянства, где она употребляется, ибо крестьяне вместо того, чтобы в праздничный день итти по долгу христианскому в храм Господний помолиться Богу, приглашаются на помочь и они после шестидневных трудов лишаются тем необходимого им отдыха; к тому же присоединяется и другое весьма важное обстоятельство: обыкновенно после помочи делается угощение народу вином и пивом; народ, несмотря на пол и возраст, упивается, предается разврату, распутству. Многие, однакож, помещики, которые производят засевы не по числу работников, в рабочую пору в помощь своим крестьянам нанимают для уборки хлеба вольных жнецов.—Крестьяне в зимнюю пору занимаются молотьбою хлеба и перевозкою его; но там, у кого есть молотильные машины, женщины на молотьбу вовсе не употребляются, по крайней мере, так введено в некоторых имениях, и женщины прядут оброк посконный или льняной; им раздается господская конопля, посконь и лен и они весною отдают уже выбеленными холстами. За все те работы крестьяне на тягле наделяются господскою землей, смотря по возможности: где $2^1/_2$, а где и 3 и даже более десятинами пахотной земли, лугами, усадебной землей и дровами. Сверх сего наделения под собственный их посев во многих селениях крестьяне имеют отдельно для общественной запашки в общую свою пользу на 100 душ от 5 и даже до 10 десятин в поле. У некоторых помещиков есть еще обыкновение собирать с тягла разные припасы для стола,

но это слишком мелочно и крестьянам причиняет большое неудобство. При показанном наделении всякий тягловой крестьянин обязан у себя иметь: двух рабочих лошадей на тягло, две коровы и от 5 до 10 овец“ [1]).

В этом описании есть доза административного лицемерия и желания представить польскому предводителю западной губернии положение дела на восточной окраине в несколько прикрашенном виде; удобрение земель составляло в саратовской губернии исключение; размышление о сборах припасов несколько затушевывали действительное значение этих доходов для большей части помещиков. Но эти обстоятельства нас здесь не интересуют. Мы оставим пока в стороне те местные особенности края, которые указаны в письме саратовского предводителя. Для нас важно пока лишь то, что в цитированном документе дано обычное описание наиболее распространенных типов вотчинного хозяйства.

Хозяйство есть телеологическое единство и с этим критерием мы должны подойти к полученному материалу. Является ли прежде всего хозяйством вотчина, владелец которой ограничивает свою организационную деятельность тем, что устанавливает размеры оброка и назначает приказчика для сбора платежей? Или хозяйствами являются только крестьянские дворы с их пашнями, лугами, выгонами и проч? Мы полагаем, что хозяйством является и то и другое. Самый факт владения землей и людьми, возможность распоряжения ими, распределение между крепостными основного орудия производства—земли, взыскание с них оброка,—все это образует из вотчины некоторое целевое единство, содержание которого, правда, далеко не исчерпывает совершающейся в вотчине хозяйственной деятельности, но все же обнимает довольно существенные моменты ее жизни. Сельско-хозяйственное производство сосредоточено в иных единствах—в хозяйствах крепостных крестьян. Но эти мелкие единства об‘емлются более крупной, притом отнюдь не только административной, но и хозяйственной организацией. Возьмем случай, представляющий стилизованное изображение весьма распростроненного явления; помещик взимает с крепостных оброк, крепостные добывают средства в отхожих промыслах, сельско-хозяйственной деятельности в вотчине почти что нет. Крестьянских хозяйств здесь не существует. Но какая то хозяйственная организация, какое то хозяйственное единство в пределах вотчины все ж таки есть: это—вотчина в целом, как таковая. Если же мы возьмем не этот крайний случай, а пример более обычный и

[1]) Архив саратовского губернского дворянского собрания. Дела по личной части губернского предводителя дворянства, 1845, № 31—33.

и единственный встречающийся в условиях саратовского края, то мы должны будем усмотреть в вотчине не одно только хозяйственное единство с помещиком во главе, но и не одни только единства крестьянских хозяйств, а то и другое вместе. Нам не поможет тут понятие „производства“, или „заведения (Betrieb), как технического единства—понятие, введение которого сыграло значительную роль в деле более правильной классификации и более точного учета хозяйственных явлений. Мы имеем в вотчине не одно хозяйство, основанное на множестве „производств“, а сложное сплетение хозяйственных единств различного рода.

При барщинной системе существование единства вотчинного хозяйства еще более несомненно. Оно об‘емлет самое сельско-хозяйственное производство. Но оно об‘емлет его не целиком. Крестьянские дни идут на обработку крестьянских земель и как бы ни был строг помещичий надзор, лишь в некоторых случаях (см. примеры у Гакстгаузена, у Струве) крестьянские хозяйства утрачивают всякую самостоятельность и превращаются в чисто технические единства. В большинстве барщинных вотчин мы имеем, и помещичье „хозяйство“, и крестьянские „хозяйства“ в сложном сплетении друг с другом.

Лишь в том случае, если вотчинник обезземелил своих крестьян и превратил их в сельско-хозяйственных батраков, т. е., по дореформенной терминологии, в месячников, пополучавших только харчи или сверх них еще и заработную плату, лишь в этом случае мы имеем одно и притом простое единство вотчинного хозяйствования, подходящее вполне под наши обычные определения.

Но наша задача заключается не в том, чтобы показать, что в одном случае мы имеем на территории вотчины одно хозяйственное единство, а в другом случае мы имеем их несколько, причем они являются единствами различного вида. Важно установить, что мы встречаемся здесь с организацией совершенно особого типа. Вотчинное хозяйство, оброчное или барщинное, есть единство, но самое это единство существует лишь постольку, поскольку существуют в основе его иные единства крестьянских хозяйств. Мы имеем некоторую иерархию: хозяйство из хозяйств, единство из единств,—образование своеобразное, которое должно быть осознано, как таковое.

Такое хозяйство, состоящее из других хозяйств, мы назовем сложным (комплексным) хозяйством. Оно тоже есть телеологическое единство, но оно построено вместе с тем из других единств и поэтому не все содержание совершающейся в нем хозяйственной деятельности направляется еди-

ной волей к единой цели. Таким комплексным хозяйством является не только оброчная и барщинная вотчина, им является, например, и крестьянская передельная община; ибо она есть телеологическсе единство хозяйственной деятельности (распределение земель), построенное на множестве других почти вполне самостоятельных единств [1]).

Вотчина для нас всегда является хозяйством. Но лишь иногда она образует предприятие. При оброчной системе помещик не предприниматель; он собирает свой оброк и это составляет главный предмет его деятельности. Он обычно не является предпринимателем и при соединении оброка с барщиной, т. е. при оброчно-барщинной системе. Но барщинная система в чистом виде образует уже основу для развития вотчины—предприятия. Следует, однако, иметь в виду, что существование барщинной системы само по себе еще ничего не говорит о том, был ли помещик предпринимателем или нет. Барщинное хозяйство могло стоять далеко от рынка и вестись очень рутинно. Лишь тогда, когда помещик искал новых путей внутри своего хозяйства и вне его, когда он считал и действительно приспособлял организацию своей вотчины к требованиям рынка, только тогда он превращал свою вотчину в предприятие. Мы можем быть уверены в том, что он делал это, когда он переходил от барщины к месячине. И вотчинник, во всяком случае, становился предпринимателем, когда он закупал на юге или на юго-востоке плодородные земли, свозил туда крестьян из своих прежних деревень, приобретал даже крепостных со специальной целью поселить новые деревни и создать новые вотчины и иной раз делал это лишь с тем, чтобы перепродать их вскоре с барышом. Ибо для всего этого нужен был,—говоря словами Шмоллера,—если и не ,.wagender Mut", то „rechnender Verstand".

Мы встречаем пять систем использования крепостного труда:

1) натурально-оброчную,
2) денежно-оброчную,
3) оброчно-барщинную,
4) барщинную,
5) месячину.

При первых 4 системах мы имеем вотчину в качестве сложного (комплексного) хозяйства и лишь при пятой системе—в качестве хозяйства простого.

---

[1]) Те же замечания могут быть высказаны и относительно некоторых организационных форм в промышленности обрабатывающей. Сложным (комплексным) хозяйством является, например, синдикат.

Сам вотчинник при первых двух системах является лишь рентьером. При третьей он начинает становиться хозяином—организатором производства. При четвертой он становиться уже часто предпринимателем и он всегда является предпринимателем при пятой системе. Вне этой схемы, наконец, стоит вотчина, как колонизационное предприятие.

---

§ 3.

Вотчинная колонизация.

Одним из типов вотчинного предпринимательства было колонизационное предприятие. У нас мало материалов о нем. Но мы тем не менее должны остановиться и на этом виде дворянского хозяйствования, потому что оно играло в нашем крае выдающуюся роль.

В русской литературе существует классическое описание техники крепостного переселенческого дела и, хотя это описание общеизвестно, мы все же воспроизводим его здесь, с тем большим основанием, что речь идет в нем о местах очень близких к заволжской части саратовского края: о бугурусланском уезде нынешней самарской губ., а в первой половине XIX века тогдашнего уфимского наместничества. Техника была здесь несомненно такою же, как и в более южной и более западной части поволжья.

В заволжье помещиком куплена была земля. „В ту же осень двадцать тягол отправились (из симбирской губ.) в бугурусланский уезд, взяв с собою сохи, бороны и семенной ржи: на любом месте взодрали они девственную почву, обработали двадцать десятин озимого посева, т. е. переломали непаренный залог и посеяли рожь под борону; потом подняли нови еще двадцать десятин для ярового сева, поставили несколько изб и воротились на зиму домой. В конце зимы другие двадцать человек отправились туда же и с наступившей весной посеяли двадцать десятин ярового хлеба, загородили плетьми дворы и хлевы, сбили глину и опять воротились в симбирскую губ.; но это не были крестьяне назначаемые к переведу; те оставались дома и готовились к переходу на новые места: продавали лишний скот, хлеб, дворы, избы, всякую лишнюю рухлядь. Наконец, в половине июля, чтобы поспеть к Петрову дню, началу сенокоса, нагрузив телеги женами, детьми, стариками и старухами, прикрыв их согнутыми лубьями от дождя и солнца, нагромоздив необходимую домашнюю посуду, насажав дворовую птицу на верхи возов и привязав к ним коров, потянулись

в путь бедные переселенцы, обливаясь горькими слезами, навсегда прощаясь со стариною. Переселение, тяжкое везде, особенно противно русскому человеку“. Но 400 верст, наконец, пройдены и крестьяне на новых местах. „Урожай был неслыханный, баснословный. Крестьяне ободрились. К ноябрю месяцу у всех были построены избы, и даже поспел небольшой господский флигель. На следующий год уже не так трудно было перевести еше сорок душ и обзавести их хозяйством“ [1]).

Так в общем совершалось упорядоченное переселение и в пределах саратовского края.

К сожалению, наши материалы гораздо чаще описывают отклонения от нормы, чем нормальное течение жизни. Но, поскольку они позволяют уловить и обычный порядок вещей, дело всюду происходило приблизительно так же, как в уфимской вотчине Степана Михайловича Багрова. Сперва небольшая партия крестьян отправлялась на новые места, строила избы и поднимала новь. Затем, из той же деревни, а иногда из нескольких деревень туда тянулись другие переселенцы. Участники первой партии иной раз бывали только строителями новой колонии, хотя гораздо чаще они и сами оставались в ней. В одном из документов 1848 г. сохранилось описание незаконченного колонизационного предприятия, в котором новая деревня не приобрела еще, повидимому, вполне оседлого населения [2]).

В начале 40 годов кн. Мышецкая купила у графинь Толстых 98 рев. душ в дер. М.-Караваевке вольского уезда. „Крестьяне эти,—по ее словам,—прежними владельцами доведены были до крайней нищеты, так что во всей деревне было только две коровы и пять лошадей всего скота, а хлеба ни куска; переселиться же на новые места они не имели никакой возможности, а при малом количестве земли никогда не могли оправиться“. Новая помещица решила устроить переселение в новоузенский уезд, где у нее были свободные земли.

Саратовскому и новоузенскому уездному предводителю дворянства пришлось впоследствие осмотреть участок кн. Мышецкой в новоузенском уезде и он нашел, „что поселение состоит из выстроенных в течение трех лет восьми обширных изб из красного леса с надворными земляными строениями, в которых кн. Мышецкая помещает до 30 душ крестьян из села и деревни Караваевки вольского у., из коих постоянно три года остаются некоторые, занимающие

---

[1]) С. Т. Аксаков, „Семейная хроника“, изд. университетск. библ., стр. 14, 15.

[2]) Архив саратовского губернского дворянского собрания. Дела по личной части губернского предводителя дворянства, 1848 г., № 57/56/49.

обязанности старосты, ключника, плугарей, а пастухи и рабочие крестьяне по усмотрению помещицы переменяются и сообразно степени урожая прибавляются, или убавляются“. Крестьяне получали на каждого рабочего 2 пуда пшеницы в месяц. В 1848 г. сделан был первый засев по 4 дес. на тягло, но вследствие неурожая пришлось продолжать выдачу месячины. На каждый из восьми дворов было „в довольном количестве скота, принадлежащего крестьянам, как-то коров, овец и свиней; лошадей же имели достаточное количество для обработки полей и при убыли оных кн. Мышецкая неоднократно пополняла покупкой на свои деньги и для приобретения одежды крестьяне в зимнее время отпускались на посторонние заработки“. Участок в новоузенском у. в том виде, в каком он здесь описан, был лишь зародышем новой колонии, т. к. помещицей не было, повидимому, даже решено, кто составит постоянное его население.

Три момента привлекают внимание в переселенческом деле: нравственно-бытовой, финансовый и организационный. „Переселение тяжкое везде особенно противно русскому народу“, писал С. Т. Аксаков. Может быть, последняя часть суждения и не верна, но вынужденное переселение по общему правилу бывало очень трудным и об этом свидетельствует уже то, что крестьяне оказывали не раз сопротивление и не соглашались переходить на новые места. Такие случаи упоминаются и в саратовских документах. Однако, на этом бытовом моменте мы не станем останавливаться здесь, т. к. нас больше интересует хозяйственная сторона явления.

В этом отношении важно прежде всего то, что переселение требовало известных средств, которые должен был предоставить помещик. Крестьяне кн. Мышецкой собрали урожай лишь на третий год, да и то вследствие недорода помещице пришлось продолжать уплату месячины. Старик Багров был распорядительней, но и ему пришлось содержать в течение некоторого времени крестьян, устраивавших заволжскую вотчину. Колонизационное предприятие нужно было финансировать, и хотя мы не знаем, насколько оно было дорогим, но оно во всяком случае требовало затраты капитала на „первоначальное оборудование“.

Кроме того, колонизационное предприятие нужно было организовывать. Организатором был помещик. Его вмешательство в крестьянскую жизнь становилось гораздо более действенным, чем в обычное время. Он решал, кому устраивать новое поселение, кому переезжать в него, он брал в свои руки руководство и надзор в таких хозяйственных делах, которые даже в условиях барщинного хозяйства разре-

шались обычно вполне самостоятельно крестьянами. „Неусыпно и неослабно,—писал Аксаков,—смотрел дедушка за крестьянскими и господскими работами“. А у кн. Мышецкой крестьяне в новоузенском уезде превратились на время в невольников, состоящих на месячине.

Переселение усиливало гнет крепостного права даже тогда, когда оно совершалось в хороших условиях. Но не всегда переселение велось упорядочено, что вполне признавала в дореформенное время и центральная власть. Оффициальное письмо м. в. д. ст. секр. Блудова к сар. губ. предводителю дворянства от 2 декабря 1832 г., освещающее отношение правительства к переселенческому делу, любопытно вместе с тем и в качестве политического документа николаевской эпохи.

„Министерству В. Д.—писал ст.-секр. Блудов,—сделались известны несколько случаев, показывающих, что некоторые помещики или, вероятнее, поверенные их, при переселении крестьян из одной губернии в другую, иногда по безпечности или незнанию принимают весьма недостаточные меры для прочного и безбедного их водворения на новых местах, иногда же и отправляют их не в надлежащую пору года и без надлежащих средств для совершения переезда; от сего крестьяне разоряются, между ними возникает ропот, и сами помещики вместо ожидаемых от переселения выгод терпят убытки.

„Хотя случаи сии столь редки, что можно даже указать на все лица, допустившие такой беспорядок, но правительство, постоянно пекущееся о соглашении пользы помещиков с пользами подвластных им поселян, должно желать, чтобы на будущее время эти беспорядки были своевременно предупреждаемы.

„Впрочем, Вы, М. Г., конечно и всегда не оставите давать чувствовать, что правительство не имеет и не может иметь в виду стеснять распоряжение и власть помещиков в переселении крестьян, которое почти всегда приносит более еще выгоды крестьянам, нежели владельцам их, а только предупредить вредные последствия беспечности их поверенных или их собственной неосторожности“ [1]).

„Злоупотребления заключались в том, что помещик либо жалел средств на финансирование дела, либо не организовывал его, либо не учитывал при переселении тех или других интересов крестьян. Так в 1827 г. крестьяне помещика Бутковского жалуются, что их переселили из симбирской губ. в саратовский у., причем помещик распродал

1) Архив саратовского губернского дворянского собрания. Дела по личной части губернского предводителя дворянства, 1833 г., № 3.

на старом месте всю землю и все крестьянское имущество, включая посеянный ими хлеб, а на новом месте они живут в чужих домах и пропитание снискивают себе милостыней“ [1]). Накануне самой реформы нижегородский военный губернатор Муравьев пишет саратовскому губ. предводителю дворянства о том, что крестьяне гр. Ник. Толстого, сергачевского у., отказываются переселиться в вольский у., куда их посылает помещик. „Я предписал сергачевскому исправнику,—сообщает Муравьев,—о понуждении означенных крестьян к беспрекословному переселению в саратовскую губ., но крестьяне сии отказываются, с одной стороны, неимением никаких средств на проезд в саратовскую губ., а с другой, что ими снята у соседних жителей земля, на которой посеяли озимый и яровой хлеб, составляющий последнее их достояние, до уборки которого выехать не могут“ [2]).

В истории крепостных переселений бывали еще и другие злоупотребления. Мы не имеем в виду тех, которые совершались „без всяких хозяйственных резонов“ [3]). Но для нас интересны переселения, имевшие целью оголить землю перед самым падением крепостного права, когда выгоднее бывало сохранить ненаселенное имение, чем делиться с крестьянами землей. Общеизвестна дореформенная практика превращения крестьян в дворовых. По сравнению с нею переселение крестьян в другое имение представляло, несомненно, меньшее зло. Такой случай, совершенно ясно мотивированный, описан в одном из встретившихся нам дел. „Я желал точно дать Вам волю, но без всякого выкупа,— писал помещик В. Суков своим крестьянам в 1858 г.,—с тем, чтобы продать землю, но так как я узнал, что крестьян нельзя отпускать без земли, то я решил так: продать землю в Саратове, а вас перевести в Крым; для этого вы должны продать все ваше имущество и на вырученные деньги отправиться в путь сюда, а здесь я вам помогу на первое время завестись хозяйством“ [4]). Письмо попало в руки саратовского губернского предводителя дворянства и уездному предводителю поручено было обратить внимание на переселение крестьян. Чем кончилось дело, неизвестно.

Повидимому, такими злоупотреблениями и вызван был указ в 1859 г. о специальном надзоре за переселенческими предприятиями помещиков, разрешавший переселения не

---

[1]) Архив саратовского губернского дворянского собрания. Дела по личной части губернского предводителя дворянства, 1827 г., № 49.

[2]) Архив саратовского губернского дворянского собрания. Дела по личной части губернского предводителя дворянства, 1860 г., № 47.

[3]) А. Романович-Словатинский, „Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права“, 2 изд., Киев 1912, стр. 339—340.

[4]) Архив саратовского губернского дворянского собрания. Дела по личной части губернского предводителя дворянства, 1858 г., № 63.

иначе, как „по удостоверению, что в том месте, куда владелец намерен перевести крестьян, приготовлено необходимое для них помещение, все нужное для водворения и надлежащее количество хлеба на посев и на продовольствие“. Любопытно, что и помещики, и уездная администрация очень жаловались на этот надзор и находили его крайне стеснительным.

Но, как бы часты и существенны ни были злоупотребления, нельзя присоединиться к тому выводу о колонизационой политике дореформенного времени, который сделал в свое время известный историк русского дворянства. Упомянув о том, что Мордвинов, „вероятно из благороднейших помещиков своего времени“, хотел накупить земли в саратовской губ., чтобы переселить в нее 1000 душ из неплодородного и бездоходного имения, Романович-Словатинский продолжает: „Переселения эти во всяком случае для крестьян были бедственны: кроме нравственного горя покинуть родину и близких сердцу родных и односельцев, не малы были также и потери хозяйственные“ [1]). Мы не находим оснований для такого заключения. Действия неразумного или недобросовестного помещика могли, конечно, разорить его крепостных (и, следовательно, нанести ущерб и самому помещику). Но крепостная колонизация в целом, выведшая миллионы крестьян из центральных губерний на восток и на юг, была делом огромной государственной важности и несомненной экономической пользы. Крестьяне саратовского края были наделены большим количеством земли и лучшей землей, чем крестьяне тех губерний, из которых шла колонизационная волна [2]).

Можно было бы конечно поставить вопрос и таким образом: не существовало ли иных путей колонизовать юго-восточную окраину, кроме пути крепостного предпринимательства; или другими словами: не могло ли государство выполнить самостоятельно то, что оно возложило на помещиков. Государство действительно и само занималось колонизационным делом в дореформенное время. Но нет основания думать, что оно умело поставить его лучше, чем вотчинники. Лишь в середине XIX века правительство сумело „стройно и в общем удачно“ [3]) организовать переселение государственных крестьян, благодаря энергичной деятельности первого министра государственных имуществ гр. П. Д. Киселева. Да и то в эту лучшую пору дореформенного пе-

1) Романович-Словатинский. стр. 340.

2) Ср. Игнатович, „Помещичьи крестьяне накануне освобождения“, 2 изд., стр. 69 (таблица о количестве удобной земли на душу крепостного населения по губерниям).

3) А. А. Кауфман, „Переселение и колонизация“, С.П.Б. 1905, стр. 13.

реселения неорганизованности и связанного с нею разорения было еще очень много. Следы этих переселений сохранились в документах казенных палат. Мы просмотрели некоторые из этих документов, относящиеся к саратовской губ. Неумение найти подходящий участок, недосмотры властей при отводе земли, иногда бродяжничество и нищенство семейств, бросивших родную землю,—все это случалось довольно часто с переселенцами—казенными крестьянами. И хотя крепостной колонизации свойственны были все отрицательные стороны крепостного быта, и, может быть, даже они при колонизации были всего более чувствительны, все же возможно, что помещик часто лучше управлялся с сложной задачей, чем чиновник дореформенной канцелярии.

Но если качественная сторона вопроса и остается неясной, то количественная сторона представляется гораздо более определенной и совершенно противоречит тому мнению, которое А. А. Кауфман высказал в первой главе своего исследования о „Переселении и колонизации“. „Правительство,—писал он,—могло проявлять активную заботливость лишь по отношению к той части крестьянского населения, которая не была связана личною зависимостью от помещиков,—по отношению к крепостным крестьянам дело ограничивалось требованием закона (св. зак. т. IX, ст. 110), понуждавшего помещиков переселять крестьян из густо заселенных имений на свободные земли в других имениях, под угрозою, в противном случае, отобрания малоземельных крестьян в казенное ведомство,—требование и угроза, остававшиеся, повидимому, мертвой буквой“ [1]. Что касается угрозы, то она, действительно, не приводилась в исполнение. Что же касается требования, то помещики исполняли его уже в силу того, что сами они были в высшей степени заинтересованы в переселениях.

В саратовский край помещики продолжали переводить крестьян до 40-х годов XIX столетия. После этого случаи переселения происходили редко, и если происходили, то преимущественно на луговой стороне. В течение полутораста лет из года в год сюда тянулись крепостные переселенцы из соседних и из более отдаленных губерний. Иногда переводилось одновременно несколько душ, иногда несколько десятков, иногда несколько сотен крестьян. По окладным книгам часто довольно легко бывает восстановить весь процесс образования вотчины с этой внешней, статистической стороны. Переселению большой партии кре-

---

[1]) А. А. Кауфман, „Пересение и колонизация“, стр. 13.

стьян обычно предшествует водворение небольшой группы крепостных. Но и основная масса редко переселяется сразу. Когда вотчина организована, она не замыкается окончательно. Появление нескольких новых крепостных из других вотчин в населенной уже деревне весьма обычное дело.

Во второй четверти XIX столетия саратовская вотчина уже не только принимает переселенцев, но и отдает их. Прежде всего здесь необходимо упомянуть о внутреннем расселении, которое происходило в течение XVIII и XIX веков. Разросшееся селение выделяло группу крестьян для основания нового сельца либо по соседству, либо подальше, очень часто в заволжье. Логической границей между таким расселением в пределах края и переселением из своей губернии в другие конечно нет: это—однородные явления. Лишь статистически цифры этих переселений попадают в различные графы, вследствие природы тех административных нужд, ради которых такие сведения собираются. Существенно, однако, отметить то обстоятельство, что расселение происходит на все более расширяющейся территории. Чем гуще заселены ближайшие места, тем дальше приходится переводить крестьян, чтобы найти для них достаточно просторную вотчину. Сперва расселение ограничивается нагорной стороной. Затем оно переходит на луговую сторону. Еще позднее оно выходит за пределы саратовского края.

Не все крепостное население саратовского края было переведено сюда в порядке принудительной крепостной колонизации. Мы упоминали в первой главе о пожаловании населенных имений при Павле I, а также и о том, что в XVII и особенно в XVIII веках помещикам, повидимому, не раз удавалось укреплять за собой беглых крестья, сидевших уже на их земле во время пожалования или садившихся на нее позднее с разрешения вотчинников. Но все эти случаи вместе взятые не изменяют общего характера заселения дворянами своих земель. Оно было по преимуществу актом колонизационной, притом обычно предпринимательской деятельности саратовских вотчинников, сыгравшей не просто важную, а главную роль в деле заселения нагорной части края. И при оценке исторического значения дворянского землевладения и вотчинного хозяйства совершенно необходимо иметь в виду эту сторону дела. Наша литература фиксировала обычно свое внимание на социальных отношениях внутри вотчины. Это—очень важная, но не единственная проблема для историка хозяйства. И мы усвоили бы себе совершенно превратное представление о значении вотчины в эволюции русского народного хозяйства, если бы ограничили свой кругозор одной этой

проблемой. В литературе есть исследования о значении вотчинного хозяйства в деле развития сельско-хозяйственной техники и указания на его значение в деле развития кустарной промышленности. Можно найти и указания на переселенческую практику дореформенных помещиков, но от этих указаний еще далеко до правильной и полной оценки той народно-хозяйственной функции, которую помещичье хозяйство выполняло в течение дореформенного времени в области распределения населения по территории.

В литературе встречается мнение, что крепостное право иммобилизировало население. [1]) Это—совершенно ложный взгляд, поскольку он высказывается в общей форме. В пределах саратовского края мы наблюдаем, напротив, необыкновенную подвижность крепостного населения. Лишь только начинают замечаться симптомы земельной тесноты в одних уездах, тотчас же возникает эмиграционное движение, сперва в другие уезды, потом и за пределы края. Дворянство, как известно, очень цепко держалось за свое право продавать крестьян без земли или на вывоз. Как ни чужд самый институт нашему правосознанию, но об'ективная оценка его народнохозяйственного значения в эпоху крепостного права заставляет признать, что он составлял необходимую часть всей вотчинно-крепостной системы. Экономическое положение может быть было бы еще более невыносимо, если бы крестьяне были неразрывно прикреплены к данной вотчине и вывоз их в многоземельную вотчину другого помещика был невозможен.

---

§ 4.

Вотчинная администрация.

Хозяйствовать—значит сочетать личные силы и материальные средства для достижения каких либо хозяйственных целей. С саратовскими условиями и с имевшимися здесь средствами мы познакомились выше. Нам предстоит показать, как все эти элементы сплетались воедино, образуя целостный организм вотчинного хозяйства. Первый вопрос, который возникает при постановке этой проблемы, есть вопрос об управлении.

„Управление большими экономиями,—писал современник,—как при барщинном, так и при оброчном устройстве, производится здесь через управляющих, распоряжающихся

---

[1]) Писаревский, „Из истории иностранной колонизации в России в XVIII веке“, Москва 1909, стр. 28.—Арс. Ляхов, „Основные черты социальных и экономических отношений в России в эпоху императора Александра I“, Москва 1912, стр. 35.

силами имения в границах, определенных владельцами. В небольших имениях, в которых живут сами владельцы, управляющие служат только исполнителями распоряжений помещика и имеют ближайший надзор за ходом работ. В имениях мелкопоместных дворян должность управляющего исполняют приказчики или старосты из своих же крестьян“ [1]). Эта схема выдерживалась, однако, не везде. Нередко и в большой экономии распоряжался приказчик (или, что то же—бурмистр), руководствуясь письменными указаниями владельца. Но усовершенствование организации вело к тому, что во главе большой вотчины ставилось лицо с некоторыми знаниями или, по крайней мере, с достаточным опытом, лицо, принадлежавшее к тому же социальному кругу, к которому принадлежал и помещик или стоявшее, по крайней мере, в социальном отношении между помещиком и крепостным. Довольно часто такими управляющими в саратовском крае были выходцы из прибалтийских губерний.

Если хозяйство обнимало несколько вотчин, система управления становилось более сложной. Такое большое многовотчинное хозяйство представляли руднянские владения Нарышкиных. Организацию управления ими доверенный Марии Антоновны Нарышкиной описывал в 1847 году в следующих словах.

„Вся руднянская волость разделена на 4 участка: 1-й состоит из села Рудни и хуторов Терсинка, Тарапатина и Баранникова; 2-й из д. Лемешкиной, хутора Барадаева и д. Телменевой, где поселены русские крестьяне, переведенные из тульской и тверской губерний за недоимки и как неимущие; 3-й участок заключает в себе с. Ильмень и хутора Разливку, Подкуйков и Осячьки и, наконец, в 4-ом участке степные хутора Козловка и Егоровка. Каждый из участков управляется особенным управляющим, а все вместе состоят в моем заведывании и являются каждую субботу в руднянскую главную вотчинную контору, где сдают письменные ведомости о работах за истекшую неделю... И получают на следующую неделю вновь письменное назначение работам... Ежегодно управляющими участками при вотчинном бурмистре и сельских старшинах делаются тягловые назначения оброчных и барщинских крестьян, которые по окончании представляются в Главную Контору, где проверив их и рассмотрев во всей подробности они утверждаются мною и Главной Конторой отсылаются в участки к руководству“ [2]).

[1]) К. Залесский, „Сельскохозяйственная статистика саратовской губернии“, Журнал министерства государственных имуществ, 1857, IX, стр. 299.

[2]) Архив саратовского губернского дворянского собрания. Дела по личной части губернского предводителя дворянства, 1847 г., № 77.

Тут иерархия довольно сложна: во главе помещица М. А. Нарышкина (жившая в Одессе), ниже главноуправляющий и при нем Главная Контора, затем 4 управителя по 4 участкам, наконец бурмистры и старосты. Может быть число бурмистров было больше, чем число управляющих и соответствовало не числу участков, а числу сел и деревень, иначе трудно себе представить, какое место они занимали между управляющими и старшинами. Старшины (в других местах старосты) имели непосредственное наблюдение за выполнением нарядов и работ и несли, кроме того, полицейские функции. Это была чисто крестьянская и по общему правилу выборная должность.

Обычно должность старосты не была еще последней в иерархии вотчинного управления. Староста имел помощников, которые назывались добросудными, стариками или еще как—нибудь иначе. Генерал-майор Рылеев постоянно упоминает в своих письмах приказчикам о добросудных мужиках [1]). У Н. А. Львова село Бобылевка находилось „под непосредственным управлением бурмистра, старосты и избранных из среды крестьян 8 человек квартальных. Бурмистр, по описанию помещика [2]), наблюдает за общим порядком и точным исполнением приказаний барина, под ведением его состоит хлебопашество, продажа господского хлеба, присмотр за овцеводством и продажа шпанской шерсти и проч. Он обязан ежемесячно отдавать отчет в своих действиях помещику и требовать разрешения на те предметы, на какие он приказаний не получал. Староста имеет надзор за поведением и нравственностью оброчных крестьян, наблюдая при том, чтобы их поля были хорошо обработаны и своевременно засеяны. Ему же в обязанность вменяется удерживать крестьян от пьянства, а таковых, которые по ленности и нерадению приходят в упадок и в платеже оброка будут несостоятельны, без дела на базар не отпускать и, не доводя их до совершенного разорения, заблаговременно обращать на господское хлебопашество. Сверх сего старосте поручена мирская общественная запашка, за коей он имеет особенный надзор, как за продажею яровых хлебов, так и за обработкою полей. Квартальные суть исполнители приказаний помещика и находятся под

---

[1]) Архив саратовского губернского дворянского собрания. Дела по личной части губернского предводителя дворянства, 1831 г., № 43.—Очень любопытно отметить, что слово „добросудные“ является почти буквальным переводом латинского „viri boni et justi“, обозначения, встречающегося в средневековых поместьях на Западе.

[2]) „Материалы по крепостному праву“, изд. Сар. Губ. Уч. Арх. Ком., 1911, послеядняя часть, стр. 13.

ведомством вотчинного начальника, избираются на один год, по истечении коего на место их избираются другие".

Наиболее сложную административную организацию можно представить в следующем схематическом виде:

1. Помещик.
2. Главноуправляющий (при нем Главная Контора).
3. Управляющие (при них вотчинные конторы),
4. Бурмистры (или приказчики).
5. Старосты (или старшины).
6. Добросудные, квартальные, старики и т. п.

Такую сложную организацию мы встретили бы только в самых больших вотчинных хозяйствах. Чем мельче было хозяйство, тем больше выпадало звеньев, и вместе с тем и ветвей, начиная с верху: ибо мы всюду найдем шестое и пятое звено, почти всюду четвертое, довольно часто встретим в большой экономии третье, и очень редко—второе.

---

§ 5.

Оброк и барщинное хозяйство.

Ближайшей задачей всего административного аппарата была организация крепостного труда. Мы познакомились уже выше с типами этой организации. Крестьяне могли состоять на оброке, на барщине, на смешанных повинностях или на месячине. Основными формами были оброчная и барщинная. С них мы и начнем.

У нас нет сведений о том, сколько крестьян находилось на оброке и сколько их было на барщине в конце XVIII века. Генеральное межевание растянулось в саратовской губернии на несколько десятков лет и уже по одному этому мы не в состоянии получить для нижневолжских вотчин те данные, которые В. Семевский разработал для ряда других губерний по „экономическим примечаниям". Но, кроме того, самые „экономические примечания" к генеральному межеванию, просмотренные нами, не дают материала, который мог бы быть подвергнут действительно надежной статистической обработке. В одних описаниях отсутствуют всякие указания на то, как эксплоатировался крепостной труд. В других—характеристики неопределенны: что можно, например, заключить из слов „часть крестьян на пашне, а часть на оброке". В третьих сведения сомнительны: если в деревне имеется несколько десятков помещиков, то трудно поверить, что у всех без исключения установлен был один и тот же порядок. Мы должны были поэтому отказаться от попытки

получить сколько нибудь точные данные для конца XVIII или начала XIX века.

И тем не менее вопрос совершенно ясно разрешается относительно саратовской губернии, ибо мы имеем достаточное количество показаний о тех изменениях, которые происходили в организации хозяйства в течение последних десятилетий перед реформой. Такие сведения дают нам архивы Дворянского Собрания и описания селений земской подворной переписи, при которой велись записи о том, где крестьяне состояли раньше на барщине и где на оброке, а в некоторых случаях отмечался также переход от барщины к оброку или обратно. Такой материал нельзя подвергать правильной статистической обработке и тем не менее он может обладать нисколько не меньшей убедительностью, чем сплошной материал статистической переписи.

Очень значительное число дел свидетельствует о переходе к барщине от оброка. Иной раз этот переход происходит постепенно, иной раз он совершается сразу. Но все дела говорят о нем, как о явлении обычном, как бы соответствующем „естественному“ ходу вещей. Иногда введению барщины предшествовало повышение оброка. Иногда барщинные работы вводились сперва для группы штрафных, в качестве исправительного средства, а затем удачный опыт обобщался и барщина становилась единственной системой в вотчине, или даже в нескольких вотчинах землевладельца. В жалобах, которые мы рассмотрим в следующей главе, крестьяне неоднократно сетуют на обременительность *вновь заведенных* барщинных работ.

В одном из дел, часть которого мы воспроизводим ниже дословно, содержится любопытная история крестьян с. Сокур саратовского уезда и их судьба во многих существенных чертах едва ли отличалась от судьбы их соседей. Крестьяне пришли в саратовскую губернию из харьковской в царствование Елизаветы Петровны; они были вызваны „в соляные вощики для вывоза с Елтонского озера соли, поставляемой в саратовские луговые магазейны, в которые и поставляли во всякой исправности лет до сорока и более,.. и напоследок переселены были в нагорную сторону, по случаю зимнего времени“. Позднее „вступился на ту землю... князь Алексей Дмитриевич Голицын в том якобы пожалованная она ему была для ловления зверей и птиц“... Это произошло, повидимому, в последнюю четверть XVIII века, при Екатерине II. Князь А. Д. Голицын стал „притеснять (крестьян) во всех лесных угодьях и земле“, а они „будучи без опыту знания законов, согласились ему платить, положенный от него оброк, с каждого двора по 50 к.—

с рабочей скотины, как с вола, равно с лошади, по 20 к.— следовательно и выходило по 90 к.", это было по тому времени „сходно", и посему крестьяне „не хотели заводить никакого процесса".—После смерти князя А. Д. Голицына имение перешло к его сыну конной гвардии вахмистру Николаю Алексеевичу Голицыну „и платили ему положенный оброк по 6 р. с каждой ревизской души". Это составляло около 15 р. с тягла и не было уже „сходно", но „еще было сносно". Новый оброк назначен был, повидимому, на рубеже XIX века, может быть при Павле. Затем оброк был еще более повышен и стал, по словам крестьян, „несоразмерным": в начале царствования Александра I-го они должны были платить с каждой ревизской души с податьми 50 р. (наверное ассигнациями), а за исключением податей, составлявших на ревизскую душу не более 5 р. ассиг.,— 45 р., или около 110—115 р. с тягла, что действительно было очень много, и эта цифра наводит даже на сомнения. Однако и этот оброк был фактически несколько повышен после 1810 года, „ибо взыскивают с нас,—писали крестьяне,—и за умерших и отданных в военную службу" (вероятно до следующей ревизии). Наконец, около 1827 года в имении заведена была барщина, причем каждые 100 душ должны были обрабатывать 19 десятин; крестьяне разделены были на две группы—оброчных и барщинных, первые продолжали платить прежний оброк, вторые обрабатывали в двух полях 4 дес. на тягло [1]).

Эта эволюция типична. Нам пришлось бы повторить сказанное почти в тех же словах, если бы мы стали воспроизводить содержание других аналогичных дел. Конечно случаи перехода от оброка к барщине были тягостны для крестьян и возбуждали жалобы, сохранившиеся в делах, между тем как обратные случаи перехода от барщины к оброку нигде не регистрировались, потому что не подавали повода к какому либо делопроизводству. И можно было бы поэтому поставить вопрос, не является ли наш материал несколько случайным. Но прежде всего случаи перехода к оброку не могли быть часты уже по одному тому, что накануне реформы мы встречаем в саратовском крае очень ограниченное число оброчных крестьян. А затем в материалах земских подворных переписей мы находим прямое подтверждение одностороннего характера этой эволюции,—от вотчинного обложения к вотчинному хозяйству. Больше всего в это время собрано было сведений по балашовскому уезду.

[1]) Архив губернского дворянского собрания, 1827 г., № 117.

Возьмем сперва на выдержку несколько примеров:

Д. Львовка (Нарышкиных).—Перед волей 263 рев. душ.— Крестьяне жили раньше в другой деревне того же уезда, но лет за сорок до реформы переведены в Львовку за недоимки и поставлены здесь на месте „ссылки" на барщину; устроена была здесь и специальная барщинная контора.

Д. Подгорная—288 рев. душ.—Основана в конце XVIII века малороссами, вызванными Разумовским. При Разумовском платили оброк. От Разумовского имение перешло к Абазе, который перевел крестьян на барщину.

С. Ивановка.—308 рев. душ. – Было на оброке до 1833—34 голодного года, затем переведено на барщину.

Д. Григорьевка.—172 рев. души.—В тридцатые годы переведено с оброка на барщину.

Барщина устанавливалась либо после хозяйственной катастрофы, когда нужда заставляла подумать о новой организации хозяйства, либо она устанавливалась новым хозяином, который брал имение в свои руки с намерением извлечь из него больший доход, чем прежние владельцы, либо еще она вводилась в виде наказания за недоимки. Но все это были лишь различные поводы вступить на путь, соответствовавший „естественному" ходу вещей.

Были, однако, и случаи перехода от барщины к оброку и эти случаи заслуживают тем большого внимания, что при отсутствии сплошных данных и невозможности количественного анализа, качественный анализ приобретает особенное значение.

Мы имеем 12 таких случаев. В четырех случаях оброк установлен был перед волей, года за 2, за 4 до реформы. В трех случаях оброк был установлен с переходом вотчин к дочери Нарышкина гр. Шуваловой, получившей их в приданное. Затем еще в трех случаях барщина заменена была оброком в Нарышкинских имениях. Относительно остальных двух случаев мы не знаем почти ничего. Иногда эти переходы совершаются в крупных, а иногда и в мелких *вотчинах*. Но почти всегда они происходят у крупных *владельцев*. В шести случаях из двенадцати мы встречаем их у Нарышкиных. И мы можем поэтому утверждать, с весьма большой степенью вероятности, что переход к оброку не соответствовал в саратовском крае духу времени, а об'яснялся причинами индивидуальными, быть может нежеланием нести заботы по ведению хозяйства, быть может трудностью найти хорошего управляющего и т. п. Лишь накануне самой воли, когда отношения между помещиками и крестьянами стали более натянутыми, обнаружилась кое где тенденция возвратиться к оброку или же впервые вве-

сти его. Тут уже предвосхищались условия переходного периода пореформенного времени.

Помещик, переселявший в саратовский край своих крестьян, часто ставил их на барщину немедленно по завершении колонизационного предприятия. Но нередко он оставлял их сперва на оброке и лишь тогда, когда невыгоды оброчной системы становились очевидными, он переводил их на пашню. Саратовская вотчина—предприятие зарождалась не сразу, а была результатом двух хозяйственных актов, двух предпринимательских начинаний, которые далеко не всегда совпадали во времени.

Н. Ф. Хованский, имевший может быть в своем распоряжении и иные материалы кроме наших, решается формулировать свой вывод еще определеннее· „До 20-х г.г.,—пишет он,—на всем пространстве (балашовского) уезда совершенно не было барщины; это об‘ясняется тем, что окраинные поместья здесь получили более или менее важные особы, проживавшие уже в столице, имевшие вотчины в других частях России и главною их заботой было заселить свои новые владения... И первые поселившиеся здесь крестьяне быстро богатели, особенно от скотоводства. Они были свободны первое время и от поставки рекрут и от платежей, вольны в распоряжении пахотной землей, покосами и лесом.—Позднее помещики начали селиться и устраивать свои усадьбы в населенных местах, но до 1830-х г.г. отношения помещиков к крестьянам преимущественно ограничивались оброчной системой, а в обширных имениях Нарышкиных и Воронцовых эта система отчасти сохранилась до 1861 г.—С 1830-х г.г. применяется барщина...—К барщине с оброка обязательно переводились крестьяне после дробления имения переходом в наследство, в вено и проч., одним словом как только чувствовалась надобность в увеличении доходов“ [1]).

Ход развития привел к преобладанию барщинной системы над оброчной в нашем крае,—к преобладанию местами столь полному, что оброк в некоторых уездах встречался лишь в виде исключения. Накануне освобождения, по сведениям министерства внутренних дел, положение представлялось в следующем виде [2]):

---

1) Хованский, стр. 60—61.

2) „Материалы редакционных комиссий по крестьянскому делу“, второе издание т. III, кн. 2, СПБ. 1860, стр. 484—485.—А. Скребицкий, „Крестьянское дело в царствование императора Александра II“, т. II, ч. 2, стр. 1560—1562.

Уезды.	Число крестьян.		В %%.	
	На барщине	На оброке.	На барщине	На оброке.
Царицынский	1.892	57	97	3
Камышинский	7.721	7.075	52	48
Аткарский	30.897	14.485	68	32
Вольский	8.099	9.562	46	54
Балашовский	27.080	14.025	66	34
Сердобский	27.745	2.355	92	8
Саратовский	18.407	9.732	66	34
Хвалынский	8.676	8 072	52	48
Петровский	29.950	2.855	93	7
Кузнецкий	9.123	15.645	37	63
Итого по губернии	169.590	83.863	66	34
Николаевский (часть у.)	—	—	89	11
Новоузенский (часть у.)	—	—	85	15
Царевский	—	—	12	88

Эти цифры не очень надежны, но нет основания думать, что общий характер отношений в вотчинах края представлен ими неверно. Мы приведем однако еще и другие подсчеты. В первом издании трудов редакционных комиссий имеется таблица, составленная по сведениям Саратовского Губернского Комитета для имений с числом крепостных от 100 душ м. п. и выше. Эти сведения отнесены не к душам, а к тяглам [1]).

Уезды.	Число тягол.		В %%.	
	На барщине	На оброке.	На барщине	На оброке.
Аткарский	1.107 1/2	267	80	20
Вольский	4.025	1.035 3/4	80	20
Балашовский	8.658 1/2	399	95	5
Сердобский	7.561	286	96	4
Саратовский	6.412 3/4	2.420 1/2	72	28
Хвалынский	3.601	878 3/4	80	20
Петровский	9.532	1.518 1/2	85	15
Кузнецкий	2 604 3/4	3.291 3/4	44	56
Итого по губернии	43.502	10.097	81	19

1) „Первое издание материалов редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости". Третий период, ч. XVI, СПБ, 1860, стр. 27.

По камышинскому и царицынскому уездам почти не поступало сведений.—Мы возьмем еще наконец и цифры, вычисленные И. Игнатович [1]) по описаниям имений (с 100 д. м. п. и больше), напечатанным в Приложениях к материалам редакционных комиссий. Эти цифры относятся ко всей саратовской губернии в целом.

Число имений 496
В них крестьян 186.001

	Число тягол.	В %%.
Барщинных	53.159 1/2	72.40
Смешанных	10.162	13.84
Оброчных	10.098 3/8	13.76
Всего	73.419	100.00

Последние данные лучше остальных. Но и на них конечно следует полагаться не в том смысле, что они точны до 1/8 тягла. Они по всей вероятности рисуют достаточно верно лишь общее положение вещей. Различия между последней таблицей и предыдущей об'ясняются главным образом тем, что смешанные тягла отнесены в цифрах редакционных комиссий то к оброчным, то к барщинным.

Вслед за этими замечаниями мы можем перейти к чтению самих таблиц.

В крае, взятом в целом, преобладала барщина. На изделье находилось не менее 2/3 помещичьих крестьян, а может быть даже больше. Но преобладание барщины над оброком не было повсеместным. В некоторых уездах его нет: в кузнецком, в царевском и в вольском. В других оно не ярко выражено: в хвалынском и камышинском. Чем вызваны эти различия?

Организация каждого отдельного вотчинного хозяйства зависела от множества индивидуальных причин, во всей своей конкретной полноте нам конечно неизвестных. Но мы можем установить некоторые общие условия, достаточные для того, чтобы об'яснить различия в целых районах.

В том параграфе, в котором мы говорили о рынке, мы выделили в особый район четыре уезда: сердобский, петровский, балашовский, аткарский. Это—коренные помещичьи уезды. Здесь находилась большая часть помещичьих земель. Здесь же находятся и лучшие в крае почвы. Этот район тяготел кроме того отчасти к пензенским винокуренным заводам, отчасти к тамбовским и затем в очень сильной степени к ростовско-донским рынкам. В этом районе

[1]) „Помещичьи крестьяне накануне освобождения“, М. 1910, приложения.

с лучшими почвами и лучшими рыночными условиями находилось 115.672 барщинных и 33.720 оброчных крестьян, или на каждого оброчного крестьянина приходилось 3 1/3 барщинных. На другой район, обнимающий все остальные уезды нагорной стороны, приходилось 53.918 барщинных крестьян и 50.133 оброчных, т. е. на оброчного крестьянина приходился один барщинный с небольшим излишком. В этом последнем районе (если не считать царицынского уезда, в котором вообще было очень мало вотчин и помещичьих крестьян и где поэтому решающую роль могли сыграть какие либо случайные обстоятельства) выделяется лишь саратовский уезд. Без него значение барщины в этом районе еще более понижается. Но саратовский уезд должен был в отношении рынка находиться в особливо благоприятных условиях уже в силу одного влияния губернского города и его гражданских и интендантских закупок на сельское хозяйство. Т. е. рыночные условия (торговля по Хопру и Медведице) превратили западную часть губернии в район чисто барщинного хозяйства, т. е. вотчинного предпринимательства [1]).

Еще одно обстоятельство могло иметь здесь значение. Район сравнительно большого распространения оброков (за исключением сильно промыслового кузнецкого уезда) лежал вдоль Волги. Волга же давала возможность неземледельческих заработков и это всюду бывало аргументом в пользу сохранения или введения оброка. Так, например, в южной приволжской части губернии помещики, по словам уездного предводителя, „заботясь о благосостоянии их крестьян, имеющих значительное у себя скотоводство, всегда отпускают их для заработки денег возкой соли, рыбы и разных потребностей в разные верховые города и ярмарки, также и перевозкой казенных и партикулярных вещей из Дубовки в донскую станицу Качалин“ [2]).

Как вторая таблица, так и цифры И. Игнатович показывают затем, что в *крупных* вотчинах издельная система

1) У нас очень мало материалов о вотчинном хозяйстве в николаевском и новоузенском уездах и мы не решаемся сказать, чем определялось в них столь решительное преобладание барщины над оброком.

2) Архив саратовского губернского дворянского собрания. Дела по личной части губернского предводителя дворянства 1833 г., № 5.—Почти 20 лет спустя работы на Дубовно-Качалинских пристанях описываются И. Палимпсестовым в следующих словах: „Весною на этих пристанях народу, как муравьев в муравейнике; из полицейского отчета за 1843 год видно, что на одной Дубовской пристани работало поденщиков около 40 тысяч человек. Поденной платы мужчина получает от 30 до 70 коп. сер., женщина 15, 20, 30 и 35 коп. сер. Очевидно, что при такой плате легко можно добыть деньги на многие хозяйственные и житейские нужды. Но еще более вырабатывают перевозкою тяжестей и товаров по Дубовско-Качалинскому тракту. Многие даже обогатились через этот промысел. „Взгляд на сельское хозяйство и быт жителей правого побережья Волги от Саратова до Царицына“. Журнал министерства государственных имуществ, 1850, V, стр. 121.

была распространена еще сильнее, чем в мелких. Еще раз мы должны подчеркнуть в этом месте различие между крупным вотчинником и крупной вотчиной. П. Б. Струве полагает, что оброчную систему сравнительно часто можно было встретить „там, где абсолютная величина дохода делала практически нечувствительным его относительно низкий уровень: во владениях очень крупных помещиков. В этих владениях, к тому же, организация барщины встречала очень крупные препятствия, главным образом, вследствие затруднительности, того неусыпного контроля над крестьянами и вмешательства в их жизнь, который требовался барщинным режимом и составлял его существо". [1]) Здесь как раз смешаны две точки зрения. Первая, вообще говоря, верна. Но вторая, по крайней мере для саратовских условий, неправильна. Мы видим, что Нарышкины, одни из богатейших помещиков в губернии, отказывались от барщинной организации работ и предпочитали ей более спокойное собирание оброка. Но мы видим с другой стороны и то, что в более крупных имениях на барщине состоит около $^4/_5$ крестьян, между тем как во всех имениях доля барщинных составляет лишь $^2/_3$. А по данным Игнатович число чисто оброчных тягол в более крупных вотчинах не достигло и $^1/_7$ общего их числа.

В этом отношении интересны еще следующие данные. В описаниях селений земской подворной переписи указаны 35 вотчин балашовского уезда, в которых крестьяне были раньше на оброке. Эти вотчины резко распадаются на две группы: 18 являются мелкими в 20—30, реже в 50—60 душ м. п., а 15 крупных принадлежат великопоместным вотчинникам Нарышкиным (13) и Воронцовым (2). Лишь пять вотчин не относятся ни к одной из этих групп. Оброк сохранялся там, где имение было настолько мало, что не стоило хозяйничать, или же там, где вотчинник был настолько богат, что ему уже не хотелось хозяйничать. А барщина устанавливалась почти всюду *в крупных вотчинах не слишком богатых помещиков*.

Вторая таблица показывает еще одно. В больших вотчинах условия более однообразны, чем в мелких: различия между уездами становятся гораздо менее значительны, когда мы рассматриваем организацию труда не во всех вотчинах, а только в крупных. Один лишь кузнецкий уезд остается на особом положении. Всюду в других местах почти все крестьяне в крупных вотчинах находятся на „пашне".

---

1) „Крепостное хозяйство" стр. 88.

Оброк был денежным. К денежным платежам присоединялись еще другие повинности, но деньги составляли главную часть оброчного дохода. По данным, собранным накануне крестьянской реформы земским отделом центрального статистического комитета министерства внутренних дел, [1]) обыкновенный размер оброка с тягла составлял:

в уезде	руб.	коп. (серебром).
Царицынском	24	85
Камышинском	14	—
Аткарском	23	56
Вольском	15	99
Балашовском	18	30
Сердобском	23	81
Саратовском	23	—
Хвалынском	21	59
Петровском	25	53
Кузнецком	18	—
В среднем по губернии	20	86

Отклонения уездных средних от средней губернской в большинстве случаев не очень велики и могут быть вызваны иногда случайными обстоятельствами, или дефектами статистического материала. Но отклонения от средней в отдельных конкретных случаях были гораздо более значительны и особенно разнообразны были сочетания денежного оброка с натуральными повинностями. Самый переход от оброка к барщине был постепенным. В селе Березовке (балашовского уезда) у Нарышкиных крестьяне платили 5 руб. в год с души, но сверх того должны были давать 7 рабочих дней и подводу в Моршанск (за 300 вер). В с. Ольшанке (тоже Нарышкиных) крестьяне платили 10 рублей с души и кроме того должны были скосить и убрать 1000 кв. саж. травы, убрать, свезти и обмолоть 500 кв. саж. хлеба и дать 2 подводы в Саратов и другое нарышкинское имение Марииновку. Но когда Ольшанка перешла к дочери Нарышкина гр. Шуваловой, оброк уменьшен был до 5 р. с души. Зато уменьшен был и крестьянский надел, который стоял в связи с высотой оброка. Он составлял у Нарышкина 10 дес. на рев. душу, а у Шуваловой 5 дес. Чаще повинности исчислялись на тягло, которое состояло из мужа и жены и на которое приходилось в среднем $2\frac{1}{2}$ души м. п.

---

[1]) „Материалы редакционных комиссий по крестьянскому делу“, 2 изд., т. III, кн. 2, С. П. Б. 1860, стр. 484—485.

Платежи могли распадаться на части и система исчисления отличалась тогда некоторой сложностью. В селе Пенделки кузнецкого уезда, принадлежавшем помещице Жерард, „в 1859 году взыскано конторою с каждого тягла по 112 р. ассиг., в том числе: оброка 70 р., на столовый запас для помещицы—12 р. 25 к., подушных за обе половины года 24 р. 50 коп., ямских для раз‘ездов при конторе 4 р. 20 к. и рекрутских 1 р. 5 к. Независимо от этого делается денежный сбор с малолетних мальчиков и девочек, с первых за полтягла по 56 р. ассиг. в год, а с последних одновременно по 3, 5 и 10 р. сер. Срок для оброка определен два раза в год: к 1 января и к 8 июля. Если кто из крестьян не внесет вдруг оброка, следующего за всю половину, то употребляется на барщину вместе с женою, ежедневно до взноса оброка и за это время никакой платы им не полагается“ [1]).

По вопросу об изменении высоты оброчных платежей в наших материалах сохранились лишь скудные данные. Совершенно несомненно, что оброчные платежи росли и что в конце XVIII века, по крайней мере номинально, они были еще довольно незначительны. Но нет возможности проследить отдельные этапы этого роста. Только для 60-х годов XVIII века у нас имеется довольно много сведений. Правда, значительная их часть относится к монастырским вотчинам, но достоверно известно, по показаниям современников, что высота оброка была довольно близка у монастырей и у частных лиц.

Троицко-Сергиевской Лавре [2]) в 60-е годы XVIII столетия в саратовском крае принадлежало шесть вотчин, из которых две находились в тогдашнем симбирском, а четыре в пензенском уезде. Собственного хозяйства в этих отдаленных вотчинах монастырь не вел, а содержал в них только монастырских управителей и собирал оброк.

Крестьяне села Архангельского (Сухая Терешка тож) платили по 70 к. с души, но должны были сверх того содержать управителя, что обходилось чрезвычайно дорого: по 1 р. 52 коп. с души. В 1762 году оброк повышен был до 1 рубля и крестьяне утверждали, что больше этого они платить не могут. Однако посланный для разведования и составления описи прапорщик Сухов полагал, что крестьяне могут платить и по 1 р. 25 коп. с души, „ежели у них прикащика не будет“. Земля у крестьян была „к плодородию

[1]) Архив саратовского губернского дворянского собрания. Дела по личной части губернского предводителя дворянства, 1860 г., № 6.

[2]) „Вотчины московских монастырей в саратовском крае по описям коллегии экономии 1763—1764 г.г.“, „Тр. Сар. Уч. Арх. Ком.“, т. IV, стр. 1—16.

добрая“, но было ее мало и крестьяне приарендовывали у помещиков. Кроме хлебопашества других промыслов не было.—Крестьяне села Рождественское (Алексеевка тож) платили по 1 руб. с души. Но сверх этого 30 р. шло на содержание управителя и еще 30 р. на подводы, что составляло 60 р. на 700 душ, или менее 10 коп. с души. Кроме того крестьяне платили венечные деньги по 25 коп. со свадьбы и „за вывод“ по 3—4 руб. Столько же, сколько монастырские крестьяне, платили и помещичьи крестьяне того же села Рождественского.—Крестьяне села Сергиевского (Кимишкир тож) платили по 75 коп. с души, но кроме того содержали управителя, что обходилось в $24^1/_4$ коп. по их же расчетам. В 1762 году расход на управителя был уничтожен и назначен рублевый оброк. Подпоручик Артамон Дуров, производивший опись, полагал, что оброк возможно повысить еще на 10 коп., в виду того, что земля „к плодородию хлеба способная“, и притом „ее имеет быть довольное число без найма“, и что кроме того крестьяне „многие имеют рукоделия и торговли“.—Крестьяне села Сергиевского (Бакур тож) платили до 1762 года по 70 коп. с души и на содержание управителя $22^1/_2$ коп., а с 1762 года всего 1 рубль. Подпоручик Дуров полагал, что и здесь можно увеличить оброк на 10 коп. тем более, что в соседнем селе Архангельском (Полянщина тож) помещичьи крестьяне обложены 4 руб. оброка с тягла (1 венец).—Крестьяне села Сергиевского (Березовка тож) платили по 70 коп. с души в пользу монастыря, несли повинности на содержание управителя, которые они расценивали в $75^1/_4$ коп. с души. В 1762 году и они переведены на рублевый оброк, покрывший все остальные повинности. Крестьяне села Федоровки обложены были оброком в 75 коп. с души, а с 1762 года по 1 рублю.

Рублевый оброк с ревизской души был повидимому чрезвычайно распространен в монастырских вотчинах этого времени. Мы встречаем его и в вотчинах Ново-Спасского монастыря: в с. Малыковке с 1756 г., в с. Архангельском (Терса тож.), в селе Покровском. И не очень далеки от этого оброка были, повидимому, платежи у частных владельцев. Лица, производившие описи монастырского хозяйства, часто ссылаются на это обстоятельство в подтверждение своих заключений о возможном обложении крестьян. Крестьяне села Покровского утверждают, что более рублевого оброка они платить не могут. Представитель коллегии-экономии прапорщик Середонин, соглашаясь с этим, доносит, что и крестьяне „вотчины высокографского сиятельства Кириллы Григорьевича Разумовского“, имеющие

„ко удовольствию своему земель довольно“ платят оброку по 1 руб. 50 коп. [1]).

Один рубль с ревизской души составлял при переводе повинностей на тягло в том составе, в каком мы считаем его в середине XIX века,—2 р. 50 к. с тягла; 1 руб. 10 коп. составлял 2 руб. 75 коп.; 1 руб. 25 коп. составлял 3 руб. 12½ коп.; 1 руб. 50 коп. составлял 3 руб. 75 коп. Вот в общем те цифры, которые мы встречаем в начале XVIII века, если только не считать исключительно высоких повинностей в пользу управителя в с. Архангельском. Нормальный оброк составлял за сто лет до крестьянской реформы 2 руб. 50 коп.—4 руб. с тягла, или в среднем вероятно около 3 руб.—3 руб. 50 коп. Накануне реформы он повысился до 20 руб., т. е. увеличился приблизительно в шесть раз. Мы не можем проследить, как совершался этот рост, но самый факт в достаточной мере подкреплен материалами.

В чем следует искать основной его причины? Увеличение потребностей землевладельцев могло сыграть известную роль, но оно является не только причиной, но и следствием увеличения оброков. Возможно, что происходило и повышение производительности крестьянского хозяйства, но мы не в состоянии установить его размеров и оно во всяком случае лишь в некоторой доле об‘яснило бы увеличение оброка. Главной причиной такого изменения явилось движение цен.

Как ни несовершенны те материалы, которыми мы располагаем, они все же обнаруживают с несомненностью, что рост цен был огромным и что в нем следует искать основной причины изменения крестьянских платежей.

ЦЕНЫ [2]).

	В 1762 г. в Кузнецком уезде	В 50-х г.г. XIX в. в Саратовск. губ. с округлением.	Процентное отношение.
Пшеница четверть	60 коп.	3 р. 50 к.	583%
Рожь „	40 коп.	2 р. 40 к.	600%
Овес „	26 коп.	2 р. —	769%

1) „Вотчины московских монастырей в саратовском крае по описям 1763—1764 г.г.“, Тр. Сар. Уч. Арх. Ком.“, т. III, вып. I, стр. 253, 254, 255, 256.

2) Цены 1762 г. относятся к селу Кимишкир узинского стана, пензенского уезда, в настоящее время кузнецкого уезда. („Тр. Сар. Уч. Арх. Ком.“. т. IV. стр. 9).— Цены 50-х г.г. взяты из данных министерства внутренних дел, публиковавшихся в журнале министерства, из описания балашовского уезда Никольского и из данных отдельных документов архива дворянского собрания.

Цены 1762 года могли быть случайными и отличаться от средних цен 60-х годов XVIII века. Цены 50-х годов XIX столетия исчислены на основании довольно плохого материала и относятся к гораздо более обширному району. Нельзя поэтому настаивать на выводе, что цены возрасли именно в шесть—семь раз. Может быть в действительности они возрасли несколько больше или несколько меньше. Но можно утверждать с полной уверенностью, что между ростом цен и ростом оброчных платежей существовала самая тесная связь и что высота оброка в общем сообразовалась с высотой крестьянского дохода, составляя повидимому почти одну и ту же часть его и в середине XVIII и в середине XIX столетия.

Что касается барщинных повинностей, то организация их в основе своей была всюду одна и та же, но в деталях и здесь было множество различий. По закону крепостной работал три дня в неделю на барина и три дня на себя. Под эту норму можно было подвести довольно разнообразные повинности и, главное, довольно различную степень обременения ими крестьян. Мы приведем несколько примеров, относящихся к Балашовскому уезду.

В деревне Львовке (Нарышкиных), возникшей в качестве места ссылки неисправных крестьян, дворы разбиты были на „выти“. Первые три дня недели на работу ходила одна выть, вторые три дня—другая. На барщинную работу крестьян брали с 12 лет. От 12 до 18 лет служили пастухами или погонщиками: от 18 до 60 зачислялись в тягловые, т. е. несли полную повинность, с 60 лет крестьяне поступали в караульщики и работали понедельно: неделю караулили, неделю проводили дома. Девки с 12 лет ходили на легкую работу. Бабы с 50 лет выходили из тягла.—В дер. Ильмень (у Рюмина) крестьяне тоже брались на работу с 12 лет, но от 17 до 18 они несли уже половину тягла; зато они выходили из тягла уже в 50 лет.—В селе Благовещенском (у Пашкова) тягло накладывалось с 19 лет, хотя бы парень и не женился, а в селе Николаевке (у Ковалева) только с 20 лет [1]). Многое зависело от земельного простора и обеспеченности помещика рабочими силами. Тяглом называлась, как единица обложения (муж и жена), так и самая работа, которая возлагалась на эту единицу.

Крестьянин должен был работать три дня в неделю. Но помещик пытался присвоить и больше, чем разрешал ему

1) „Сборники статистических сведений по саратовской губернии“, балашовский уезд.

закон, Воскресные и праздничные работы были запрещены. Однако жалобы на них встречаются довольно часто и притом не только в захудалых вотчинах, но и в больших хозяйствах. В отдельных больших экономиях злоупотребления происходили еще незадолго до освобождения. Так, например, благочинный слободы Красного Яра доносил в 1847 году камышинскому предводителю дворянства. „В 6 пункте представленных мне духовенством слобод Летешкиной и Ильмень сведений, прописано: по приходу слободы Летешкиной священники наблюдают, чтобы прихожане в воскресные и праздничные дни оставили работы, приходили в церкви на молитву и слушание поучений, но прихожане, хотя ревностны и усердны к церкви Божьей, не всегда исполняют сии постановления церкви, по случаю господских работ и нарядов в разные подводы, а в некоторые двунадесятые праздники, как то: на Введение во храм и Рождество Пресвятые Богородицы, также и на Воздвижение Честного Креста работают".—То же по приходу слободы Ильмень и др.—Речь идет здесь о большой вотчине Нарышкиных, насчитывавшей 5356 душ [1]). Число подобных жалоб было очень велико.

В том же имении отмечен и другой способ повышения доли помещика, тоже бывший злоупотреблением, и притом повидимому более распространенным, чем работа в воскресные дни: мы имеем в виду такое распредение работ, при котором лучшие дни доставались помещику, а худшие оставались мужику. Камышинский земский исправник доносил об этом саратовскому губернатору в следующих словах: „Руднинские крестьяне по назначению управляющего разделяются на три рода: а) крестьяне, платящие большой оброк, б) крестьяне, платящие меньший противу первых оброк и в) крестьяне состоящие на барщине. Первые кроме платежа денег постоянной работы не отбывают, вторые: пашут, сеют, косят и убирают хлеб условно, а состоящие на барщине все работы несут по урокам и все крестьяне, несмотря на их разделение, весьма стеснены управлением в особенности же крестьяне третьего рода, которые пашут, сеют, косят и убирают хлеб до тех пор, пока господская работа совершенно окончится, а это продолжается иногда *от двух до четырех недель постоянно* и крестьяне не смеют и думать о работах собственно им принадлежащих, от этого происходит то, что убранный хлеб их по необходимости остается в полях для совершенного гниения и уничтожения. Всякое малейшее возражение на тяжесть урочных работ и отнятие

1) Архив саратовского губернского дворянского собрания, 1847 г., № 77.

рабочих дней у крестьян влечет каждого возражателя к одной неизбежной цели—наказанию“ [1]).

Существовал еще наконец и третий способ усиления трехдневной барщины в пользу помещика, его пытался практиковать в своей саратовской вотчине помещик генерал-майор Рылеев. Одним из приемов организации барщины была работа „брат на брата“: половина крестьян работала на себя, другая половина на барина и этим достигалось тоже распределение общего количества рабочего времени, как и при трехдневном изделии каждого крепостного. Повидимому, такой способ составления наряда на барщинные работы был очень распространен. Этот то способ и давал возможность отобрать в пользу вотчинника лучших рабочих. „Для лучшего распоряжения и присмотру вашему при господских работах,—писал генерал-майор Рылеев своим приказчикам,—приказываю учредить порядок таким образом, чтоб работа происходила господская во всю неделю изо дня в день, разделив тягловых рабочих людей пополам, одна половина рабочих будет работать на господина, а другая на себя,—но чтоб работники выбираемы были в господскую работу лучшие, а поплошае оставлять на себя—дабы через то были бы все совершенные работники при господской работе, где можете за ними и надсмотр лучше иметь, ибо при малом количестве народа можно тот час заметить кто ленится, кто худо работает, то такового погонять сзади палкою—и при хорошем присмотре всякий будет иметь осторожность дабы его не заметил начальник с худой стороны“ [2]) и т. д.

Трудно конечно сказать, насколько распространены были эти различные методы незаконного использования крестьянского труда. Но жалобы на них довольно часты и, повидимому, при барщинной организации работ они носили характер бытового явления.

Еще несколько слов о смешанных тяглах, т. е. о тех, которые несли как барщинные повинности, так и оброчные, Тут наблюдалось множество переходных форм. Иногда к оброчному платежу, слегка сокращаемому, присоединялось обязательство отработать известное число дней на господской пашне. Иногда работа на помещика, напротив, была не дополнением к оброку, а основной частью повинностей смешанного тягла. Иногда, наконец оброчная повинность почти равняется барщинной. Так, например, помещица кузнецкого уезда Тюрикова, имевшая в деревне

---

1) Архив саратовского губернского дворянского собрания, 1847 г., № 77.

2) Архив саратовского губернского дворянского собрания. Дела по личной части губернского предводителя дворянства, 1831 г., № 43.

Мустафинке 43½ души крестьян, составлявших 17 тягол, назначает из них 4 тягла на барщину с обязательством обрабатывать для нее по 2 десятины в поле и платить по 30 руб. ассигн. оброка с каждого тягла, сверх того доставлять ей по 2 аршина сукна, по 22 аршина холста и по одной бараньей овчине [1]). Такой размер взысканий выходит из ряда вон по своей обременительности. Но такая смесь всевозможных повинностей, барщинных и оброчных, денежных и натуральных, была распространенным явлением.

Для одного из уездов саратовской губернии,—для вольского уезда,—у нас есть хорошо разработанный статистический материал по вопросу о *числе вотчин*, в которых крестьяне подлежали той или иной повинности. Этот материал служит дополнением к приведенным уже выше сведениям о *числе крепостных*, состоявших на барщине и оброке, и мы воспроизводим его поэтому в нижеследующей таблице [2]).

	Число имений.	ЧИСЛО ДУШ.		
		Барщинных.	Оброчных.	Смешанных.
Все крепостные на барщине . . .	28	5894	—	—
„ „ „ оброке . . .	50	—	8626	—
„ „ „ смешанной повинности	2	—	—	654
Большая часть на барщине, меньшая на оброке	11	3413	1086	—
Бодьшая часть креп. на баршине, меньшая на смеш. повинности	3	315	—	139
Большая часть на оброке, меньшая часть на барщине . . .	2	1145	2702	—
Большая часть на смешанной повин., меньшая на барщине .	1	124	—	132
Большая часть крепостных на смеш. повин., меньш. на оброке	1	—	20	33
Большая часть крепостн. на барщине, меньшая на оброке и смеш. повинности	1	201	10	55

В чисто барщинных имениях приходится по 210 душ на вотчину, в чисто оброчных—172 д. Эта разница не очень

---

[1]) Архив саратовского губернского дворянского собрания, отношение кузнецкого предводителя за № 204 от 10 октября 1859 г.

[2]) Н. В. Нарбеков, „Из истории землевладения и движения земельной собственности в вольском уезде саратовской губернии за 1860—1897 г.г.". „Саратовская Земская Неделя" 1902, № 10, стр. 70.

велика, но она соответствует в общем тем указаниям, которые сделаны были выше. Еще больше число душ в тех имениях, в которых все крестьяне находятся на смешанных повинностях (327). но во всем уезде было только две таких вотчины, вероятно переходного типа.

---

§ 6.

Месячина и вольнонаемный труд.

Самое возникновение нижневолжских вотчин в большом числе случаев было „предприятием". И нет ничего более естественного, чем то, что многие вотчины оставались предприятиями после первоначального акта заселения, или постепено становились ими в силу духа времени. Русские помещики настойчиво стремились к изменению хозяйства в первой половине 19-го столетия и множество технических и организационных мер изыскивалось для того, чтобы повысить доходность имений. Организационные меры касались способов использования крепостного труда. Как известно, закон почти не ограничивал в этой области помещика, кроме помещика юго-западного края, да и то лишь в последние годы перед крестьянской реформой. При Павле издан был указ, подтвердивший запрещение принуждать крестьян к работам по воскресным дням и обязавший крепостных работать на помещика три дня в неделю. Указ этот толковали при практическом его применении в том смысле, что помещик не должен был требовать в свою пользу более половины крепостного труда. Но он мог присваивать эту половину любым способом. Крестьяне могли работать три дня в неделю на себя и три дня на помещика; они могли отбывать барщину в дни специально помещиком указанные; они могли работать „брат на брата". Наконец помещик мог сделать крестьян месячниками, т. е. лишить отдельные дворы их участков, превратить крепостных в невольников-батраков и выдавать им плату из общего продукта вотчинного хозяйства. Быть может, подобная организация и противоречила действительному смыслу указа 5-го апреля 1797 года, но руководящая судебная и административная практика такого противоречия не усматривала. Другое постановление закона, вменявшее помещикам в обязанность не доводить крестьян до разорения, тоже мало ограничивало простор для организационных начинаний вотчинников-предпринимателей. Во всяком случае способы организации крепостного труда, которые проектировали и испытывали помещики, были крайне разнообразны; некото-

рые интересные случаи из этой области рассказаны П. Б. Струве в его „Крепостном хозяйстве“.

Но кроме постановлений закона и толкования закона высшими инстанциями существовали еще условия быта и традиции на местах, из которых выростал очень устойчивый обычай. Фактически помещик не был так неограничен, как это должно казаться при обозрении одного законодательства. Были привычки, вошедшие в плоть и кровь населения, и нарушение этих привычек вызывало сопротивление, которое бывало очень трудно преодолеть. И случалось при этом, что не одни крестьяне цепко держались за старые установления, но и помещичья среда становилась на защиту традиционного порядка, нарушенного вотчинником-предпринимателем. Любопытный эпизод такого рода сохранился в просмотренных нами делах. Мы передадим его подробно, потому что он бросает интересный свет на условия крепостного хозяйства в 19 веке.

Дело происходило в саратовском уезде, в имении помещицы Теглевой в 1842 году. Губернские власти занялись рассмотрением его, во-первых, потому что один из крестьян Теглевой скончался после телесного наказания и, во-вторых, потому что крестьяне помещицы „вышли из повиновения“.

Помещица Теглева получила свое имение в наследство от родителя в разоренном состоянии, которое она об‘ясняла распущенностью находившихся под слабым присмотром крестьян. Она доверила мужу управление имением и с обоюдного их согласия в вотчине установлена была новая организация хозяйства. У крестьян взята была вся земля. Пахать и сеять крестьяне должны были совместно и на помещика и на себя. Документы называют это не совсем правильно общественной запашкой. При таких условиях возможен был помещичий надзор за обработкой земли и владелица рассчитывала, что обработка будет значительно лучше, чем прежде. Она предложила крестьянам две трети урожая, причем уборку хлеба крестьяне могли уже производить на отводимых им участках в „свои“ три небарщинных дня в неделю. Однако крестьяне запротестовали и положение в вотчине стало напряженным. Начальство приняло обычные меры для усмирения крестьян и предупредительно напомнило помещице, что она вправе выслать зачинщиков. Но к самой организации хозяйства начальство отнеслось неодобрительно, хотя помещица и утверждала, что прибегает к ней лишь временно для поправления хозяйства, как своего, так и крестьянского. Эта организация не противоречила закону, а в то же время она представля-

лась новшеством, плохо согласованным с установленными в других вотчинах правилами,—новшеством, „не свойственным духу русского крестьянина“, и вызывающим беспокойство. Уездный предводитель стал уговаривать Теглеву отказаться от своего плана. Теглева не соглашалась. Тогда ее и ее мужа стал убеждать губернский предводитель в присутствии двух уездных: аткарского и саратовского. Однако помещица и ее супруг и тут „остались непреклонными“. После этого задачу переубедить помещицу взял на себя исправляющий должность гражданского губернатора. Но столь же безуспешно. Наконец губернатор вступил в переписку по этому вопросу с министром внутренних дел и с согласия последнего передал вопрос на рассмотрение дворянского собрания.

Дворянское собрание отнеслось к помещикам Теглевым с осуждением, назвало просьбы их пасквильными, а по существу постановило следующее: „Обстоятельства дела сего ясно показывают, что жалобы крестьян на помещицу свою г-жу Теглеву возникли и продолжаются единственно только от введенной управляющим или мужем ее подполковником Теглевым без различия дней недели и участков земли общественной запашки, которая не только необыкновенна и по прочим помещичьим имениям саратовской губернии неизвестна, но даже означает в управлении крестьян неумеренность и если допустить к продолжению подобного распоряжения и не удовлетворить в законном крестьян требовании, то жалобы их на оное могут еще более затруднить местное правительство при введении ожидаемого в имении Теглевой порядка, ибо всякая вредная мысль или непокорность со стороны крестьян может быть поводом к дальнейшим и тяжким неприятностям. Почему в предупреждение сего, на точном основании Св. Зак. о сост. том 9, ст. 589 и 631, отменив прежнее распоряжение крестьянам означенной помещицы Теглевой, обратить их на трехдневную работу, с назначением каждому отдельного участка земли“.

Один только аткарский уездный предводитель не присоединился к общему решению и остался при особом мнении, отдельные части которого представляют довольно большой интерес и которое мы воспроизводим поэтому среди „документов“ целиком. Довольно сомнительно, вправе ли было Дворянское Собрание отменять распоряжение помещика. Нам неизвестно также дальнейшее течение этого дела, хотя, повидимому, Теглевы остались при своем решении даже после постановления саратовских дворян. Как оказалось, попытка Теглевых ввести „общественную запашку“ не была вовсе первою в среде саратовских вотчинни-

ков. Аткарский предводитель сообщил, что в имении его матери, правда лишь временно и для исправления „ленивых, нерадивых и шалунов“ практиковалась такая же система.

Во всяком случае мы узнаем, что в 40-ые годы месячина была еще редчайшим исключением в саратовских вотчинах, что это был организационный предел, до которого саратовские предприниматели, хотя и додумались, но который вся предпринимательская среда в целом не только не восприняла, но и решительно отвергла. Мотивы этого отрицательного отношения были формулированы довольно неопределенно: система казалась непривычной, чуждой традиционному быту, ненужной. Здесь не знали еще земельной тесноты. А при отсутствии этого условия помещики считали нецелесообразным лишать крестьян их собственного хозяйства. Конечно, кроме недостатка земли еще и другое обстоятельство могло бы заставлять иной раз вотчинников превращать своих крепостных в сельско-хозяйственных работников: недостаток рабочих. Но с этим затруднением саратовские помещики боролись другими средствами.

Как ни развивал свою колонизаторскую деятельность саратовский помещик, но все же оставались моменты, когда в вотчине не хватало крепостных рабочих рук. У нас есть несколько несомненных свидетельств применения в крае вольнонаемного труда.

Немного было хозяйств, в которых все работы велись при помощи пришлых нанятых помещиком рабочих, хотя существовали и такие. Вигель рассказывает, например, что „в саратовской губернии, на степи, близ Иргиза, на нетронутой земле, с малыми средствами поселился один помещик, Колокольцов. Прилежно занимаясь разработкой ее посредством не рабов—негров, даже не крепостных мужиков, а вольнонаемных, он в несколько лет... успел разбогатеть“ [1]). Колокольцов не был, вероятно, единственным таким помещиком, но их было очень мало и число их во всяком случае уменьшалось по мере заселения края крепостными крестьянами. Много было зато крупных вотчинников, которые в страдную пору нанимали рабочих в дополнение к своим барщинным крестьянам.

„Многие помещики, которые производят засевы не по числу работников, в рабочую пору в помощь своим крестьянам нанимают для уборки хлеба вольных жнецов“.— Эти слова саратовского губернского предводителя 1845 г. мы приводили уже выше [2]). Мордовцев, которого мы также

[1]) „Записки“ Ф. Ф. Вигеля, Москва 1892, ч. II, стр. 197.

[2]) Архив саратовского губернского дворянского собрания. Дела по личной части саратовского губернского предводителя дворянства, 1845 г., № 31/33.

цитировали уже в этой главе, сообщает аналогичные сведения. „Пензенская, тамбовская и казанская губернии,—писал он,—ежегодно дают на сторону несколько десятков тысяч рабочих. Каждую весну наполняются толпами „верховых“ сенокосные пожни, донских казацких станиц и приволжских имений, которые побогаче других; их видим мы при уборке хлебов в саратовской губернии, в Саратове, за Царицыном и за Черным Яром; оттуда выходят хорошие косари в лѐтнюю пору, зимой шерстобиты, швецы и кожевники“ [1]).

И Никольский также упоминает о вольнонаемных рабочих в своем описании балашовского уезда и отмечает, что их нанимают особенно,—но не исключительно,—во время сенокоса и жатвы. Часто эти рабочие приходят, по его словам, из саратовской же губернии, даже из того же балашовского уезда: они принадлежат к числу казенных крестьян сравнительно малоземельных районов—такие малоземельные деревни были на правом берегу Хопра. Но случается также, „что некоторые из крестьян селений многоземельных идут в наем вследствие двух следующих причин: или из семей вовсе безлошадных или многолошадных. Первые, оставшись пешими, почти бесполезны дома и потому занимаются на стороне, дабы выработав деньги, завестись опять лошадью; вторые, имея в избытке лошадей, или рабочих волов, успешно оканчивают свои посевы и, пользуясь остальным временем, нанимаются пахать на стороне и занимаются этим уже в виде промысла. Жители малоземледельческих уездов пензенской, тамбовской и рязанской губерний также для летних заработков идут на юг, преимущественно в воронежскую губернию, в О. В Д. и в саратовское заволжье. Проходя балашовский уезд, многие из них остаются и здесь нанимаются [2]).

Мы не можем сказать с уверенностью, в какое время применение вольнонаемного труда получило здесь наибольшее распространение. Но у нас создалось впечатление, что оно не было „прогрессивным“ явлением в местном вотчинном хозяйстве и что вольные рабочие вытеснялись крепостными по мере роста крепостного колонизационного движения. Может быть здесь происходил процесс, аналогичный тому, который совершался в другой степной губернии—Херсонской [3]). Значение пришлых рабочих во всяком случае падало. „Если в иных имениях встречается надобность в наемных силах,—писал К. Залесский,—то эта потребность

[1]) „Картины судоходства по Медведице и по Дону“, стр. 20.
[2]) А. Никольский, „Балашовский уезд“, стр. 62.
[3]) „Записки общества сельского хозяйства южной России“, 1848, стр. 288 и сл.

удовлетворяется большею частью жителями малоземельных селений здешней губернии. Хотя летом из губерний: тамбовской, пензенской и воронежской приходило в саратовскую немалое число косцов, жнецов и жней, однако почти все они вместе с свободными работниками здешней губернии, проходят либо в заволжский край либо в донские степи, и разве случайно небольшое число их остается в пределах саратовской губернии“ [1]).

Каковы бы ни были однако эти тенденции, вотчинное хозяйство во всяком случае по принципу своему было барщинными. Участие вольнонаемных рабочих было незначительным и не нарушало этого основного начала принудительно-крепостной организации сельско-хозяйственного предприятия. Но нам кажется все же важным, что именно в том районе, где барщина была распространена всего более, и где значение ее возрастало, помещикам было хорошо знакомо и применение вольнонаемного труда. Последний мог представлять в глазах вотчинника лишь “неизбежное зло“.

Но вотчинник умел пользоваться этим злом и переход к вольнонаемному труду должен был представляться ему в середине 19-го века делом, может быть, и трудным, и неудобным, но возможным и, при достаточных компенсациях, приемлемым.

---

§ 7.

Вотчинная территория.

Помещик стремился заселить свою землю настолько, чтобы ее возможно было эксплоатировать целиком при помощи крепостного труда. Но процесс крепостной колонизации не вполне закончился и к середине XIX века. Часть помещичьей земли накануне освобождения оставалась еще незаселенной; мы видели в первой главе, что перед реформой эта часть составляла на нагорной стороне свыше 230 тысяч десятин земли—около 7% всей площади дворянского землевладения, причем незаселенные пространства расположены были главным образом в аткарском и балашовском уездах. Фактически незаселенных земель было несравненно больше; приведенные цифры имеют в виду лишь такие вотчины, в которых вовсе не было крепостного населения; между тем наряду с ними существовали имения с

[1]) К. Залесский, „сельско-хозяйственная статистика саратовской губернии“, журнал министерства государственных имуществ, 1857, IX, стр. 301.

относительно небольшим и даже совершенно ничтожным числом крепостных крестьян.

Если вотчина была „населенной", то первая задача заключалась в том, чтобы отвести участки земли ее крепостному населению. В дореформенное время в каждом районе существовало довольно определенное представление о „нормальном" наделе барщинного или оброчного крестьянина. В оброчных вотчинах нашего края часто встречается надел от 2 до 3 дес. пахотной земли в поле на тягло. В барщинных вотчинах часто встречается надел около 2 десятин. Но вместе с тем колебания в размерах наделов были огромны. Они составляли в пределах губернии от 0,2 до 13,4 дес., причем максимумы и минимумы располагались по уездам следующим образом [1]):

УЕЗДЫ:	Высший надел.	Нисший надел.	Средний надел.
аткарский . . .	7,4	1,0	5,8
балашовский . .	7,0	1,7	5,1
вольский . . .	13,4	1,8	4,1
петровский . .	9,3	0,9	4,6
сердобский . .	9,6	0,8	4,5
хвалынский . .	8,7	0,2	4,7
камышинский . .	10,3	3,2	6,0
кузнецкий . . .	6,3	0,3	3,9
саратовский . .	11,1	0,8	4,4
царицынский . .	12,2	3,4	6,0

Средние размеры были выше всего в южной, многоземельной части края,—в уездах царицынском, камышинском и аткарском. Ниже всего они в старейшем колонизационном районе—в кузнецком уезде. Нисшие наделы местами совершенно ничтожны и крестьяне вели свое хозяйство в этих местах почти целиком на арендованной земле. Интересно отметить, что такие наделы встречались не только в середине XIX века, но и столетием раньше. Мы находим в 60-е годы XVIII века в 70 верстах от Саратова группы помещичьих крестьян „почти совсем не имеющих к владению и удовольствию земли и покосов" [2]).

[1]) „Материалы для оценки земель саратовской губернии", вып. I, часть I, 1906, стр. 157—161.

[2]) „Тр. Сар. Уч. Арх. Ком.", т. IV, вып. I, стр. 6.

В барщинной вотчине часть земли отходила крестьянам, а другая часть шла под господскую запашку. Происходило распределение земли между обеими сторонами и для нас важно выяснить принцип этого дележа.

Барщина была повсеместно трехдневной. Обычай трехдневной барщины установился наверное задолго до того, как указ Павла I признал такое разделение крепостного труда законной нормой. Пользуясь терминологией Маркса, можно было бы, повидимому, сказать, что „норма прибавочной ценности“ составляла 100%. Но на деле такое утверждение только формально было бы правильно. Барщина в большинстве случаев действительно была трехдневной. Но пахотная земля не всегда делилась между владельцем и крепостными поровну. На это обстоятельство обратил внимание уже В. И. Семевский. Он указал, что в конце XVIII века „количество крестьянской пашни везде значительно превышало размер господской запашки, а именно в среднем выводе по всей России на каждую душу м. п. приходилось вдвое более обрабатывать на себя, чем на господина“. Что же касается свидетельства Болотова о том, что „по большей части почитается за правило, чтобы крестьянин столько же земли пахал на господина, сколько он для себя вспахать может или сколько под собою имеет“ и его утверждения, что „легче и способнее сего для них быть уже не может, ибо часто случается, что они и гораздо более на господина пашут“,—то свидетельство это, по мнению Семевского, могло „относиться лишь к той особенно малоземельной местности, где он (Болотов) жил“ [1]).

Все наши попытки найти ту норму, которую можно было бы признать обычной для барщинных имений саратовского края, оказались бесплодными. Материалы не только пестры, но и противоречивы. Сведения по отдельным вотчинам не позволяют сделать статистические обобщения, потому что эти сведения слишком малочисленны. Но уездные и губернские данные о посевах представляют как раз наиболее ненадежный материал, сомнительность которого не только подчеркивалась уже современниками, но и теперь обнаруживается сразу при первом опыте каких-либо сопоставлений.

Отказываясь однако от отыскания какой либо общей нормы, мы все же можем сделать кое-какие указания относительно общих тенденций. Мы прежде всего не знаем почти ни одного случая, когда крестьяне пахали на помещика больше, чем на себя. Если такие случаи бывали, они

[1]) „Крестьяне в царствование Екатерины II“, т. I, стр. 65.

воспринимались не только крестьянами, но и властями, как ненормальные явления. Мы знаем затем ряд случаев, в которых крестьяне пахали на помещика столько же, сколько и на себя. Мы знаем наконец и такие случаи, когда крестьяне пахали на помещиков значительно меньше, чем на себя, Так, в Нарышкинской вотчине камышинского уезда каждое тягло получало „кроме усадебных, огуменных и огородных мест пахотной земли по три десятины в каждом поле", а работы барщинных крестьян заключались „в посеве ежегодно 1/2 дес. узаконенной меры озимого и 2-х дес. ярового хлеба" [1]. Крестьянская запашка более, чем в 2 раза превышала таким образом господскую (1847 г.). В имениях княгини Кочубей, главным образом аткарского у., барщинные крестьяне имели на себя по 2 шестидесятых дес. в поле на тягло и обрабатывали на помещика по 1 шестидесятой десятине [2]. В имении Теглевых саратовского уезда помещица в 1842 г, предлагала крестьянам 2/3 всего сбора при общественной обработке всей земли и хотя из дела не видно сколько крестьяне получали до 1842 г., но известно, что предложение помещицы не показалось им из ряда вон выходящим и соблазнительным [3]. При таких условиях совершенно очевидно, что все барщинные крестьяне в целом обрабатывали на себя больше, чем на помещиков, но мы не можем сделать какие либо выводы о том, насколько часты были случаи последнего рода.

Если взять сведения о посевах, то они рисуют очень определенную картину по петровскому, камышинскому, царицынскому и балашовскому уездам для 40-х годов. Но сведения о посевах по всей губернии для начала 50-х годов этой картине противоречат. Если судить по цифрам отдельных уездов (данные уездных предводителей дворянства), то крестьянские посевы превосходили господские в барщинных имениях в 1 1/2—2 1/2 раза. Если судить по губернским итогам (данные губернаторского отчета 1853 г.), то крестьяне пахали на себя столько же, сколько на помещиков. Однако эти итоги во всяком случае могут быть не верны. Не потому, что данные губернаторского отчета статистически хуже данных предводительских донесений: это—данные одного и того же происхождения. А потому, что существование хотя бы отдельных вотчин с преобладанием крестьянской запашки над господской несомненно, а следовательно, и равенства между всею площадью той и другой стороны не может быть.

---

1) Архив саратовского губернского дворянского собрания, 1847 г, № 77.

2) „Материалы по крепостному праву', Саратов 1911, последняя часть, стр 14.

3) Архив саратовского губернского дворянского собрания, 1841 г., № 41.

Общее впечатление от всех просмотренных нами данных складывается такое. В мелких вотчинах земля делилась поровну между помещиком и крепостными. В крупных вотчинах крестьяне пахали на себя больше, чем на помещиков. Крупные вотчины были в тоже время и многоземельными.

В многоземельной вотчине использование территории не ограничивалось однако устройством господской запашки и наделением крепостных крестьян. Для того, чтобы часть земли не оставалась впусте, ее необходимо было сдавать в аренду. Кроме малоземельных крестьян с'емщиками являлись зажиточные крестьяне с большими посевами или значительными стадами скота и птицы, заводившие хозяйство на арендованной земле. С'емщиками являлись и собственные крестьяне вотчинника, имевшие надел и дополнительно приарендовывавшие землю у своего же помещика. Никакой статистики этих арендных отношений конечно не существует, но отдельные описания подтверждают, что они играли в дореформенное время заметную роль не только для казны, которая была главным сдатчиком земли в аренду, но и для крупного вотчинного хозяйства.

У Львовых в с. Бобылевке, балашовского уезда из 15,115 дес. сдавалось в конце 30-х годов в аренду 6.000 дес.: 1) Тамбовскому купцу Мандрыкину под пастьбу гуртов—3.000 дес.; 2) крестьянам с. Пущина залежной и мякотной под распашку и сенокос—240 дес.; 3) двум крестьянам с. Бобылевки залежной под пастьбу гуртов и сенокос—1552 дес.; 4) крестьянам с. Бобылевки в раздробь залежной земли—272 дес. под пахоту; 5) крестьянам с. Бобылевки в раздробь под распашку мякотной—268 дес.; 6) крестьянам с. Бобылевки в раздробь под сенокосы—500 дес. [1]).

Иногда та часть вотчины, которая сдавалась в аренду, преобладала над тою, которая представлялась крепостным за барщину или оброк. У Леопольдова есть описание, относящееся к Нарышкинскому владению в балашовском у., к так называемой Марьинской степи [2]). Раньше она обнимала, по его словам, до 250 тыс. дес. земли. За разделами и выделами в ней оставалось в 40-е годы лишь около 100 тыс. дес. „На этой степи, отличной по своему плодородию, на пространстве 60 верст не останавливается взор ни на одном бугре; одни только душистые ометы сена или огромные скирды пшеницы разнообразят пустыню. Ценность

---

[1]) „Материалы по крепостному праву“. Саратов 1911, последняя часть, стр. 4—5.

[2]) „Саратовские степи“, Журнал сельского хозяйства и овцеводства М. О. С. Х., 1843, № 7. стр. 264.

земли в этой степи достигла уже до 30 р. сер. за десятину; годовой оброк за право обработки платится с пространства, отведенного для пользования собственных 4500 душ крестьян (по 10 дес. на каждую) по 1 руб. сер. с дес., а с остальных 55 тыс. дес., отдаваемых вольным с'емщикам по 2 р. сер. с дес.; получается собственно всего дохода от земли 120 тыс. руб. сер., что составляет 4% с действительной ценности".

У Нарышкина свои крестьяне оказывались в более льготном положении, чем посторонние арендаторы. Но положение бывало и обратным. Самый вопрос о соотношении между вольными арендными ценами и принудительными платежами крепостных крестьян очень важен для уяснения хозяйственной сущности всей вотчинной системы. Мы оставим его пока открытым и возвратимся к нему в дальнейшем.

С формальной стороны земельные отношения еще накануне реформы не были вполне упорядочены. Генеральное межевание началось в саратовской губ. (на нагорной стороне) очень поздно,—только в 1798 г.—и тянулось здесь очень долго, закончившись лишь в 1835 г. После этого оставалось еще общих и чересполосных владений 2,524,683 дес., т. е. 1/3 всех земель губернии. Из них в течение 1836—1863 г.г. размежевано было в порядке полюбовного (специального) межевания 1,794,603 дес. и неразмежеванных земель осталось 730,080 дес. [1]). Что касается в частности помещичьих земель, то в конце 50-х годов помещикам „вообще с казенными крестьянами" принадлежало 429,913 дес., помещикам с удельными крестьянами 73,164 дес. и помещикам с удельными и казенными крестьянами-вместе-89,572 дес., а всего таких общих владений было 592,649 дес., что составляло около 1/7 помещичьего земельного фонда [2]). Если таким образом к концу дореформенного времени в этой области земельных отношений не установилось еще полного порядка, то в конце XVIII века в ней господствовал полный хаос. Земельным спорам не было конца и делопроизводство по ним составляет самую важную часть саратовских архивов. Споры по пожалованиям XVII века тянулись иногда до начала XIX века (так например, Нарышкинский спор). Помещики спорили друг с другом, с казной, с уделами, крестьяне спорили с помещиками и с городами. Города, получившие

---

1) „Материалы для преобразования межевой части в России". Записка составленная по распоряжению и указанию управляющего межевым корпусом, ч. I. стр. 168 и ч. II стр. 416.

2) К. В. Залесский. „Сельско-хозяйственная статистика саратовской губернии", Ж. М. Г. И. 1857, IX, стр. 293—294.

когда-то щедрые пожалования и впоследствии постепенно лишившиеся их, спорили со всеми узурпаторами в течение многих десятков лет. Неразбериха была необыкновенно велика и она вероятно казалась в то время терпимой только благодаря крайне экстенсивной системе сельского хозяйства, и у вотчинников, и у крестьян.

Внутри вотчины чересполосицы господских и крестьянских полей накануне освобождения кажется почти не существовало. По крайней мере о ней не упоминают документы второй четверти XIX века. Что касается крестьянских земель, то самый принцип вотчинного хозяйства—приурочение повинностей к тяглу—требовал постоянных изменений в нормах крестьянского землепользования, если только обилие земель не было так велико, что помещик мог предоставить крестьянам распоряжаться угодьями как им заблагорассудится. Уравнительное землепользование стояло при этой системе повинностей в тесной связи с основами вотчинного хозяйства и в саратовской губернии оно было в первой половине XIX столетия общераспространенным явлением.

---

§ 8.

Экономические основания вотчинной системы хозяйства.

Мы остановились во второй главе нашего исследования на вопросе о помещичьих доходах. Нам необходимо вернуться к этому же вопросу с тем, чтобы осветить его еще с новой стороны и выяснить одну из важнейших проблем вотчинного хозяйства: от помещика зависело использовать так или иначе землю и труд, находившиеся в его распоряжении; он разрешал этот вопрос в саратовском крае в пользу барщинной системы в двух случаях из трех; в некоторых уездах он разрешал его в пользу барщины в девяти случаях из десяти. Чем определялось такое решение? Другими словами, в чем заключались в местных условиях особые выгоды барщинного хозяйства?

Оброчные крестьяне платили помещику перед освобождением около 20 рублей с тягла. Оброчное *тягло* получало в очень значительном числе случаев две—три десятины пахотной земли в поле, т. е. имело около 5 десятин посева. За каждую десятину посева оброчный крестьянин платил т. о. около 4 рублей. Правда, денежными платежами оброчные повинности не исчерпывались, но за то крестьяне получали кроме пашни сенокосы, пользовались выгоном, а иногда и лесом.

У нас имеется немного сведений об арендных ценах в губернии, но повидимому на такой же приблизительно высоте стояли те цены, которые уплачивали с‘емщики земли при добровольном соглашении с землевладельцами. По данным комиссии об уравнении денежных сборов, относящимся к началу пятидесятых годов, средняя арендная цена за казенную десятину распашной земли составляла [1]).

в саратовском	у.	1	р.	37	к.	сер.
„ вольском	„	1	„	76	„	„
„ аткарском	„	1	„	87	„	„
„ балашовск.	„	1	„	77	„	„
„ петровском	„	2	„	65	„	„
„ сердобском	„	1	„	40	„	„
„ кузнецком	„	—	„	57	„	„
„ хвалынском	„	—	„	70	„	„
„ камышинск.	„	—	„	77	„	„
„ царицынск.	„	—	„	55	„	„
по всей губернии		1	р.	34	к.	сер.

Чтобы сравнить эти цифры с предшествующими, необходимо прежде всего перейти от казенной десятины к „сороковой“ (3200 квад. саж.), в которой производились почти все дореформенные расчеты. Мы получим тогда 1 рубль 80 коп. в среднем по губернии. Затем от десятины пашни необходимо перейти к десятине посева, как мы это делали и выше. Тогда мы получим,—если исходить из трехполья,— арендную плату в 2 руб. 70 коп. за десятину. Однако эта средняя будет относиться и к таким уездам, как кузнецкий, где крестьяне извлекали доход не только из земли и где следовательно и оброк нельзя рассматривать, как одну лишь плату за землю, и к таким уездам, как камышинский и царицынский, где трехполья еще не существовало, где наделы были велики и оброчная плата за землю была ниже исчисленной нами. Если же взять лишь первые 6 уездов, то арендная плата окажется равной 1 р. 80 коп. за казенную десятину пахотной земли, 2 р. 40 к. за сороковую десятину и 3 р. 60 коп. за сороковую дес. посева.

По одному селению, расположенному к западу от Саратова, близ границы аткарского уезда, имеются сведения об арендных ценах, относящиеся к пятидесятым годам прошлого столетия [2]). Они составляли за десятину пашни:

---

1) Залесский, „Сельско-хозяйственная статистика саратовской губернии“, Ж. М. Г. И. 1857, IX, стр. 297.

2) „Справочная книга и календарь“ изд. статистического отдела саратовской губернской земской управы, Саратов. 1894.

в 1852 году	2 р.	35 к.
„ 1853 „	2 „	42 „
„ 1854 „	2 „	38 „
„ 1855 „	2 „	31 „
„ 1856 „	2 „	27 „
„ 1857 „	2 „	06 „
„ 1858 „	2 „	47 „
„ 1859 „	2 „	66 „
„ 1860 „	2 „	72 „
„ 1861 „	3 „	57 „
в среднем	2 р.	52 к.

Два рубля пятьдесят две копейки за десятину пашни дают 3 р. 88 к. за десятину посева, т. е. цифру очень близкую к данным комиссии об уравнении платежей и к сумме обычного оброка. Что касается данных комиссии, то они относятся к сдаче больших площадей, для которых цены устанавливаются всегда более низкие, чем для мелких участков. Если принять все это во внимание, то можно будет признать, что оброчный крестьянин платил за землю приблизительно столько, сколько она стоила в то время по рыночной ее цене.

Такая близость арендных цен к оброчным платежам была указана уже В. Семевским относительно московского центра во второй половине XVIII века. Что касается соседней с саратовской—пензенской губернии, то такая близость подтверждается цифрами, собранными накануне освобождения пензенским помещиком А. Д. Желтухиным. По его данным высота оброка и арендных цен выражалась в уездах пензенской губернии в следующих цифрах [1]).

Название уездов.	Средняя наемная плата за землю	Оброчная плата
	в рублях и коп. за десятину.	
Пензенский	3—62	2—57
Саранский	3—99	3 27
Инсарский	3—75	3—00
Краснослободский	3—11	2—46
Наровчатский.	3—74	3—00
Нижнеломовский	3—69	2—57
Керенский	3—83	3—00
Чембарский.	3—30	2—25
Мокшанский	3—59	2—57
Городищенский.	3—05	2—00

А. Д. Желтухину нужно было показать, что арендные цены в губернии были выше оброчных платежей. Для та-

[1]) Скребицкий, т. II, ч. 2, стр. 1600.

кого доказательства его данные недостаточны. Прежде всего они едва-ли точны. Затем кроме денежного платежа в состав оброка входили еще и другие довольно существенные повинности и приношения. Но цифры эти во всяком случае дают основание утверждать, что оброки были довольно близки к арендным платежам в районе, условия которого были весьма похожи на условия хозяйства в соседних частях саратовской губернии.

Гораздо труднее произвести аналогичный расчет относительно барщинных имений. Однако мы все же попытаемся сделать это хотя бы для отдельных случаев.

В имении полковника Барышникова, хвалынского уезда, накануне освобождения оброчные крестьяне платили в год по 17 р. 15 к. с тягла, неся на ряду с этим и некоторые натуральные повинности. Те из них, на которых накопилась недоимка, „по собственной их просьбе", как утверждал управляющий имением, обязывались обрабатывать по полудесятине в поле ржаного и ярового хлеба ежегодно, за что защитывалось по 8 р. 50 к. серебром. В эту сумму помещик оценивал, следовательно, обработку одной десятины. Кузнецкий уездный предводитель расчитывал в 1859 году, что обработка десятины в среднем по существовавшим тогда ценам стоила 23 р. ассигн., или 6 р. 57 к. серебром. Но кузнецкий предводитель признавал свою цену очень низкой. Никольский в своем описании балашовского уезда оценивает расходы по обработке одной десятины озимой ржи в 11 рублей. Десятина ярового хлеба должна была стоить дешевле [1]).

В барщинном имении крестьяне обрабатывали обычно 1—1½ десятины в поле на тягло, т. е. всего 2—3 десятины, или в среднем 2½ десятины. Средняя стоимость обработки должна была составить, судя по приведенным данным, около 8—10 рублей. Ценность тех работ, которые вотчинник получал от крепостного состоявшего на пашне, равна была таким образом 20—25 руб. *Заменяя оброк барщиной, помещик переводил одну повинность в другую, ей почти равноценную.*

Если рассматривать таким образом вопрос только с точки зрения ценности крепостного труда, то между обоими системами как будто в общем и целом не было существенного отличия. Однако вотчиннику нужно было использовать не только крепостной труд, но и принадлежавшую ему землю, по крайней мере там, где земля имела ценность,

---

1) Сведения о хвалынском и кузнецком уездах по данным архива дворянского собрания. Для балашовского у., см. Никольского, стр. 88.

как в саратовском крае в первой половине 19 столетия. И это обстоятельство усложняло и изменяло расчет.

Об использовании земли мы уже говорили в предыдущем параграфе. Мы должны остановиться здесь на этом вопросе с большей подробностью и рассмотреть его под иным углом зрения.

Оброчные крестьяне получали часто большие наделы чем барщиные. Но не следует думать, что надел уменьшался на ту площадь, которая превращалась в господскую запашку. Никольский утверждает относительно балашовского уезда, что разница между наделами оброчных и барщинных крестьян гораздо менее значительна, чем это можно было бы предполагать, а Н. В. Нарбеков привел в своем исследовании по истории землевладения в вольском уезде ряд интереснейших цифр, из которых мы заимствуем следующие данные [1]).

Группа имений.	В них всего земли.	Средний крестьянск. надел на 1 д. м. п.	Величина надела на 1 д. м. п. В имениях, в которых все крестьяне или большинство крестьян состояло	
			на барщине.	на оброке.
менее 100 дес.	417 д.	3,12 д.	4,50 д.	2,96 д.
100— 500 „	8,580 „	4.84 „	3,38 „	5,08 „
500— 1000 „	18,697 „	4,95 „	3,71 „	5,82 „
1000— 5000 „	48,755 „	4,75 „	4,17 „	5,67 „
5000—10000 „	52,881 „	4,89 ,	4,93 „	4,83 „
более 10000 „	121,646 „	5,35 „	4,73 „	5,84 „
По всем группам.	250,976 „	5,09 „	4,49 „	5,61 „

В небольших имениях наделы оброчных крестьян были значительно больше, чем наделы крестьян издельных. Но первая группа (менее 100 дес.) настолько ничтожна, что она вообще в счет не идет. Разница однако еще велика во второй и третьей группе (от 100 до 500 и от 500 до 1000 дес.) и существенна даже еще и в четвертой (от 1000 до 5000 дес.). Зато дело совершенно изменяется при переходе к высшим группам имений (5000—10000 дес. и свыше 10000 десятин). В одной из них *барщинный надел больше оброчного*, в другой оброчный хоть и больше барщинного, но не очень значительно. Выше мы привыкли считать преимущественно на души, а не на десятины. Чтобы примкнуть к

[1]) „Из истории землевладения и движения земельной собственности в вольском уезде, саратовской губернии (за 1860—1897 г.г.)", „Сар. Земская Неделя" 1902, X, стр. 78.

этому прежнему счету, укажем, что на имение в 5000—10000 дес. в среднем приходилось 553 д. м. п., а на высшую группу—2704 души. По современным понятиям крупное землевладение начиналось бы не с 5000 десятин, а значительно ниже. По дореформенным условиям крупные помещики относятся только к нашим двум высшим группам. Между тем наша губерния была краем крупных вотчинников и вольский уезд не составлял в этом отношении исключения. Из 250.000 десятин населенной помещичьей земли на две высшие группы приходилось накануне освобождения 174.000 дес. Из 125.000 десятин, находившихся в пользовании крестьян, на эти две группы приходилось 77.000 дес. Типичными для края были условия крупных имений и именно эти условия отражает средняя по всему уезду: на барщинного крестьянина приходится во всех вотчинах 4,49 десятин надела, а на оброчного 5,61 десятин, т. е. всего на 25% больше.

Мы находим еще сведения по тому же вопросу в Приложениях к Трудам редакционных комиссий [1]), где приведены сведения по имениям с крепостным населением в 100 душ м. п. и выше (чем и об'ясняется несовпадение итогов с цифрами Нарбекова, относящимися ко всем имениям). По этим данным мы произвели подсчет, результаты которого сведены в следующей таблице:

Величина надела помещичьих крестьян в десятинах иа душу м. п.

У е з д ы.	Оброчные крестьяне.	Барщинные крестьяне.	Крестьяне на смешанных повинностях.
Саратовский	4,0	3,8	4,0
Хвалынский	3,5	3,7	4,4
Вольский	4,4	4,3	4,4
Кузнецкий	3,7	3,8	3,7
Петровский	3,9	4,1	4,1
Сердобский	3,9	3,8	4,0
Аткарский	4,1	4,4	5,5
Балашовский	4,1	3,3	4,8

В пяти уездах (из восьми) оброчный крестьянин получал больший надел, чем барщинный (речь идет о средних и крупных имениях). В трех уездах барщинный крестьянин

[1]) Приложения к Трудам редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. Извлечения из описаний имений по великорусским губерниям. С. П Б. 1860.

получал больше оброчного. Но и там, где наделы оброчных крестьян сравнительно велики, различие в степени обеспеченности обеих категорий крайне незначительно или даже совершенно ничтожно.

Между тем барщинный крестьянин пахал не только „свою“ крестьянскую землю. Он пахал также и господскую пашню. Если наделы у обеих категорий были почти одинаковы, то значит первая работала в общем итоге уже больше, чем вторая. *Крепостной, состоявший на издельной повинности, обрабатывал большую площадь земли, чем крестьянин, состоявший на оброке.* Мы не можем точно установить интересующую нас разницу в площади, потому что материалы не позволили нам исчислить обычное соотношение между господской и крестьянской запашкой в барщинных вотчинах. Но мы знаем, что помещичий посев составлял изредка вероятно меньше $1/2$, часто $1/2$ и больше половины крестьянского посева; нередко же крестьяне засевали на помещика столько же земли, сколько и на себя. Не имея даже точных цифр, мы все же можем уяснить себе теперь экономические основания распространения барщинной системы. Мы их уже нашли. Нам остается только формулировать их.

Прежде всего оброчный крестьянин давал помещику в денежной форме приблизительно такую же ценность, какую барщинный крестьянин отдавал непосредственно в форме своего труда. Но при этом первый получал нередко несколько больший надел, чем второй и следовательно платил за землю несколько дешевле. Если перевести эти отношения на язык, принятый для характеристики условий пореформенного периода, то можно сказать, что при сдаче земли за деньги помещик выручал нередко меньше, чем при сдаче за отработки. Денежная аренда была менее выгодна, чем отработочная для дореформенного землевладельца. Уже вследствие одного этого обстоятельства барщинная система приобретала в саратовских условиях некоторые преимущества перед оброчной.

Этим дело однако не ограничивалось. В обоих случаях, и при оброке, и при барщине ценность крестьянских повинностей была близка к арендной цене. Принудительная эксплоатация крестьянского труда сводилась в значительной мере к приобретению подневольного, покорного с‘емщика, которому возможно было навязать не любые, но все же сравнительно выгодные условия. Крепостной являлся экономически арендатором за деньги, за натуральные приношения, за отработки. Это давало возможность эксплоатировать вотчинную землю, извлекая из нее земельную

ренту. Задача сводилась таким образом к тому, чтобы эксплоатировать возможно большую площадь земли.

Барщина была *тою системой, которая позволяла расширить земледельческое хозяйство.* Оброчного крестьянина нельзя было или же трудно было повидимому заставить *обрабатывать и оплачивать* такую же площадь земли, как та, которую возделывали крестьяне, переведенные на издельную повинность. Переход от оброка к барщине заключался не в том, что часть крестьянского надела превращалась в господскую запашку, или он заключался по крайней мере не только в этом. Запашка по общему правилу значительно расширялась: а во многих случаях господская запашка являлась целиком как бы новым дополнением к запашке крестьян. Можно было бы конечно задаться вопросом, почему на оброчных крестьян не возлагались большие повинности и почему между ними не распределялось большее количество земли. На такой вопрос можно ответить лишь тем, что очевидно по бытовым и в частности по психологическим условиям это не представлялось возможным. Чтобы извлечь большее количество труда из крепостного населения, вотчинник должен был изменить систему хозяйства. „Вообще здешние помещики невыгодно отзываются об оброчных крестьянах, писал К. В. Залесский в конце пятидесятых годов. По мнению их вследствие недостаточного надзора у оброчных крестьян воцаряется праздность, пьянство, истощается земля от неправильного употребления, накопляются недоимки, имение приходит наконец в упадок“ [1]. Залесский считал такое мнение несправедливым и, может быть, отрицательное отношение к оброчной системе действительно выражено здесь с чрезмерной силой. Но об‘ективные факты свидетельствуют с совершенной очевидностью о том, что барщинная система позволяла возделывать больше земли, чем оброчная и огромная площадь саратовских земель обработана была именно благодаря распространению издельной повинности.

В одном из писем генерал-майора Рылеева есть строки, прямо подтверждающие этот взгляд: „не даешь знать,—пишет Рылеев приказчику,—сколько на оброке село крестьян по обеим вотчинам на сей 1830 год, то при первом твоем донесении дай знать, но кто из числа оброчных не заплатил сполна оброка за 1829 год, то такового вновь не сажать до тех пор, покуда не заплатит исправно, а употребить тотчас на барщину как о том неоднократно предписываемо было, ты сам прежде писал, что ежели бы Бог дал

[1]) „С.-х. статистика Саратовской губернии“, Ж. М. Г. И., 1857, IX, стр. 299.

только посадить на барщину, то тогда доход выручаться будет более от хлеба нежели как на оброке, а потому теперь и приказываю тебе заняться таковым выгодным и полезным хлебопашеством и всех неисправно плательщиков—оброчных употребить в барщину смотря за ними, чтобы улучшивали пашню и бораньбу, а тем самым увижу твой присмотр, твое распоряжение и доход будет ли улучшен, а ты бы рад чтобы только высылать сюда (в Петербург к помещику для наказания Л. Ю.), но теперь высылкой таковой должен ты приостановиться а заставить их трудиться в поте лица за хлебопашеством, *земля есть—только надо иметь ум и усердие и больше засевать хлеба* и тогда ленивому спать будет некогда и займется работою“ [1]).

Наш вывод имеет существенное значение для характеристики условий крепостного хозяйства в крае. Он гласит в общей формулировке, что смысл барщинной организации вотчинного хозяйства заключается в расширении площади обработки земли, причем стремление к такому расширению должно было естественно проявиться там, где земли было много, где условия для сбыта земледельческих продуктов были благоприятны и где занятие земледелием представляло большие выгоды, чем другие промыслы.

Кроме повышения платы за землю, отведенную крестьянам в надел и расширения той площади земли, которая приносила землевладельцу доход, барщинная система представляла однако выгоды *еще в одном отношении.* При переводе крестьян на изделье вотчинник организовывал собственное сельскохозяйственное предприятие, которое могло вестись лучше, чем хозяйство крестьян.

Улучшение хозяйства имело место далеко не всюду. Может быть оно было даже не особенно частым явлением. Никольский указывал на распространение в крупных экономиях балашовского уезда сельско-хозяйственных машин. В его время,—в сороковые годы,—шотландские и американские молотилки не составляли уже редкости, кое-где встречались конные и ручные веялки. Из просмотренных нами описаний отдельных хозяйств видно, что в больших вотчинах заводили тонкорунных овец и улучшенные породы другого скота, сеяли картофель, но в обработке земли кажется не было существенной разницы между обычным помещичьим и крестьянским хозяйством. Ее во всяком случае не было в южных уездах, где велось наиболее экстенсивное хозяйство. У нас есть определенные отзывы 1851 года относительно камышинского и царицынского уездов. Цари-

1) Архив Дворянского Собрания. Дела по личной части губернского предводителя дворянства, 1831, № 43.

цынский земский исправник сообщал на запрос офицера генерального штаба, „что таких имений, которые отличались бы устройством в сравнении с соседними государственными крестьянами по хозяйству, домовитости и нравственному быту в первом стане нет, а все они состоят в одинаковом положении". Пристав первого стана камышинского уезда писал: „имений систематически и лучше устроенных в сравнительности с соседними государственными крестьянами по хозяйству, домовитости и нравственному быту не предвидится"; и только пристав второго стана камышинского уезда свидетельствовал, что „к домовитости и нравственному быту лучше против государственных крестьян устроены два имения села Верхней Добринки г.г. малолетних Поляковых и село Грязнуха госпожи Готовицкой" [1]).

Однако в отдельных экономиях дело обстояло иначе. В саратовской губернии, как и в других районах, находились помещики, организовывавшие вотчинное хозяйство с большей затратой энергии и предприимчивости, стремившиеся поставить его рационально и затрачивавшие на него крупные капиталы. Хозяйства Нарышкина, Калачева, Львова, Кочубея и целый ряд других принадлежали к числу таких, по крайней мере относительно рационально поставленных экономий, в которых заботы были обращены на улучшение пород скота (в частности на введение тонкорунного овцеводства), на более тщательную обработку земли, на введение некоторых технических культур, на подбор семенного материала, на усовершенствование сельскохозяйственного инвентаря и т. п. В таких хозяйствах доходы иногда значительно, даже во много раз превышали те средние цифры, которые дает статистика оброчных платежей.

Если сельско-хозяйственное предпринимательство помещиков требовало перехода к барщинной системе, то тем более этого требовало предпринимательство промышленное, которое тоже существовало в крае. Особенно распространенным явлением в вотчинах были помещичьи мельницы, которые либо эксплоатировались помещиком, либо сдавались в аренду. Кроме мельниц мы находим в губернии, главным образом суконные фабрики и винокуренные заводы.

Винокуренных заводов в 1829 году в губернии было 17. Они принадлежали: в саратовском уезде д. с. с. Панчулидзеву и штабс-капитану Столыпину, в вольском уезде д. т. с. графу Нессельроде, т. с. Уварову, с. с. Панчулидзеву и гвардии прапорщику Гладкову, в кузнецком уезде: кол. сов.

---

[1]) Архив дворянского собрания. Дела по личной части губернского предводителя, 1850 г., № 59.

Есипову, кол. асс. Галицкому, кол. асс-ше Огаревой и тит. сов. Дубасовой, в балашовском уезде: наследникам егермейстера князя Голицына, т. с. князю Голицыну и с. с. Устинову, в петровском уезде: криге-цалмейстеру Столыпину, в хвалынском уезде: гв. прапор. Чиркову, в царицынском уезде: подполковнику Скабиневскому, в сердобском уезде: т. с. Куракину. Это были по большей части крупные вотчинники. Заводы были оборудованы на выкурку 1.887.000 ведер, на что требовалось 315 четвертей зерна десятипудового веса. Но работали заводы только на $^{1}/_{3}$ своей потенциальной производительности [1]).

Кроме того в губернии был ряд суконных фабрик, общая выработка которых составляла в начале пятидесятых годов 80.000 аршин верблюжьего сукна на 84.000 рублей и 102.000 аршин солдатского сукна на 78.000 рублей. Число рабочих на этих фабриках исчислялось в 1153 человека, Они находились в селе Безводном петровского уезда на проселочном тракте из Пензы в Вольск (вырабатывалось 30.000 аршин верблюжьего сукна: владелец Богдановский), в Новой Киселевке, Доброе тож, петровского уезда (вырабатывалось 15.000 аршин верблюжьего сукна; владелица Киселева), в селе Ельшанах петровского уезда (вырабатывалось 35.000 аршин верблюжьего сукна, владелица Фишер), в Богородском, Новая Жуковка. тож, вольского уезда (вырабатывалось 17.000 солдатского сукна, число рабочих 155, владелиц Гладков), в крутцах саратовского уезда (вырабатывалось 15.000 аршин солдатского сукна, число рабочих 116, владелица Столыпина), в Архангельском, Мещерское тож, сердобского уезда (вырабатывалось 40.000 аршин солдатского сукна, число рабочих 268, владелец Кологривов) и Козьмо-Демьянском, Журавка тож балашовского уезда (вырабатывалось 30.000 аршин солдатского сукна, число рабочих 129, владелец князь Лобанов-Ростовский). Вероятно почти все эти фабрики были дворянскими.

Кроме того в Севастьяновке камышинского уезда находился свекло-сахарный завод гр. Бобринского, вырабатывающий однако всего до 1500 пудов сахарного песку [2]).

---

1) Архив Казенной Палаты № 2494.

2) П. Крюков, „Очерк мануфактурно-промышленных сил Европейской России", С. П Б. 1853, стр. 187—190.

ГЛАВА IV.

Помещичьи крестьяне и их жалобы.

Крестьяне жили зажиточно или скудно, смотря по местности и смотря по обстоятельствам. Не только крепостные различных помещиков, но и крепостные одного и того же вотчинника отличались различным достатком и та „дифференцированность крестьянства“, которая служила любимой темой размышлений русских экономистов и статистиков в конце XIX и в начале XX столетия, была уже фактом хозяйственной жизни в дореформенное время. Она существовала и в оброчной деревне, и в барщинной,—причем в первой она была значительней, чем во второй. Но если даже барщинная организация хозяйства и не допускала тех огромных имущественных неравенств, которые встречались иногда в оброчных поместьях, то все же самое неравенство дворов в семейном составе и в обеспеченности рабочей силой обусловливало существенные хозяйственные различия среди „подданных“ одного и того же помещика.

В селе Лопатине Петровского уезда в вотчине помещика Прибыткова, в связи с дознанием о действиях вотчинника и о неповиновении крестьян, в 1849 г. произведено было краткое статистическое описание крестьянских дворов [1]). Такие описания составлялись довольно часто в дореформенное время, но, к сожалению, они сохранились в незначительном числе. Данные о прибытковском имении, насчитывавшем 87 дворов и 595 душ, сведены нами к нижеследующей таблице:

	Ч	И	С	Л	О.		
	Дворов.	Душ на двор.	Тягол на двор.	Коров на двор.	Овец на двор.	Свиней на двор	Кур на двор.
Безлошадн. .	10	4,5	0,5	0,6	—	0,4	12,3
Имеющ. 1 лош. на двор . .	12	3,8	1,0	1,2	0,2	0,9	11,8
„ 2 „ „ . .	18	5,9	1,3	1,8	1,8	1,0	14,7
„ от 3 до 4 над.	33	6,8	1,6	2,6	4,1	2,2	19,4
„ „ 5 „ 7 „ „	8	11,5	2,1	7,2	4.7	3,4	25,0
„ „ 8 „ 10 „ „	6	13,2	3,0	6,3	30,7	4 0	30.0

[1]) Архив губернского дворянского собрания. (Дела по личной части саратовского губернского предводителя дворянства, 1849 г., № 143).

На каждую группу (в %) приходится из всех.

	Дворов.		Душ.		Лошадей		Коров.		Овец.		Свиней.		Кур.	
Безлошадн. . .	11,5	25,2	7,6	15,4	—	4,8	2,6	9,0	—	0,5	2,5	9.5	8.0	17,1
Имеющ. 1 лош. на двор . .	13,7		7.8		4.8		6,4		0,5		7,0		9.1	
„ 2 „ „ . .	20,7	58,6	18,0	56,0	14,3	56.5	12,8	49,4	8,4	42,7	11,4	58,2	17,0	58,5
„ от 3 до 4 над.	37.9		38,0		42,2		36,6		34,3		46,8		41,5	
„ „ 5 „ 7 „ „	9.2	16,1	15,4	28,6	18,3	38,6	25,0	41,4	9,7	56,8	17,1	32,3	12,9	24,4
„ „ 8 „ и бол.	6,9		13,2		20,3		16,4		47,1		15,2		11.5	
	100%		100%		100%		100%		100%		100%		100%	

Назовем крестьян двух низших групп бедными, крестьян третьей и четвертой—средними, крестьян двух высших групп—зажиточными. Немудрено, что в высших группах, т. е. у больших семей больше и лошадей, коров и овец. Но заслуживает внимания, что достаток возростает быстрее, чем увеличивается семья.

Бедные составляют 15% всего населения, а приходится на них только 4,8% лошадей, 9,0% коров, 0,5% овец, 9,5% свиней. Лишь птицей они снабжены более удовлетворительно, но эта статистика не была, вероятно, наименее надежной, и эта часть „инвентаря“ не могла конечно иметь существенное значение. Средние крестьяне составляли 56% всего населения. На них приходится приблизительно и соответствующая доля живого инвентаря. Зажиточные крестьяне составляли 28,6% населения и приходится на них 38,6% лошадей, 41,4% коров, 56,8% овец. Нельзя сказать, чтобы имущественные различия представлялись особенно значительными, но они во всяком случае существовали, хотя хозяйство было организовано по барщинному принципу.

Аналогичное описание мы имеем для барщинной дер. Языковки прапорщика Карпова в аткарском уезде [1]). Оно составлено в 1832 году по поводу возмущения крестьян в связи с переходом к новому владельцу, и мы свели цифры этого описания в такие же две таблицы, какие приведены выше относительно Прибытковской вотчины.

1) Архив губернского дворянского собрания. Дела по личной части саратовского губернского предводителя дворянства, 1832 г., № неразборчив.

ЧИСЛО.

	Дворов.	Душа на двор.	Тягол на двор.	Коров на двор.	Овец на двор.
Безлошадные . .	1	6	1	1	4
Имеющ. 1 л. на дв.	2	4,5	0,5	2,5	2,5
„ 2 „ „ „	14	5,0	1,2	1,6	5,0
Им. 3—4 л. на дв.	37	5,6	1,2	3,0	8,7
„ 5—7 „ „ „	33	8,0	1,9	5,8	12,5
„ 8 и бол. л. на дв.	6	11,0	2,8	10,5	11,6

На каждую группу (в $^0/_0$) приходится.

	Дворов.		Душ.		Лошадей.		Коров.		Овец.	
Безлошадные . .	1,1	3,3	1,0	2,4	0,0	0,5	1,0	2,4	0,4	0,9
Имеющ. 1 л. на дв.	2,2		1,4		0,5		1,3		0,5	
„ 2 „ „ „	15,1	54,8	11,1	44,5	6,8	37,5	5,5	33,1	8,0	44,5
Им. 3—4 л. на дв.	39,7		33,4		30,7		27,6		36,5	
„ 5—7 „ „ „	35,4	41,9	42,5	53,1	46,6	62,0	48,5	64,6	46,6	54,6
„ 8 и бол. л. на дв.	6,5		10,6		15,4		16,1		8,0	
	100%		100%		100%		100%		100%	

Относительно каждого отдельного двора в тех ведомостях, на основании которых составлены последние таблицы, приведены еще дополнительные сведения такого рода: „Феодор Иванов, строение посредственное, живет средственно; Степан Феодоров—все три тягла на оброке по 100 р., торгует скотом, живет весьма зажиточно, строение отличное; Исай Иванов—строение средственное, живут порядочно; Василий Кузмин—одно тягло на оброке 100 р., торгует скотом и медом, строение отличное, живут весьма зажиточно; Никита Андреев—строение плохое, живет плохо и т. д. Если по этим сведениям разбить крестьянские дворы на три группы,—конечно несколько произвольно,—то численность каждой из них определится в следующих цифрах:

низшая . . . . 20-25 %
средняя . . . . 55-60 „
высшая . . . . 15-20 „

Эти данные для средней группы довольно близки к тем, которые получены на основании группировки по рабочему скоту. Необходимо отметить, что описание вотчины составлено было в ноябре после недорода кормов, когда много скота было распродано и может быть этим об'ясняется сравнительно малое количество скота у средних и высших групп. Те дворы, у которых были избытки скота, могли без большого ущерба продать часть его, низшие группы должны были держаться за последнюю лошадь и корову. Такое утверждение содержится по крайней мере в использованном документе. Дифференцированность в Языковке меньше, чем в с. Лопатине, но она все же существует и упомянутые нами комментарии не оставляют сомнения в ней. Общая зажиточность в Карповской вотчине выше, чем в Прибытовской. Хозяйственное неравенство описывается современниками крепостного хозяйства, как факт, составляющий самую обычную принадлежнось хозяйственной жизни. Никольский рассказывает о нем со свойственной ему отчетливостью изложения в своем описании балашовскаго уезда: „Скудость и довольство в быту крестьянина,—пишет он,—выражается материальным его состоянием. В этом смысле крестьян можно разделить на 4 класса: бедных, исправных, зажиточных и богатых. Бедный не имеет ни одной лошади, ни одной или одну плохую корову, две-три овцы, несколько кур и самый скудный запас хлеба. Строение у него по большей части ветхое или разоренное, одежда худая, земли его плохо обработаны, в исправлении повинностей он всегда отстает и в домашней жизни всегда чувствует скудость и недостаток, а в неурожайный год его доля—нищета. Исправный крестьянин имеет по крайней мере на тягло одну хорошую или две посредственных лошади, две коровы с подтелком, до 10 овец, иногда две-три свиньи, да несколько кур и уток. Строение его хотя не обширно, но хозяйственно устроено, одежда потребная есть, обработкою своего поля он хорошо кормит семью, оплачивает повинности и исправляет свои обязанности во время, один неурожай или другое несчастье являет в быту его недостатки и делает на время неисправным против других. Зажиточный крестьянин имеет на тягло по две и более лошади, несколько коров и рабочих быков, собственный плуг; платья и строения в избытке; некоторые больше-семейные имеют по две избы. При избытке рабочего скота он сверх своих полей засевает с‘емную землю и потому в домашнем быту его видно изобилие; запасы хлеба у него остаются ежегодно от своего продовольствия и уплаты повинностей, так что неурожай или случайное несчастье не вдруг сделают его неисправным. К классу богатых крестьян

относятся те же зажиточные, но от долговременного домашнего избытка скопившие запасный денежный капитал, который у многих простирается от 300 до 1500 и более рублей серебром. В домашнем быту у них является без особой роскоши все то же, что и у крестьянина зажиточного; но при способностях многие из них ведут сверх хозяйства торг хлебом или скотом. Приблизительно можно полагать между здешними крестьянами более половины дворов исправных, до одной четверти зажиточных, остальные бедные; богатых денежных дворов встретится по два, по три из сотни. Имение, в котором более половины двухлошадных тягол, остальные однолошадные можно сравнительно с общею степенью крестьянской зажиточности в здешних краях назвать средним“ [1]).

Факт неравенства несомненен. Но в высшей степени трудно составить себе ясное представление о действительном благосостоянии крепостных крестьян. Абсолютные цифры, даже те, которые вполне точны, говорят нам очень мало, когда они взяты сами по себе. Нам необходимо сравнение важнейших признаков, относящихся к прошлому, с признаками, характеризующими хозяйственную жизнь более близкого и более знакомого нам времени, условия которого мы в состоянии представить себе достаточно отчетливо. По характеру материалов такие сравнения затруднительны, но в некоторых отношениях они все же возможны и мы попытаемся хотя бы несколько осветить, опираясь на них, интересующие нас вопросы. Мы будем поэтому вести дальнейшее изложение в форме сопоставления цифр дореформенной статистики с соответствущими пореформенными сведениями. Цель наша заключается однако не в том, чтобы описать эволюцию крестьянского хозяйства в рассматриваемый промежуток времени, а только в том, чтобы найти путем сравнения некоторую точку опоры для оценки и для восприятия дореферменных статистических данных.

До данным подворной переписи 1886/7 г. на 10 крестьянских дворов в балашовском уезде приходилось 24 лошадей и волов (вместе). На те же 10 дворов приходилось 17 мужчин и 17 женщин рабочего возраста. По дореформенной терминологи это означало бы, что на 17 тягол приходилось 24 лошадей и волов, или на 1 тягло 1,4. Приблизительно столько же рабочего скота было у „исправных“ крестьян по описанию Никольского, а эта группа составляла, по его словам, около половины всего крестьянского населения и, занимая промежуточное положение между бедными и зажиточными крестьянами, должна была характеризовать

1) Никольский, стр. 54, 55.

положение среднего слоя деревни. Коров на 10 хозяйств в 1886/87 г. приходилось 11 на двор, или около 0,7 на тягло. Цифра Никольского, очевидно, значительно выше, ибо он говорил о двух коровах с подтелком на тягло у исправных, т. е. у средних крестьян.

Данные 1832 года по деревне Языковке мы можем сравнить со сведениями, собранными при подворном статистическом обследовании 1885 года и такое сопоставление дает довольно любопытную картину. В 1832 году в Языковке было 93 двора, в 1858—114, в 1885 году—150 [1]).—Число душ мужского пола составляло в 1832 году—319, в 1858 г.—313, в 1885 г.—407. Все население составляло в 1832 г.—622 души, в 1858 г.—633 души, в 1885 г.—814. Двор мельчал довольно сильно, работоспособность его заметно понижалась. Если распределить дворы по числу рабочих, то получатся следующие ряды:

	В 1832 г.		В 1885 г.	
	Число дворов.	%	Число дворов.	%
Без рабочего . .	5	5,3	15	10,0
С 1 рабочим . .	47	50,6	92	61,3
С 2 рабочими .	29	31,2	35	23,3
С 3 „ . .	11	11,8	7	4,7
С 4 и более раб.	1	1,1	1	0,7
	93	100,0	150	100,0

Но как ни усиленно шло измельчание двора, еще быстрее совершалось уменьшение количества скота. Среднее число рабочих на двор составляло в 1832 году—1,5 (считая по числу тягол), а в 1885 г. 1,2. Что касается количества скота, то число голов достигало на двор.

	В 1832 г.	В 1885 г.
Лошадей . . .	4,4	1,3
Коров	4,1	1,0
Овец	9,5	3,3
Свиней	0,9	0,6

[1]) В „Сборнике", повидимому, опечатка, в одном из столбцов: напечатано 160, между тем как суммирование числа дворов всюду дает 150.

В дополнение к этим цифрам мы приведем еще таблицу, показывающую распределение количества лошадей между дворами в два последовательные момента:

	В 1832 г.			В 1835 г.		
	Число дворов.	%		Число дворов.	%	
Безлошадных	1	1,1	3,3	35	23,3	57,3
С 1 лошадью	2	2,2		51	34,0	
С 2 лошадьми	14	15,1	38,7	38	25,3	40,7
С 3 „ . . .	22	23,6		23	15,4	
С 4 и более лош. . . .	54	58.0		3	2,0	
ВСЕГО. . .	93	100,0		150	100,0	

В данном случае трудно говорить о большей или меньшей дифференционности. Главное, что обращает на себя внимание, это—огромный сдвиг вниз: многолошадные исчезли; безлошадные и однолошадные, которых раньше не было, выдвинулись на первое место.

Данные о Прибытковской вотчине мы не можем, к сожалению, сравнить с более поздними сведениями: вотчина составляла лишь часть деревни и ее нельзя разыскать в сборнике по петровскому уезду. Мы сделаем однако некоторое сопоставление с средними цифрами по петровскому уезду, не приписывая им конечно значение доказательства, но разрешая себе такой прием ввиду того, что дело о прибытковских крестьянах не позволяет считать их не особенно зажиточными, ни особенно бедными в тот момент, когда у них производилась перепись. По сведениям, относящимся к 1884 г., в петровском уезде приходилось в среднем на 10 дворов 14 лошадей и 11 коров, а в Прибытковском имении на 10 дворов было 29 лошадей и 26 коров (между тем как у Прибыткова двор по своему составу был лишь немного крупнее, чем в среднем уезде в 1884 г, 6,8 и 5,5 душ). Можно еще отметить, что в 1884 г. в Петровском уезде было 20% безлошадных, а в Прибытковской вотчине их было всего 12%, что в 1884 г. в уезде было 36% дворов с 3 и более лошадьми, а у Прибыткова их было 53%. В Балашовском, Аткарском и Петровском уездах изменения происходили, повидимому, в одном и том же направлении.

Что касается вопроса об обеспеченности землей, то он разрешается легко. Данные о землевладении и о влиянии крестьянской реформы на него разработаны очень тщательно как раз по саратовской губернии в работе В. И. Серебрякова, из которой мы привели уже основные цифры в § 7 предыдущей главы.

Реформа, как известно, сопровождалась почти всюду некоторым сокращением крестьянского землевладения, в саратовской же губернии это сокращение было очень значительно ввиду большого числа крестьян, вышедших на дарственный надел. По уездам количество земли на душу уменьшилось здесь следующим образом [1]):

В	камышинском	уезде	на 53%
„	саратовском	„	„ 52 „
„	царицынском	„	„ 51 „
„	вольском	„	„ 50 „
„	балашовском	„	„ 39 „
„	петровском	„	„ 39 „
„	аткарском	„	„ 38 „
„	хвалынском	„	„ 34 „
„	кузнецком	„	„ 33 „
„	сердобском	„	„ 24 „

Вопросом о землевладении не разрешается однако вопрос о размерах земледельческого хозяйства. Крестьяне могли запахивать большую или меньшую часть своей земли. Они могли прибегать, кроме того, к аренде земли, что они и практиковали широко после реформы. Здесь также возможны некоторые сопоставления. В 1849 г. помещичьи крестьяне петровского уезда высевали в озимом поле 42.500 четвертей, и в яровом поле 29.300 четвертей [2]). Помещичья запашка не включена в эти цифры. На десятину в 3.200 кв. саж. высевалась одна четверть озимого и полторы четверти ярового. Значит засевалось таких десятин 42.000 и 19.533, а казенных десятин в 2.400 саж. засевалось 56.000 озимыми хлебами и около 26.000 яровыми, т. е. всего 82.000. В 1894 году по данным земской подворной переписи в петровском уезде высевалось бывшими помещичьими крестьянами 48.734 дес. озимых и 52.658 дес. яровых хлебов, а всего около 101.000 десятин. Для 45 лет это ничтожное увеличение. В 1849 году в уезде насчитывали 38.233 д. м. п. помещичьих крестьян. На душу м. п. приходилось таким образом посева 2,2 дес. В 1894 году в уезде было 42.407 д. м. п. бывших поме-

[1]) „Материалы для оценки земель Саратовской губернии“, вып. I, часть 1, Саратов. 1906, стр. 171.

[2]) Донесение петровского уездного предводителя дворянства за соответствующий год в архиве дворянского собрания № 76.

щичьих крестьян и средний посев на душу м. п. составлял 2,4 десятины [1]).

Обратимся к данным по камышинскому уезду. Они относятся к 1841 [2]) и к 1886 г.г. Промежуток времени такой же, как и в предыдущем случае. По данным 1841 года крестьянский озимый посев составлял 10.977 четвертей, а яровой 24.532 четверти. При тех же нормах посева, какие мы брали для петровского уезда, это дает в круглых цифрах 11.000 и 16.300 десятин меры 3.200 кв. саж. или всего 27.300 десятин, а при переводе на десятины в 2.400 кв. саж. 36.000 десятин. В 1886 году вся посевная площадь у бывших помещичьих крестьян составляла 50.200 десятин—увеличение более значительное чем в петровском уезде. Число душ м. п. составляло в 1841 году—16.043. Для 1886 года мы находим в „Сборнике статистических сведений по камышинскому уезду“ только число душ обоего пола (39.344), которое мы делим пополам и получаем 19.667. На душу м. п. мы следовательно имеем в 1841 году—2,3 посева, а в 1886 году 2,5 десятины.

Это постоянство цифр заслуживает внимания. Хочется даже сказать, что оно поразительно. Сидя до реформы на помещичьей земле, платя оброк и отбывая барщину; живя после реформы на своем наделе, приарендовывая при этом землю и платя за нее деньгами и отработками, помещичий крестьянин в сороковые годы также, как и в восьмидесятые, засевал в среднем почти одно и то же количество земли на душу,—вероятно то количество, которое обеспечивало ему пропитание. Здесь есть нечто, напоминающее знаменитый закон о „минимуме средств существования“, который экономисты пытались установить для пролетариата обрабатывающей промышленности в начале XIX столетия.

Кроме сопоставления степени обеспеченности средствами производства, необходимо конечно еще и сопоставление тех результатов, которые достигались при помощи этих средств. Наибольшее значение имело бы сравнение урожаев и хлебных цен, относительно которых имеются некоторые, хотя и не вполне надежные материалы. Относительно урожаев для тех десятилетий, которые интересуют нас здесь, сделана сводка

[1]) Стоит также отметить преобладание озимых в 40-е годы и вытеснение их яровыми в последующие десятилетия. Под озимыми в 1849 г. разумеется рожь. „В количестве родившегося у помещиков ярового (60.000 чтв.) заключается: пшеницы 12.200, овса 14.830, гречи 4.900, проса 6 200, полбы 3.080, ячменя 2.100, гороху 9.200, чечевицы 100, семени конопляного 4.080, льна 3.000 и маку 250 чтв. У крестьян из ярового: пшеницы 20.580, овса 25.211, проса 10.970, полбы 5.000, ячменя 3.100, гречи 2.240, гороху 10.000, чечевицы 1.010, семени конопляного 8.400, льняного 15.000 чтв.“. Там же.

[2]) Донесение камышинского уездного предводителя дворянства за соответствующий год в архиве дворянского собрания.

в одном из справочных изданий статистического отдела саратовской губернской земской управы [1]). Они основаны на данных А. Ф. Фортунатова, военно-статистических сборниках и на материалах текущей земской статистики. Движение урожаев эта сводка рисует в следующем виде:

УРОЖАЙ (САМ).

	Ржи.	Пшеницы.
1842—1846	4,6	—
1847—1851	2,8	—
1857—1861	3,9	3,6
1862—1866	3,7	3,0
1872—1876	5,6	3,6
1877—1881	4,2	—
1882—1886	5,3	4,3
1887—1891	4,7	8,2

Урожай ржи как будто обнаруживает тенденцию к некоторому повышению. Относительно урожаев пшеницы этого однако сказать нельзя. В общем во всяком случае сколько нибудь существенного изменения урожаев в рассматриваемый период, повидимому, не происходило и крестьяне собирали со своих полей в первые десятилетия после реформы приблизительно столько же, сколько и накануне освобождения.

Что касается цен, то сведения о них очень скудны; у нас нет материалов, относящихся к территории саратовской губернии и об'емлющих весь интересующий нас период времени в течение 50-х и 60-х годов. Но на рынках, близких к саратовской губернии, цены повысились весьма значительно.

ЦЕНЫ [2])
(в рублях и копейках за четверть).

	САМАРА (пшеница).		ТАГАНРОГ (пшеница).	
	Высшая цена.	Нисшая цена.	Высшая цена.	Нисшая цена.
1852—56	4—99	4—08	7—57	2—88
1857—61	—	—	10—25	5—86
1862—66	10—45	6—56	10—55	5—61
1867—71	10—74	5—87	12—10	7—15

[1]) „Справочная книга и календарь статистического отдела“, издание Губернской Земской Управы, вып. 1, Саратов. 1894, ч. II, отдел 12, стр. 3 и 15.

[2]) Доклад высочайших учреждений комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности России. Приложение IV, С.П.Б. 1873.

	МОРШАНСК (рожь).		ТАГАНРОГ (рожь).	
	Высшая цена.	Нисшая цена.	Высшая цена.	Нисшая цена.
1852—56	2—32	1—75	3—32	2—69
1857—61	4—22	3—03	5—65	4—00
1862—66	3—76	2—66	5—85	3—80
1867—71	5—14	3—48	7—48	5—25

Зато, со второй половины 70-х годов, цены начали, как известно, быстро падать. К этому времени русский хлебный рынок был уже настолько тесно связан с мировым рынком, что об общих тенденциях можно судить и по движению экспортных цен. Если принять последние за 100 для пятилетия 1871—1875, то в следующие пятилетия они понижались неуклонно.

СРЕДНИЕ ЦЕНЫ ОТПУСКНЫЕ [1]).

	Пшеницы.	Ржи.
1871—75	100,0	100,0
1876—80	93,0	90,8
1881—85	83,6	91,0
1886—90	60,4	62,6

Через три десятилетия после реформы в связи с мировым аграрным кризисом цены упали на 40%, т. е. цены снова почти возвратились к дореформенному уровню. Движение цен в саратовской губерний могло, конечно, иметь свои особенности, но нет основания допускать существенные отличия в основных тенденциях. После освобождения бывший помещичий крестьянин стал было продавать свое зерно по гораздо более выгодным ценам, чем в крепостное время, но благоприятная кон'юнктура довольно быстро прошла, хотя следует все-же иметь в виду, что цены понизились лишь до уровня средины, но отнюдь не до уровня первой половины XIX века.

Обратимся к еще одной стороне вопроса о положении помещичьих крестьян, прежде чем сделать попытку подвести итоги.

[1]) „Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России" (под ред. В. Покровского), стр. 19,23.

За ту землю, которую крестьянин получал от помещика и которая по действовавшему праву была помещичьей землей, он должен был платить деньгами, продуктами или работой. Самый труд, или продукт труда делился на части, причем одна часть доставалась помещику, а другая часть оставалась мужику. Законодатель исходил из того, что делить следует поровну—таков был смысл указа Павла I о трехдневной барщине. На деле дележ производился несколько иначе. Для нас важно установить, во-первых, как производился этот дележ; и во-вторых, нам нужно еще установить,—для того, чтобы суметь оценить значение дореформенного „распределения“ для крестьянского хозяйства,—как изменялся принцип дележа в пореформенное время.

Барщинные крестьяне обрабатывали в среднем на себя несколько больше, чем на помещика. Мы констатировали это уже в предыдущей главе. Они могли это сделать, несмотря на существование трехдневной барщины и несмотря даже на то, что помещик нередко стремился выйти за пределы трех, законом предоставленных ему дней. Но то, что такое распределение земли было вполне совместимо с трехдневной барщиной, указывал уже В. И. Семевский:... „в распоряжении крестьян,—писал он,—было обыкновенно... не три, а четыре свободных дня, т. к. они могли работать и в воскресенье; во вторых, на своей работе, несомнено, нередко употреблялись и нетяглые работники и, наконец, интенсивность труда крестьян на своей пашне была, разумеется, несравненно выше, чем на барщине. Благодаря всем этим условиям, они и могли в четыре дня сработать на себя вдвое больше того, что исполняли на господина в три дня“ [1]).

Из всего продукта полевого хозяйства крестьяне получали повидимому несколько более половины, ибо, если в некоторых вотчинах помещичья запашка и разрабатывалась лучше, чем крестьянская, то тем меньше должна бы быть земельная доля помещика для того, чтобы на нее хватало имевшегося количества рабочих рук. Это вполне подтверждается фактом сравнительно небольших господских посевов в крупных благоустроенных вотчинах (у Нарышкиных, Львовых и др.) и массовыми данными по вольскому уезду. А если доля барщинных крестьян была несколько больше половины, то тем более благоприятным было положение оброчных крестьян.

---

[1]) „Крестьяне в царствование Екатерины II“, т. I, стр. 65—66.

В пореформенное время в распределении долей произошли изменения. В „Материалах для оценки земель саратовской губернии“ имеется попытка [1]) разрешить для начала XX века вопрос аналогичный рассматриваемому нами. В. И. Серебряков вычислил доходность одной десятины с'емной земли по 4 уездам и сопоставил ее с арендными платежами. Мы возьмем из данных В. И. Серебрякова те, которые возможно сопоставить с нашими выводами, полученными для дореформенного барщинного хозяйства. Крестьянский доход взят ниже в виде разности между ценностью всего чистого сбора и арендной платой.

Процентное отношение дохода крестьян к ценности чистого сбора с десятины.

	Рожь.	Овес.	Пшеница.	Просо.
Аткарский у.	45%	36%	54%	42%
Балашовский у. . . .	40%	29%	47%	28%
Петровский у.	49%	31%	—	40%
Сердобский у.	40%	31%	—	23%

Все эти данные относятся к 1900—1904 годам, Из всего сбора крестьянин получал меньше половины. Или, если выводить отношение крестьянского дохода к помещичьему доходу на помещичьей земле, то мы получим числа от 1:4 (просо, сердобск. у.) до 1:1 (пшеница, аткарск. и балашовск. у.у.). Соотношение долей изменялось не в пользу крестьян.

Правда, цифры 1900—1904 г.г. относятся только к арендованным землям, кроме которых у крестьян были и надельные земли. Но за последние крестьяне уплачивали до начала XX столетия выкупные платежи, которые были близки к оброкам крепостного времени. А для огромной в саратовской губернии группы крестьян-дарственников арендный фонд имел гораздо большее значение, чем собственный ничтожный надел.

Перед нами прошли некоторые сведения о земельной обеспеченности крестьян, о размерах посевов, о крестьянском скотоводстве, об урожаях и о ценах. Мы привели то, что могли собрать для дореформенного периода. Какой же можно сделать вывод из этих цифр? Было ли крепостное население зажиточнее или беднее, чем пореформенное

---

[1]) Выпуск I, ч. 1, стр. 145 и сл.

крестьянство, быт которого мы представляем себе по впечатлениям и воспоминаниям последних десятилетий XIX века?

Мы должны признать, что наших данных недостаточно для решительного суждения. Несомненно, что в крепостное время крестьяне лучше обеспечены были скотом. Но во-первых, на крестьянах лежали исчезнувшие после освобождения извозные повинности и крестьянским скотом возделывалась в барщинных вотчинах помещичья земля. Во-вторых, саратовская губерния в первой половине XIX века была значительно более скотоводческой, чем во второй половине столетия. Еще Никольский писал: „не так давно скотоводство представлялось в большом размере: многие хозяева имели по 15, 20, 30 и более лошадей, по 50 штук рогатого скота, до 200 и 300 овец. По раздольному простору скот содержали на манер времен патриархальных: косяки лошадей без пастуха паслись целое лето по степям, рогатый скот почти также, для пастьбы овец хозяин выбирал любое место“ [1]). Но он же рисовал картину самого беспечного и дурного содержания скота и не исключено поэтому, что с сокращением числа голов, качество скота несколько улучшилось.

Что касается земельной обеспеченности, посевов и сборов, то крестьянин платил за землю в дореформенное время меньше, чем после реформы. Но зато он и дешевле реализовал свой урожай.

Вне нашего рассмотрения остались, наконец, такие существенные моменты, как распространение некоторых культур (бахчи, картофель) и промыслов в пореформенные десятилетия. Для крепостной эпохи у нас почти что не было материалов по этим вопросам.

Но именно эта неопределенность делает наиболее *вероятным* тот вывод, что существенного сдвига в течение нескольких десятилетий после реформы в благосостоянии основной массы крестьян саратовского края вообще не произошло. Если исключить районы, которые в пореформенное время оказались в особливо благоприятных условиях (близь железных дорог, городов, пристаней с возросшей торговлей), то крепостной средины XIX столетия по своей хозяйственной мощи, или немощности повидимому довольно мало отличался от „бывшего помещичьего“ крестьянина последней четверти XIX столетия.

Но он не походил на последнего по многим юридическим и бытовым условиям своей жизни и о некоторых из этих условий в губернских архивах сохранился значительный материал.

---

[1]) Никольский, стр. 109.

Материал, о котором мы говорили, составляют крестьянские жалобы. В 1826 году (19 июня и 6 сентября) изданы были высочайшие рескрипты на имя министра внутренних дел, которыми на предводителей дворянства возлагалась обязанность иметь надзор над обращением помещиков с крестьянами. В случае жестокого обращения или разорения крестьян уездные предводители должны были „под рукой“ производить негласное расследование, сообщать о нем губернскому предводителю, который в свою очередь доносил губернатору об обнаруженных злоупотреблениях.

Дела по таким расследованиям хранятся в архивах дворянских депутатских собраний. По всей России их должно существовать огромное количество и они представляют в своей совокупности высоко-ценный материал для характеристики юридических, хозяйственных и бытовых условий крепостной жизни в течении последних 35 лет перед крестьянской реформой. В саратовском архиве все они помечены надписью „секретно“. Секретный характер делопроизводства вытекал из требований рескриптов 1826 года и он обесценивал конечно до известной степени значение расследований. Но, повидимому, на деле секретность не всегда соблюдалась и исчезала во всяком случае тогда, когда вопрос об учреждении опеки над имением помещика, „доведшего своих крестьян до разорения“, передавался на рассмотрение дворянского депутатского собрания.

В архиве саратовского депутатского собрания нашлось 198 таких расследований. Все они за ничтожными исключениями (содержание которых к тому же не вполне ясно) возникли по жалобам крестьян. Мы увидим сейчас, к кому крестьяне обращались со своими жалобами, а пока познакомимся с хронологической стороной вопроса и расположим жалобы по годам.

ГОДЫ.	Число жалоб.		ГОДЫ.	Число жалоб.	
1826	—		1831	3	
1827	18		1832	2	
1828	9	31	1833	1	9
1829	—		1834	3	
1830	4		1835	—	

Годы.	Число жалоб.		Годы.	Число жалоб.	
1836	1		1851	4	
1837	3		1852	6	
1838	3	11	1853	4	20
1839	3		1854	3	
1840	1		1855	3	
1841	6		1856	—	
1842	3		1857	1	
1843	1	12	1858	19	79
1844	—		1859	23	
1845	2		1860	36	
1846	3				
1847	5				
1848	13	36			
1849	8				
1850	7				

Мы не включили сюда жалоб 1861 г., потому что по содержанию своему они относятся к другой эпохе. Они характеризуют уже переходное время от крепостного права к пореформенным порядкам. Если сгруппировать жалобы по пятилетиям, то число их сравнительно велико в первое пятилетие (1826—1830), в пятое (1846—1850) и в седьмое (1856—1860). Что касается отдельных лет, то выделяются годы: 1827, 1828, 1848, 1858, 1859 и 1860. Все это вполне понятно. Реакция на первый рескрипт была сравнительно сильной, ибо всплыли дела давно уже назревшие. Затем наступила полоса затишья. В 1848 году снова было довольно много жалоб, может быть, в какой-то отдаленной связи с политическим брожением, охватившим тогда всю Европу. Наконец, накануне освобождения крестьян, в те годы, когда подготовлялась реформа, общественная атмосфера была всего более напряженной, крепостные ждали воли, особенно болезненно реагировали на эксцессы в области вотчинного управления и смелее, чем раньше, обращались к представителям государственной власти. Ежегодное число жалоб очень невелико: одна, две, три жалобы образуют общее правило, а средняя для всего периода, если включить и

годы наибольшего оживления, все же дает только 5—6 жалоб на 10 уездов губернии. Поводов для жалоб несомненно было гораздо больше и рассмотрение их не оставляет никаких сомнений в том, что многие из них характеризуют обычные и в этом смысле нормальные, а не патологические условия крепостного быта саратовской деревни. Не всегда легко было подать жалобу. Жалоба на помещика была экстраординарным событием в жизни вотчины. Так смотрел на нее помещик и, повидимому, так же смотрели на нее и крепостные крестьяне. Почти всегда жалоба требовала самовольной отлучки, которую помещик характеризовал, как побег. Жалобщик, наказанный полицией и возвращенный владельцу, подвергался дома вторичному наказанию. Если в этой очень трудной обстановке жалобы тем не менее поступали, то это свидетельствует о сильном обострении отношений во многих деревнях.

Отношение начальства к жалобам было очень различно. Органы общей администрации, как это и следовало ожидать, чаще бывали, или по крайней мере, стремились быть безпристрастными судьями, чем предводители дворянства. Дворяне призваны были играть роль судей в своем собственном деле и много раз жалобщик крестьянин превращался поэтому из обвинителя в обвиняемого. Дворянские предводители обнаруживали иногда в этих делах крайнюю деликатность по отношению к помещикам. Случалось, хотя вероятно совсем не часто, что полиция принимала сторону крепостного населения. Это означало борьбу не только с отдельным помещиком, но и с сословными представителями. О таком происшествии сохранилось любопытное дело и мы приведем относительно него выписку, взятую из письма вольского уездного предводителя к губернскому предводителю дворянства. „Позвольте мне об этом (деле) с Вами поговорить как с родным. По моему мнению нам бы следовало пока ограничиться сделанным мною дознанием, не приступая к формальному исследованию всех обстоятельств изложенных в об'яснениях Клеберга (управляющего имением княгини Ливен по поводу жалобы на истязание работой). По приезде его из Саратова я вызову его к себе и постараюсь свести его с Ушаковым (земским исправником). Сам же Клеберг говорил мне, что если только крестьяне узнают, что он сошелся с исправником, то в Терсе не будет ни одной жалобы и все будет спокойно. Исправник наш, человек очень хороший, честный, но мало знакомый с порядком гражданской службы и, желая себя оградить в будущем, слишком принимает к сердцу жалобы крестьян. Что Клеберг прежде бывал несправедлив в управлении, это верно,

но теперь он уже научен бывшим дознанием и осторожен, и я надеюсь, что если вы разрешите мне так действовать, вернув мне и об'явление Клеберга, на что он в претензии не будет, мы достигнем желаемых результатов [1])".

Исправник был слишком зависимым лицом, чтобы такого рода разногласия между полицией и предводителем случались часто. Но губернатор, может быт именно в силу своей независимости в порядке назначения, чаще выступает в качестве более беспристрастного органа власти, чем прямые представители дворянского сословия. Впрочем тут имело значение еще одно обстоятельство. Во многих делах, особенно в тех, которые восходили в сравнительно высокие инстанции, заметно несомненно желание устранить злоупотребление.. Но всюду, где это бывало, блюстители государственного закона совершенно ясно стоят на одной и только на одной точке зрения: полицейского порядка. Губернатор иногда обрушивается на помещика, беспорядочно и с жестокостью распоряжающегося в своей вотчине. Последнему иной раз не помогают ни ссылки на исконные дворянские права, ни указания на возможный подрыв престижа помещичьей власти. Но губернатор блюдет при этом главным образом одно: спокойствие в губернии. Если помещик довел крестьян до нищенства и они бродят по губернии, если мужики в результате жестокого обращения угрожают восстать, тогда власть доводит расследование до конца и принимает более решительные меры.

Накануне освобождения, особенно в 1859 и в 1860 годах отношение местной власти к крестьянским жалобам и к хозяйственным распорядкам в вотчинах существенно изменяется по сравнению с предшествующими десятилетиями. Появляется гораздо большая склонность к удовлетворению жалоб. Предводители входят в рассмотрение того, справедливо ли назначен оброк, имелись ли достаточные основания для отдачи в рекруты; требуют иногда отмены распоряжений вотчинника и наказания крестьян не иначе как через земскую полицию. У помещиков отбирают наконец своеобразную подписку, юридические основания которой были впрочем довольно сомнительны. Вот образец такой подписки: „Дана сия от меня подписка саратовскому губернскому предводителю дворянства в том, что я своим дворовым людям и крестьянам притеснений делать не буду, равно и домашних притеснений им допускать не буду—в

[1]) Архив Саратовского губернского дворянского собрания. Дела по личной части губернского предводителя дворянства 1858 г., № неразборчив.

противном случае подвергаю себя разбирательству по законам. Саратов, 11 января 1860 года. Губернский Секретарь Сергей Алексеев сын Фофанов"...

Кому подавались жалобы? Крестьяне стучались во все двери, но при этом наметились некоторые торные пути, направление которых определялось до известной степени содержанием рескриптов 1826 года,

КОМУ ПОДАНА ЖАЛОБА.	Число жалоб.
Губернатору	40
Губерн. Пред. дворянства	67
Уездн. Пред. дворянства	36
Полиции	19
Жандармскому штаб-офицеру	8
Другим лицам [1]	11
Неясно кому	17
ВСЕГО . . .	198

В первый год после раскриптов жалобщики направлялись преимущественно к саратовскому гражданскому или военному губернатору. Позднее они шли главным образом к губернскому предводителю дворянства. Очень трудно сказать, какие мотивы могли играть решающую роль в выборе инстанции. Малое число жалоб уездному предводителю, который был всего ближе и который все равно должен был производить дознание по всякому такого рода делу, могло об'ясняться и тем, что крестьяне питали мало доверия к этой близкой власти, и тем, что часть дел ликвидировалась у уездных предводителей в порядке устных переговоров, не оставляя бумажного следа, и не доходила до губернского предводителя, из архива которого взяты приведенные здесь сведения.

На что жаловались крестьяне? Этот вопрос представляет наибольший интерес.

---

[1]) На высочайшее имя, сенаторам, министру внутренних дел, губернскому прокурору.

СОДЕРЖАНИЕ ЖАЛОБ.	Число жалоб.
Жестокое обращение	77
Хозяйственные притеснения . .	63
То и другое вместе	45
Неясно	13
ВСЕГО. . . .	195

Жестокое обращение упоминается всего в 122 жалобах. Хозяйственные притеснения упоминаются в 108 жалобах. Но так как слова „жестокое обращение" мы взяли в очень широком смысле, и включили сюда даже неправильную отдачу в рекруты, то можно сказать, что почти половина жалоб вызвана хозяйственными условиями жизни крепостных. Многие жалобы приносились устно и были изложены потом в документах столь кратко, что невозможно восстановить конкретную картину того, что послужило их основанием. Но иные жалобы воспроизведены детально и мы приведем здесь для примера некоторые подробности из них.

В тех жалобах, которые вошли в первую нашу группу, говорится об „истязаниях", „избиении", „неизмеримых наказаниях", „жестоком обращении", „неистовстве", „развратном поведении", о „жестоких наказаниях розгами", „растлении", „изгнании из дому" и т. д. Многое из всего этого составляло бытовое явление того времени и мы увидим ниже, что эти жалобы часто не приводили ни к каким результатам. В отдельных случаях помещик выходил за пределы того, что власть почитала, если не нормальным, то по меньшей мере терпимым, и реакция начальства бывала тогда сильней. Так крестьянином камышинского уезда в 1859 году принесена была жалоба на наказание его 400 ударами розог [1]). В 1830 г. разбиралось дело о помещике сердобского уезда Богданове, у которого вследствие жестокого обращения удавилось двое крестьян [2]). В том же сердобском у. в 1832 г. исправник нашел у помещика Симанского „скованных в оковах дворового человека Степана Николаева с крестьянином Иваном Григорьевым, женщину капитанши Симанской Агафью Афанасьеву беременную и при послед-

[1]) Арх. сар. губ. двор. собр. Дела по личной части сар. губ. пр. дв. 1859 г., № 17.

[2]) Арх. сар. губ. двор. собр. Дела по личной части сар. губ. пр. дв., 1830 г., № 34.

них тягостях с крестьянином Андреем Григорьевым“. Они были скованы четвертые сутки и т. к. управляющий отказался расковать их в отсутствие помещика, то об этом распорядился сам исправник. Впрочем, когда приехал Симанский, то он об‘явил, „что люди те скованы по приказанию его, ибо он человека Степана Николаева намерен отдать в рекруты, почему того человека г. исправник ему отдал“. А у девки, прибавляет донесение, „спина была вся иссечена и слилась в один струп“ [1]). В 1828 г. аткарский земский исправник рапортовал, что им „действительно найдены (дворовые девки) замкнутыми вместе нога с ногой в железах, употребляемых для спутывания лошадей, первой из них 40 лет, другой 60 лет, они по приказанию его (исправника) старостою госпожи Евсюковой тогда же освобождены“ [2]). Находились обе женщины в таком положении около года. В этих крайних случах начальство или суд принимали меры против помещика. Законодательство предусматривало даже возможность запретить помещику пребывание в его вотчине, но губернатор не часто пользовался этим предоставленным ему правом. Обычно жалобщик оставался до конца рассмотрения дела (как впрочем, почти всегда и после окончания) под властью того же господина. Сердобский уездный предводитель, сообщая в 1827 г. губернскому предводителю о мерах принятых уездным судом против помещика Бессонова, писал, что суд „возвратя... сие дело к учинению по оному (дополнительного расследования) с тем вместе и самого Бессонова отпустил в собственное его имение, а дабы он еженедельно являлся в тот суд, равно как и не чинил никаких истязаний за проступки своим людям без ведома земской полиции (но истязания,—прибавлял предводитель, запрещены и самой земской полиции) в том обязать наикрепчайшей подпиской, которая как бы крепка не была но все только бумага“ [3]). Это замечание можно отнести почти ко всем аналогичным делам.

Однако мы можем остановиться лишь вскользь на этой стороне крепостных отношений. Другие и при том не менее яркие примеры можно найти для саратовской губернии и у Мордовцева (накануне воли) и у Хованского их имеется еще очень большое число и в просмотренных нами материалах.

---

[1]) Арх. сар. губ. двор. собр. Дела по личной части сар. губ. пр. дв. 1823 г., № 57.

[2]) Арх. сар. губ. двор. собр. Дела по личной части сар. губ. пр дв. 1828 г., № 92.

[3]) Арх. сарат. губ. двор. собр. Дела по личной части сар. губ. пр. дв., 1827 г., № 27.

В тех жалобах, которые мы отнесли ко второй группе, говорится о работе в праздничные дни, о недостатке продовольствия, о переходе от оброка к барщине, о требовании помещиком четырех и пяти барщинных дней, об отобрании имущества, о больших поборах, о вымогательстве денег при отдаче в рекруты, о продаже крестьянских лошадей, о невыдаче хлеба в неурожайные годы и т. п. В 1842 г. большая часть крестьян села Караваевки графов Толстых в вольском уезде скитается по миру по случаю неурожая [1]). В 1827 г. крестьяне слободы Кленовки гв.-прапорщицы Киреевой в камышинском уезде жалуются на стеснения, лишившие их „всех пособий к содержанию и пропитанию“, на воскресные работы и на то, что помещица, „отобрав прежде владеемую ими землю, отдает в оброк, или же дала вместо оной такую, что не только хлеба, трава не родится“ [2]). Крестьянин села Сокур кн. Голициных в саратовском уезде пишет в 1831 г.: „Князей Голициных управляющий Янковский с прочими начальниками нашими посылают не только меня и прочих, находящихся на господской работе, на работу господскую во все рабочее время с самой среды Святой Пасхи и поныне по неделе и по две сряду, как во время посева хлеба, так и ныне в рабочее хлебной нужной уборки время, но даже принуждают нас всю барщину работать на господ в воскресные и праздничные дни под предлогом помочи вместе с теми, которые на оброке находятся; каковым беспорядочным распоряжением доводят меня с прочими братьями до совершенного разорения и отягощения судьбы нашей и сверх того делают нам жестокое и безжалостное наказание“ [3]). В 1834 году предводитель николаевского уезда замечает „нищенствующих и скитающихся значительным числом по деревням из крестьян госпожи графини Ирины Ивановны Воронцовой из разных деревень ее состоящих в предводительствуемом мною николаевском уезде“ [4]). Помещик кузнецкого уезда Глазков, как о нем доносит в 1827 году уездный предводитель, „угоняет бессрочно анненковских крестьян на винный завод, состоящий в пензенской губернии и уезда почти в 100 верстах от села, не вознаграждая дней, употребленных крестьянами в отдаленности от жилищ

[1]) Арх. сар. губ. двор. собр. Дела по личной части сар. губ. пр. дв., 1842 г., № 28.

[2]) Арх. сар. губ. двор. собр. Дела по личной части сар. губ. пр. дв. 1827 г., № 84.

[3]) Арх. сар. губ. двор. собр. Дела по личной части сар. г. пр. дв., 1831 г., № 77.

[4]) Арх. сар. губ. двор собр., Дела по личной части сар. г. пр. дв., 1834 г., № 80.

своих, а тотчас во возвращении употребляет беспрестанно в свою работу, причем приводит их в истощение" [1]). Крестьяне помещика Сабурова хвалынского уезда сообщают в 1849 году: „по случаю прошлогоднего неурожая хлебов пришли мы все в такое бедственное положенне, что помираем гладом, но хотя первый раз просили мы лично своего помещика господина Сабурова, как выдал нам в декабре месяце прошлого года на каждое тягло по одному рублю серебром и обещался впредь на каждый месяц выдавать, но мы по прошествии того месяца несколько раз его Сабурова утруждали, но он решительно нам совсем пособие отказал, а мы теперь пришли в такое бедственное положение, даже проели собственную свою скотину и последних лошадей, не имеем даже и коров, решились прибегнуть под защиту Вашего Превосходительства" [2]). В большой экономии помещицы Жерард в кузнецком уезде „по сведениям собранным от крестьян, все имущество их, как оброчных так и барщинных, по числу более 1230 душ обоего пола заключается (в 1860 г.) в следующем: лошадей—79, коров—138, овец—156, коз—5, свиней—83, кур—861 [3]).

Нельзя, конечно, брать все крестьянские жалобы a la lettre. Администраторы дореформенного времени прекрасно знали. а помещики охотно подчеркивали, что эти жалобы составляются специалистами, странствующими граматеями и во всяком случае почти всегда лицами не из крестьянской среды, недостаточно притом развитыми для того, чтобы ограничиться в этом деле чисто юрисконсультской ролью. Жалобы написаны очень часто однообразным витиеватым стилем. Кое-что в них писалось для красного словца. Случается, что жалобщики смутно представляют себе, что собственно в жалобе написано. Однако из жалоб можно вынести с совершенной уверенностью то заключение, что устойчивые патриархальные отношения были редки и между помещиком и крепостным шла напряженная экономическая борьба, в которой сильнейшая сторона прибегала нередко к мерам жестоким. Вотчинник добивался увеличения дохода. Это достигалось прежде всего при помощи переселений. Это достигалось затем при помощи перехода от оброка к барщине. Это достигалось наконец при помощи целого ряда попыток удлинить то время, которое крестьяне должны были отдавать в его распоряжение, причем, однако помещик сплошь и рядом отказывался обеспечить своих

---

[1]) Арх. сар. губ. двор. собр Дела по личной части сар. губ. пр. дв. 1827 г., № 30.

[2]) Арх. сар. губ. двор. собр. Дела по личной части с. г. пр. дв. 1849, № 28.

[3]) Арх. сар. губ. двор. собр. Дела по личной части с. г. пр. дв., 1860, № 6.

крестьян в периоды хозяйственных катастроф, в особенности неурожаев, частых и страшных на юго-востоке.

Если сгруппировать хозяйственные жалобы по их содержанию, то получится следующая таблица:

ПРЕДМЕТ ЖАЛОБ.	Число жалоб.
Обременение работами вообще	24
Несоблюдение барщиных дней	13
Работа в праздники	15
Отобрание имущества	8
Поборы натурой и деньгами	12
Недостаток пищи и одежды	25
Другие хозяйственные притеснения	11

Жалобы зарегистрированы здесь по главному своему предмету. Больше всего жалуются крепостные, состоящие на изделье. Затем следуют дворовые, ибо жалобы на недостаток пищи и одежды исходит от них. „Обременение работой вообще“ заключается либо в чрезмерной длине рабочего дня, либо в назначении больших уроков, либо в тяжелых подворных повинностях, которые несут и оброчные и барщинные крестьяне, либо в привлечении к работе стариков и т. п. На поборы натурой и деньгами жалуются главным образом оброчные крестьяне.

Мы характеризовали кратко число жалоб и содержание их. Нам остается еще обозреть их результаты.

Исход многих дел неясен. Число их составляет 78 из 198. В остальных случаях вопрос разрешается 76 раз в пользу крестьян и 44 раза против них. Это следует понимать в том смысле, что в 76 случаях жалобы признаны основательными и приняты какие либо меры в защиту крестьян, а в 44 случаях жалобы крестьян признаны неосновательными или ложными. Но основательность жалобы далеко не всегда избавляла крепостного от наказания. Так, например, крестьяне деревни Софьиной помещицы Лавровой три раза жалуются в течении 1832 и 1833 г.г., сперва уездному предводителю, затем саратовскому гражданскому губернатору „на непомерные в порядке работ и повинностей стеснения“. В результате крестьянам делается внушение о необходимости повиновения помещику, помещику делается внушение о менее стеснительном управлении крестьянами;

кроме того крестьян, явившихся к уездному предводителю водворяют обратно через Нижний Земский Суд, а часть крестьян, явившихся к губернатору, подвергается наказанию розгами и бритьем половины головы.

„Неосновательные жалобы“ могли иметь последствием только наказание крестьян: особенно часто телесное. Основательные жалобы вызывали более или менее мягкие или решительные мероприятия начальства против помещиков. Градация была приблизительно такой. Письмо предводителя с советом, вызов к предводителю и убеждение, внушение (термин, постоянно употребляемый в рассматриваемых документах), отмена распоряжений помещика, взятие подписки об изменении обращения с крестьянами, установление надзора полиции, отстранение от управления опекуна или управляющего, запрещение пребывать в собственной вотчине[1]), отдача под суд, установление опеки. Запрещение пребывать в своей вотчине, обычно сопровождало возбуждение дела о взятии имения в опеку. Иногда различные меры принимались последовательно одна вслед за другой: дело могло начаться внушением и кончиться опекой. В табличке, которую мы приводим ниже, мы регистрируем каждое дело по наиболее строгому, т. е. по последнему взысканию, которому был подвергнут вотчинник. Не всегда возможно отличить совет от внушения, ибо терминология делопроизводства не всегда точна и однообразна. Поэтому мы соединили все действия предводителей, по своему содержанию близкие к внушению, в одну группу. Наконец отмена распоряжения помещика часто бывала результатом внушения, а не специального постановления начальства. Эти случаи невозможно выделить и они не попали в табличку. Все дела об опеке соединены в одну группу, потому что результат этих дел не всегда виден из наших документов.

Реакция на жалобы уездного и губернского начальства довольно редко бывала строгой. Трудно предположить, чтобы совет и внушение достигали очень существенных результатов. Сплошь и рядом сами уездные предводители указывают, что они не достигают цели и в вотчинах все остается по старому. Между тем если устранить их, то мы имеем лишь 33 случая сколько нибудь решительного воздействия власти на помещиков. Это—33 случая за 34 года, что составляет по одному случаю в год. В таких условиях,

[1]) Эта мера стала применяться более широко лишь после 1853 года. Согласно высочайшего повеления в случае, если предписанные рескриптом 6 сентября 1826 г. внушения окажутся безполезными, то по соглашению губеркатора с губернским предводителем дворянства, помещик должен быть немедля высылаем из имения в губернский город до окончания дела законным порядком. (Дело № 54, 1853 г., Арх. Губ. Двор. Собр.).

Результаты жалоб, признанных основательными.

СОДЕРЖАНИЕ ВЗЫСКАНИЯ.	Число случаев.
Совет и внушение.	43
Отмена распоряжения помещика.	3
Отстранение от управления опекуна или управляющего	6
Отдача под надзор полиции	4
Отобрание подписки	6
Возбуждение судебного преследования. .	4
Возбуждение дела о взятии имения в опеку.	10
ВСЕГО.	76

при несомненном существовании частных злоупотреблений, рескрипты 1826 г. конечно не могли внести заметные изменения в хозяйственную и бытовую стороны крепостных отношений. Историк со временем с благодарностью вспомнит о них, потому что они дали большой материал для характеристики русской деревни в последние десятилетия перед освобождением. Но в дореформенной жизни они остались одним из мелких паллиативов, принятых лишь тогда, когда поставлена была уже задача ликвидации самого крепостного права.

Раз жалобы не помогали, крестьянская масса искала иных выходов из положения. Эти выходы существовали во все времена и крепостные прибегали к ним в первой половине XIX века совершенно также, как и в предшествующие столетия: они реагировали на тяжелые условия крепостного быта бегством и возмущениями.

Отдельные случаи побегов происходили из года в год. Некоторые из них рассказаны в книге Хованского, не раз уже цитированной нами. Другие упоминаются в тех делах, которые нам пришлось просмотреть. Невозможно подвести статистический итог этим случаям, чтобы составить себе точное представление о частности побегов. Но несомненно, что побеги составляли и в XIX веке распространенное бытовое явление, борьба с которым велась помещиками настойчиво, но не всегда успешно. Помещики часто жалуются на побеги и тот отрывок из письма помещицы камышинского уезда Силкиной, который мы приводим ниже, является лишь типичным обрасчиком крепостной литературы этого рода. „Крестьяне мои, пишет помещица уездному

предводителю,—я полагаю имеют злодейские намерения в отношении меня: все бежавшие от меня люди почти явно живут в домах своих родственников, не скрываясь даже от посторонних, знающих их; но важнее всего то, что в числе беспрестанно приходящих на хутор мой неизвестных людей. несколько раз замечала беглецов г. Скибиневского... Схватить их не имею никакой возможности“ [1]).

Обычно крепостная практика имела дело с единичными побегами, но иногда побеги принимали массовый характер и должны были серьезно отражаться на состоянии тех помещичьих хозяйств, которые внезапно лишались рабочей силы. В одном из дел 1825 года имеются сведения о таком массовом уходе крепостных от своих помещиков.

Летом 1825 года губернский предводитель дворянства рассылает запрос такого содержания: „известно мне, что по некоторым уездам саратовской губернии, помещичьи крестьяне. веря неизвестно от кого происшедшим ложным слухам, делают побеги на Урал, оставляя дома и целые семейства. Из ответов явствует, что побеги действительно были в разных местах. В царицынском уезде бежали крепостные помещиков Персидских и Скибиневских „возмечтавшие, как жаловался полковник Скибиневский, по каким-то зловредным слухам о мнимой их свободе и переселении на свободные казенные земли, где они полагают быть приняты и водворены“. У помещика вольского уезда Ухова бежало 53 человека. Вольский уездный предводитель донес, „что действительно до сведения его дошло от многих помещиков вольского уезда, равно и из других уездов через здешний помещичьи крестьяне делают неизвестно куда побеги“.

Наибольшее распространение побеги получили в хвалынском уезде и здесь уездный предводитель составил даже подробную ведомость о них. С 25 мая по 4 июля крестьяне бежали от 56 помещиков одного этого уезда; бежали то в одиночку, то группами в 5, 8, 10, 15, в одном случае (у помещика Тенякова) в 30 человек. Всего бежавших было 313 душ. В той же ведомости имеются сведения о пойманных в хвалынском уезде беглых крестьянах. Их оказалось в течение июня 1825 года 180 душ из разных уездов саратовской, симбирской и пензенской губерний. Из числа беглых крестьян хвалынского уезда поймано было пока только 38. Результаты дальнейших розысков неизвестны.

Материалов о возмущениях имеется сравнительно очень много. Их можно найти в архивах губернского правления,

[1]) Архив сар. губ. двор. собр. Дела по личной части губ. предводителя дворянства 1841 года, № 61.

дворянского собрания, дореформенных судебных учреждений и жандармского управления. Часть этих материалов по саратовскому краю была разработана Мордовцевым в его книге „Накануне воли“, многие документы были использованы Хованским в его исследовании о саратовских помещиках и крестьянах. В бытовом и политическом отношении эти материалы представляют огромный интерес. Нередко в них имеются указания существенные и для характеристики условий помещичьего и крестьянского хозяйства. Некоторые из этих материалов были использованы нами выше. Но в основной своей части они по содержанию своему выходят за пределы того, что подлежало нашему изучению,, и мы не остановимся поэтому на них. Разработка вопроса о крестьянских волнених на основании богатых источников провинциальных архивов может быть предметом специальных исследований.

Крепостные крестьяне жили зажиточно, или скудостно. смотря по местности и смотря по обстоятельствам. Если сравнивать их жизнь в дореформенное время с условиями их быта в течение нескольких десятилетий после преобразований 60-х годов, то основных различий приходится искать не в степени их обеспеченности орудиями производства и не в ином распределении между общественными классами продукта земледельческого труда. Если подходить к хозяйственным условиям обеих эпох с этими критериями, то мы иной раз найдем очень мало различий. Значительная часть *хозяйственного* содержания крепостных отношений продолжала жить во второй половине XIX столетия. „Те, кто в 1861 году полагали, что экономически Россия совлекла с себя вехого Адама крепостного хозяйства, в значительной мере ошиблись. Вся аграрная экономика пореформенной России носит на себе черты крепостного хозяйства. Что такое помещичье хозяйство с крестьянским инвентарем, что такое все эти формы крестьянской аренды: за отработки, за отрезки да и зачистые деньги, которые не доставляют арендатору ни атома прибыли и вторгаются в область минимальной заработной платы, что это как не наследие крепостного хозяйства“ [1]). Это наследие просуществовало в течении нескольких десятилетий: оно стало исчезать лишь в начале XX столетия, благодаря быстрому разложению дворянского землевладения, благодаря удачной кон'юнктуре хлебного рынка и целому ряду других условий русской жизни.

---

[1]) П. Б. Струев, Крепостное хозяйство, стр. 159.

Действительно глубокие различия в быте крестьян в дореформенное и в пореформенное время лежали скорее в области юридических, культурных и общих народно-хозяйственных условий, которые перерождали постепенно нашу деревню, теснее связывали ее с городом и городской культурой, и подготовляли почву для образования юридически и хозяйственно самостоятельного крестьянства.

1.

В вотчине полковника Афанасия Прибыткова, Петровского уезда.

(Дела по личной части саратовского губернского предводителя дворянства 1849 года № 143. Архив губернского дворянского собрания).

Дело начинается с двух жалоб, поданных почти одновременно саратовскому губернскому предводителю дворянства: 9 декабря 1849 года помещик петровского уезда полковник. Афанасий Прибытков пишет жалобу на вмешательство местных властей в его вотчинные дела; 15 декабря петровский уездный предводитель шлет донесение о положении вещей в Прибытковской вотчине.

Письмо помещика Прибыткова к саратовскому губернскому предводителю дворянства от 9 декабря 1849 года.

Ваше Превосходительство!

Неслыханное происшествие у меня случилось в имении моем селе Лопатине петровского уезда. Мне доносят бурмистр и приказчик, что 26-го ноября отобраны от бурмистра исправником Измаильским мои приказы и что собраны им без всякого моего ведома *по рублю по 50 копеек с души*, за порубку какого-то леса в 1846 году. Нынешнего года весной я отправлял к нему бурмистра, за мошенничества для наказания, он его не наказал. Мошенника Якова Денисова, которого я представил в губернское правление, для ссылки на поселение, по причине возмутительного его духа, расстрацвавшего все имение постоянно; о принятии его дали квитанцию, потом возвратили в имение, потому что он был под судом. Измаильский, не смотря, что неоднократно ему возвращали его, для содержания, до решения дела отправлял его назад в имение; я принужден был взять его к себе, чтоб успокоить возмущенный им дух народа. Не смотря на это, тайным образом, мне неизвестно кто, возмущают моих людей; негодяи первые в имении, собираются и подают тайные жалобы исправнику, который принимая их одобряет их к тому и подобный порядок, легко может привесть в возмущение все мое имение, которого крестьяне, распущены

и избалованы были в высочайшей степени. Они же ныне отказываются исполнять свои обязанности, и не платят недоимки; в донесениях мне виден, совершенный беспорядок произведенный тайными происками к возмущению людей.

Почему я спешу о том уведомить Ваше Превосходидительство и всепокорнейше просить остановить неправильные действия земской полиции против моего имения, которое я только что обратил весною или лучше летом то есть 1-го августа на пашню, и остановить все эти попытки крестьян к неповиновению разысканием и наказанием виновных по законам и о последствиях меня уведомить в Москву Сретенской части 2-го квартала в Садовую у Спаса—на Песках в дом Василинина,

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть

Вашего Превосходительства

всепокорнейшим слугой,

Афанасий Прибытков

полковник

Опасаясь еще более враждебных действий земской полиции в отсутствии моем против моего имения, позвольте просить Ваше Превосходительство оставить мое письмо от нее в тайне.

9-го декабря 1849 г.

Москва.

Донесение петровского уездного Предводителя Губернскому Предводителю от 15 декабря 1849 г.

Г. Петровский земский исправник отношением 26 апреля № 191, уведомлял меня, что в купленном сего 1849 г. имении, состоящем в селе Лопатине и д. Литийке, г. отставным полковником Афанасием Ивановичем Прибытковым, крестьяне были стесняемы работою и оброком, почему я тогда же делал под рукою дознание и нашел, что крестьяне села Лопатина принадлежавшие прежде г. Толстому, по имевшему в этом селе базару и питейному дому вообще почти дурной нравственности. Состоя всегда на оброке безо всякого надзора со стороны прежнего владельца, они засевали на себя только по 1 дес. в поле не уплачивая положенный на них оброк по 65 р. асс. с тягла почему г. Прибытков, лишь только купивший это имение все недоимки прежних лет чрез продажу крестьянского скота и иму-

щества, взыскал все сполна, с тем вместе положил на них оброк: с тягла по 30 р, сер., со вдов по 10 р. сер., с мальчика до 18 летнего возраста по 14 р. сер., а с 18 лет до женитьбы по 25 р. сер., да сверх этого: засеял в яровом поле до 40 д., взял себе все поемные луга и занимал крестьян работою по строению своего дома. Вскоре по моем дознании г. Прибытков приехал в имение свое и по моему зову был у меня и лично об'яснил, что все оброки, наложенные на крестьян были с тою целью, чтобы перевести их с оброка на пашню, и что другим средством сделать это, по их избалованности, было бы очень затруднительно, и действительно крестьяне сами вызвались сойти с оброка и поступили на барщину, почему помещиком с их все оброки были сложены. Но г. земский исправник от 23 минувшего ноября № 581, опять меня уведомил, что в селе Лопатине имении г. Прибыткова стесняют крестьян, так что 30 тягол доведены до бедственного состояния: не имеют ни лошадей, ни скота и некоторые из них должны по неволе сбирать подаяние. По получении отношения, я отправился на место и дознал, что имение г. Прибыткова находится под управлением бурмистра, а сам помещик проживает в Москве, Сретенской части 2 квартала, в Спасо-Песковском переулке в доме Василинина; крестьяне его 110 тягол состоят на барской запашке по 260 д. в поле, а самим им дается по 1½ д. в поле на тягло, но ими засеяно только по 1 д.; тяготы состоящих на оброке по 120 р. асс.; 30 неимущих, безлошадных, которым не дает нисколько земли, обязаны платить оброк по 25 р. сереб., сверх того со всех вообще тягол с мая по август месяц взыскано на мирские сборы по 15 р. асс. и на обсеяние барских полей с тягла по 1½ чет. ржи и в счет недоимки 300 чет. овса 50 четв. гречихи и 15 четв. конопляного семя, да еще взыскивает по август месяц оброчных 26 р. асс. О чем имею честь уведомить Ваше Превосходительство на зависящее со стороны вашей распоряжение.

Уездный предводитель *Кожин*,

По получении жалобы полковника Прибыткова, губернский предводитель посылает уездному предводителю запрос и получает от него новое донесение.

Донесение петровского предводителя губернскому предводителю от 3 января 1850 г.

Имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что я вскоре, по доведении до сведения Вашего, 15 декабря, о безпорядках по управлению имением г. Прибыткова,—относился и к г. Прибыткову, прописав ему все незаконные его распоряжения, и просил все безпорядки по имению прекратить, на что еще не получил никакого уведомления. Из отношения же Вашего Превосходительства от 23 минувшего декабря № 1188, видно, что г. Прибытков приносит Вам жалобу: 1. что г. петровским земским исправником собрано по 1 р. 50 к. с крестьян его, села Лопатина, за порубку какого то леса в 1846 г.; 2, что представленного для ссылки на поселение, крестьянина его Якова Денисова, г. исправник возвратил в имение, где он может возмутить народ, и 3-е, что г. исправник принимает жалобы от крестьян его и тем ободряет их к неповиновению.

Г. земский исправник с крестьян г. Прибыткова не делал лично никаких взысканий, но по указу Петровского Уездного Суда, Земский Суд сделал распоряжение, о взыскании с крестьян г. Прибыткова попенных денег за самовольную порубку леса и дело по этому предмету находится в поручении у станового пристава.

Крествянин его Яков Денисов, представленный для ссылки в Сибирь на поселение, возвращен в место жительства не земским исправником, а по распоряжению Саратовского Губернского Правления, чрез Земский Суд, за подсудимостью Денисова и г. Прибытков, при свидании со мною в августе прошлого года, говорил, что он Денисова отослал в другую губернию и в приказах своих бурмистру писал, чтобы все имение Денисова было продано;—теперь каким же способом Денисов, живя в другой губернии, может возмущать крестьян его в селе Лопатине.

Г. Прибытков, дослуживший до чина полковника, не может отказаться незнанием порядка и закона, а называет недолжным законные действия г. исправника, которому Высочайшим рескриптом вменено в непременную обязанность доводить до сведения губернского начальства и местного уездного предводителя дворянства, о злоупотреблении помещичьей власти.—В письме ко мне от 10 декабря, наполненном выражениями довольно колкими и неправильными, копию с которого препровождаю при сем на рассмотрение Вашего Превосходительства, г. Прибытков дознание мое, по управлению его имением называет вмешательством, через что будто бы крестьяне его вышли из повиновения

и не хотят платить недоимку. Напротив того крестьяне находятся в полном его повиновении и разве неповиновение их состоит в том, что они еще не заплатили, как он пишет, оброчную недоимку по август месяц прошлого года. Но г. Прибытков не обратил внимания, что крестьяне его не имеют средств внести упомянутую недоимку и находятся в совершенной бедности, которая произошла от того, что он, лишь только купивши имение в начале 1849 года, взыскал с крестьян своих, через продажу скота их и имущества, огромную сумму недоимок прежних лет, принадлежащую прежнему владельцу г. Толстому в такой бедственный и тягчайший год, в который с величайшею крайностью могли крестьяне только прокормиться. Мне известно, что многие из помещиков в такой несчастный год, сверх ссудного хлеба, на собственные деньги покупали хлеб для прокормления крестьян своих, дабы спасти их от бедствия и сбереч им их достояние. А г. Прибытков, в своих приказах бурмистру писал только о мерах наказания и о взыскании недоимок без всякой пощады.

При этом имею честь присовокупить, что согласно настоящего отношения Вашего Превосходительства, от 23 декабря, я вместе с сим отнесся к г. Прибыткову.

Уездный предводитель дворянства *Кожин.*

Письмо полковника Прибыткова к петровскому уездному предводителю, упоминаемое в последнем донесении.

Милостивый Государь,

Яков Львович!

Мне доносят из конторы, что Вы изволили быть 26 ноября с исправником в Лопатине и отобрали от бурмистра мои приказы.

Позвольте просить Вас сделать одолжение поспешить меня уведомить, что подало Вам к тому повод.

Вы изволите знать и все соседи, давно распущенный, разбалованный дух крестьян села Лопатина; отобранием приказов моих где некоторым образом, Вы изволили показать вмешательство, они смутились совершенно и почти вышли из повиновения. Я не сомневаюсь, что причиною тому вероятно какие нибудь жалобы мерзавцев имения, которые употребляют тайные происки для возмущения людей и делают попытки к неповиновению власти; по случаю преобразования их из оброчного в землепашеское имение и введения по сему безпорядка, который не допускает их своевольничать по прежнему: позвольте же просить Вас,

Милостивый Государь, в вознаграждение меня за оскорбление, сделать и одолжение не исключая ни одного из жаловавших, примерно приказать, наказать на сходе, чтоб они не смели более подавать неправильных жалоб и повиновались начальникам.—Они отказались платить недоимку по 1 августа, время по которое они были на оброке; они почти вышли из повиновения начальников, оставаяся безнаказанными за неповиновение и одобрение к жалобам. Список жаловавших я также желаю иметь, чтобы узнать твердо негодяев и не смешать их с хорошими людьми. Позвольте просить Вас также мне сделать одолжение доставить его.

(На подлинном подпись полковника А. Прибыткова).

Одновременно дело доходит до губернатора, но в течении почти восьми месяцев оно не получает движения и только в начале августа 1850 г. поступают новые сведения от петровского предводителя.

Донесение петровского уездного предводителя губернскому предводителю 7 августа 1850 г.

Согласно отношения Вашего Превосходительства, от 23 декабря минувшего года за № 1188, письмом от 3 января сего года за № 8, просил я помещика полковника Прибыткова, чтобы он все безпорядки, замеченные по управлению его крестьянами исправил, при этом предварил его, что если он не даст крестьянам своим равного количества земли с господскою запашкою и не снабдит нуждающихся хлебом на продовольствие и семенами на посев и не учредит трехдневной барщины, то имение его будет взято в опеку. На это г. Прибытков, от 14 того же января уведомил меня, что он предписал управляющему своего имения распорядиться совершенно согласно с отношением Вашего Превосходительства от 23 декабря.—Сначала посева я дознавал об исполнении его предписания и после мною дознано безо всякой огласки, что вместо половинного количества земли на 127 тягол, г. Прибытковым дано крестьянам под посев ярового поля только 95 десятин, что составляет по 3 осминника на тягло, а на посев же барский более $2^1/_2$ десятин на каждое тягло. С приездом помещика в свое имение крестьянские дни отняты, так что сряду гонялись на барщину 46 дней. Когда же крестьяне для собственного посева вспахали землю, то он отобрал ее всю без из'ятия для себя и до сего времени не назначает ни-

сколько для крестьян; сверх того с них же собирает снопами хлеб. Лугов им для своих покосов нисколько не дает и ныне на отавы оных крестьянский скот не пускает, а жнивы сдал частным лицам под паство. С оброчных крестьян с тягла в год по 35 р. сер. весь оброк сполна вперед собрал, а их употребил на барскую работу. Вынудил крестьян на свое иждивение купить лесу на постройку барского дома, который по словам их, ставится на 40 (?), на постройку оного вызвал мастеров из других своих вотчин и содержит их на счет крестьян. Это подтверждают как его собственные крестьяне, так и ближайшие соседние дворяне; равномерно о противозаконных беспорядках г. Прибыткова уведомлял меня г. земский исправник от 5 сего августа за № 310, и местный становой пристав, квартира котораго в том же имении селе Лопатине, от 3 августа за № 1261.

Все таковые действия г. Прибыткова представляя на вид Вашего Превосходительства, я полагаю, что всякая с моей стороны с ним переписка, о прекращении беззаконных его действий, будет тщетна, потому что он письмом дал слово отменить все безпорядки по имению, но своими действиями показывает противное, стараясь всеми мерами стеснить крестьян, от чего уже возникает явный ропот и дабы избежать каких либо бедствий, я имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство поступить с г. Прибытковым на основании законов. При этом имею честь присовокупить, что я вместе с сим сообщаю о всем выше об'ясненном г. начальнику губернии.

Уездный предводитель дворянства *Кожин*.

Лишь после этого донесения дело получает быстрое движение и поднимается вопрос о взятии имения в опеку.

Отношение Саратовского губернатора губернскому предводителю от 28 августа 1850 г.

Вследствие отношения Вашего превосходительства от 21 августа за № 467, имею честь покорнейше просить Вас, на основании 362 и 369 статей 14 тома о пред. и прес. прест., предоставить собранию г.г. уездных предводителей, совокупно с депутатами дворянства, составить положение об учреждении опеки над имением помещика петровского уезда полковника Прибыткова и о последующем меня уведомить.

Гражданский губернатор (подпись).

Положение Собрания губернских предводителей и депутатов.

1850 года сентября 7 дня, в собрании господ губернского предводителя, уездных предводителей и депутатов дворянства саратовской губернии слушали отношение г. саратовского гражданского губернатора на имя г. губернского предводителя от 28 августа, за № 7801, о составлении положения об учреждении опеки над имением помещика петровского уезда, полковника Прибыткова, и вследствие сего рассматривали дело, преположенное г. губернским предводителем, начавшееся с жалобы к нему полковника Афанасия Иванова Прибыткова на петровского земского исправника (от 9 декабря 1849 г.) о том, что он, исправник, в имении его, селе Лопатине, собрал по 1 р. 50 к. асс. с души за порубку какого-то леса в 1846 году; что представленного для ссылки на поселение крестьянина Якова Данилова он возвратил в имение. где он может возмутить народ, и что он, исправник, принимает от крестьян жалобы и тем ободряет их к неповиновению, и что они уже отказываются от платежей недоимок. Вслед за тем г. петровский предводитель с донесения тамошнего земского исправника писал от 15 декабря, за № 321, что по дознанию его в имении г. Прибыткова, села Лопатина. он нашел, что крестьяне его, принадлежавшие прежде г. Толстому, вообще дурной нравственности; состоя всегда на оброке безо всякого надзора со стороны прежнего владельца, они засевали на себя только по 1-й десят. в поле, не уплачивая положенный на них оброк по 65 руб. асс. с тягла. Почему г. Прибытков, лишь только купивши это имение (в 1849 году), все недоимки прежних лет, чрез продажу крестьянского скота и имущества, взыскал все сполна и с тем вместе положил на них оброк: с тягла по 30 руб. сер. со вдовы по 10 руб. сер., с мальчика до 18 летнего возраста по 14 р. сер., а с 18 лет до женитьбы по 25 р. сер., и сверх сего засеял в яровом поле до 40 дес., взял себе все поемные луга и занимал крестьян работою по строению своего дома. Г. Прибытков приехав в имение лично об‘яснил ему предводителю, что все оброки наложены на крестьян с целию перевести их с оброка на пашню, и что другими средствами сделать это, по их избалованности, было бы очень затруднительно, и действительно крестьяне сами вызвались сойти с оброка и поступили на барщину, почему помещиком с них все оброки были сложены. Но земский исправник второй раз донес ему г. предводителю, что в селе Лопатине, имени г. Прибыткова, стеснены крестьяне так, что 30 тягол доведены до бедственного состояния, не имеют ни лошадей ни скота

и некоторые из них должны сбирать подаяние. Вследствии сего г. предводителем дознано, что крестьяне г. Прибыткова 110 тягол состоят на господской запашке по 260 десятин в поле, а у самих крестьян по $1^1/_2$ дес., но ими засеяно только по 1 дес. на тягло; 7 тягол на оброке по 120 руб. асс.; 30 тягол неимущих по 25 руб. сер., которым земли нисколько не дается. Сверх сего взыскано со всех тягол на мирские сборы по 15 руб. асс.; на обсеменение господских полей с тягла по $1^1/_2$ четв ржи и в счет недоимки 300 четв. овса, 50 четв. гречихи и 15 четв. конопляного семя да еще взыскивает оброчные деньги по август месяц. Во втором отношении г. Петровский уездный предводитель дворянства, от 3 января сего года за № 1, писал что жалобы г. Прибыткова на тамошнего земского исправника г. губернскому предводителю, совершенно не справедливы; ибо исправником с крестьян Прибыткова не делалось лично никаких взысканий, но по распоряжению Петровского Уездного Суда, Земским Судом, взыскались попенные деньги за самовольную порубку ими леса; что крестьянин его Яков Денисов, представленный для ссылки в Сибирь на поселение, возвращен в место жительства, не земским исправником, а по распоряжению Саратовского Губернского Правления чрез Земский суд, за подсудимостью Денисова, который как г. Прибытков лично об'яснил ему г. предводителю, им был отослан в другую губернию, следственно Денисов, живя в другой губернии, не мог возмущать крестьян его в селе Лопатине; и что г. Прибытков, живя в Москве и не обращая внимания на бедственное положение крестьян своих, в приказах управлявшему имением в селе Лопатине бурмистру писал только о мерах наказания и взыскания недоимок безо всякой пощады. При чем г. предводитель приложил копию с письма к нему г. Прибыткова, в котором он укорял г. предводителя „что отобранием приказов его, по имению, он показал вмешательсво“ и от того крестьяне его возмутились совершенно и почти вышли из повиновения, напротив того, как г. предводитель отозвался от 3 января, крестьяне находятся в полном его повиновении разве неповиновением он полагает то, что они по совершенно бедственному положению еще не заплатили, как Прибытков писал оброчную недоимку по август месяц прошлого года. Вследствие сего г. губернским предводителем дворянства было сообщено г. Петровскому уездному предводителю, чтобы он с своей стороны написал к г. Прибыткову об устранении беспорядков по управлению имением, о снабжении нуждающихся крестьян хлебом на продовольствие, семенами на посев и всем нужным, и 14 января доведено о деле

сем до сведения г. Саратовского гражданского губернатора. Исправлявшим же должность г. начальника губерни, и с донесений к нему г. Петровского предводителя, обстоятельство этого дела передано на распоряжение г. губернского предводителя (24 марта № 3160). После сего, именно от 7 минувшего августа № 168, уездный предводитель уведомил г. губернского предводителя что по убеждению его . . . . ропот. О сем последнем уведомлении также было доведено до сведения, г, начальника губернии. Определили: как из дознаний г. Петровского уездного предводителя дворянства, сделанным с отношений к нему, тамошнего земского исправника в имении Петровского помещика, полковника Афанасия Иванова Прибыткова, селе Лопатине видно, что он г. Прибытков, крестьян своих обременил большим оброком, не давая положенного количества земли для хлебопашества и дней для своих работ, взыскав с них огромную недоимку прежних лет, чрез продажу их имущества, не принимая во внимание не урожайные годы, и убеждения г. уездного предводителя о законном распоряжении по его имению, чем расстроил состояние крестьян и привел в бедственное положение: то в предупреждение могущих произойти от сего дальнейших последствий, собрание г. г. предводителей и депутатов дворянства полагает: имение г. Прибыткова на основании 362 ст. том XIV Св. Зак. уст. о пред. и прес. прест., и статьи 1900 уложения о наказаниях, взять в опеку, со всеми последствиями, изображенными в 374 ст. того же XIV тома законов. О чем предоставить г. губернскому предводителю дворянства сообщить г. саратовскому гражданскому губернатору на дальнейшее его распоряжение.

Деятельность полковника Прибыткова в его вотчине не прекратилась однако и после постановления собрания предводителей и депутатов и в ноябре петровский уездный предводитель снова шлет донесения губернскому предводителю.

Донесение Петровского уездного предводителя Саратовскому губернскому предводителю Дворянства от 10 ноября 1850 г.

7 августа сего года за № 168, мною было сообщено Вашему Превосходительству, что крестьяне г. Прибыткова жаловались мне на стеснительное обращение с ними их помещика; в то же время я сообщил и петровскому земскому исправнику, чтобы он имел наблюдение, дабы Прибытков не мог делать никаких притеснений оным крестья-

нам, если узнает что они жаловались на него. Вследствие этого земский исправник, от 30 минувшего октября за № 407, уведомил меня, что по приказанию помещика Прибыткова из числа крестьян, приносивших мне жалобу, Иван Савельев и Егор Ефимов взяты бурмистром и закованные отосланы в Саратов, где проживает сам владелец. О чем имею честь довести до сведения Вашего Превосходительства.

Петровский предводитель дворянства *Кожин.*

Донесение петровского предводителя губернскому Предводителю от 18 ноября 1850 г.

Г. петровский земский исправник, от 22 ноября за № 443, уведомил меня, что крестьяне села Лопатина, г. Прибыткова жаловались становому приставу, что они нуждаются в продовольствии и неоднократно просили своего помещика об отпуске им хлеба, но г, Прибытков просьб и нужд их не удовлетворяет.

О чем имею честь довести до сведения Вашего Превосходительства.

Уездный предводитель дворянства *Кожин.*

Однако, именно, в это время, когда положение казалось уже вполое выясненным, у исправляющего должность губернского предводителя зарождаются сомнения в пользу Прибыткова. До него дошли повидимому откуда то сведения о зажиточности крестьян с. Лопатино, и он шлет петровскому предводителю новый запрос, на который последний отвечает следующим сообщением.

Донесение петровского уездного предводителя исправляющему должность губернского предводителя от 15 января 1850 г.

Отношением от 12 декабря прошлого года за № 677, Вы просили меня, чтобы я дознал о справедливости жалобы крестьян села Лопатина на своего владельца г. Прибыткова, в том, что он не дает им хлеба на продовольствие, присовокупляя при этом, что Вам известно, что крестьяне села Лопатина, кроме хлебопашества занимаются торговлею и находятся в зажиточном положении.

На это, Милостивый Государь, имею честь Вас уведомить, что если бы Вы обратили внимание на отношения

мои к Его Превосходительству, г. губернскому предводителю дворянства, от 15 декабря 1849 года за № 321 и прошлого года 3 января, 7 августа и 2 сентября за №№ 1-м, 168 и 200, и согласно Высочайшего рескрипта 6 сентября 1826 года по званию моему, дали бы более доверия моим отношениям, чем дошедшим до Вас слухам, по коим Вы предполагаете о зажиточности крестьян г. Прибыткова, тогда бы убедились до какой степени г. Прибытков разорил своих крестьян и не сомневались бы в справедливости их жалобы, из'ясненной мною в отношении 28 ноября за № 268. —Село Лопатино действительно торговое базарное село, но состоит из разных владений из числа же крестьян г. Прибыткова, только до 10 домов имеют промышленность и не нуждаются в продовольствии, что составляет наверно часть противу нуждающихся...

Уездный предводитель дворянства *Кожин.*

Весною 1851 г., сперва по поводу выдачи ссуд на обсеменение полей, затем ввиду новых обстоятельств дела петровский уездный предводитель обращается с запросом к губернатору и вновь рисует положение в вотчине Прибыткова.

Донесение петровского предводителя саратовскому гражданскому губернатору от 23 апреля 1851 г.

Канцелярия Саратовской Губернской Комиссии Народного Продовольствия, от 16 сего апреля за № 98, препроводила ко мне письмо к Вашему Превосходительству помещика петровского уезда полковника Прибыткова о выдачи ему в ссуду по 3 р. сер. на душу для пособия нуждающим его крестьянам в продовольствии и обсеменении полей, на письме этом резолюция Вашего Превосходительства дана следующая: „передать в комитет вновь в Петровске учреждающийся и предоставить ему сделать законное удовлетворение“. Вместе с письмом сим получена мною и просьба от г. Прибыткова по настоящему предмету.

Имея в виду отношение ко мне Вашего Превосходительства, по Комиссии Народного Продовольствия, от 7 апреля за № 82, о раздаче ссуды Уездным Комитетом из ассигнованной в мое распоряжение суммы 5.500 р. сер., коим возлагается непосредственно на ответственность мою прокормление поселян до нового урожая и удостоверение в

действительном составе урожая полей у тех крестьян, для коих выдадут на обсеменение деньги, и что г. Прибытков на самом деле доказал постоянную (?) стеснять своих крестьян, бывших у прежнего владельца г. Толстого в достаточном состоянии, разными незаконными поборами, отнятием у них земли и хлеба с обременением барскими работами, без дачи им дней на свои в нужные времена года; стараясь при этом всевозможными способами, так сказать, выбивать у них деньги, немало не заботясь о прокормлении и посеве их. Все это известно Вашему Превосходительству из донесений земского исправника и моих уведомлений; но г. Прибытков до сего времени оставаясь неустраненным от имения своего по закону за стеснительное управление оным, после данного мне обещания на письме от 14 января 1850 г., продолжает стеснять своих крестьян, сделавшихся от этого почти нищими без хлеба и лошадей, коих при 365 ревизских душах на нынешнюю весну годных к работам осталось менее 50 и те все употреблены были после Св. Пасхи на запашку под посевы господского ярового хлеба, без дачи дней крестьянам для пашни на себя; к тому же из числа тех лошадей 17 подвод вчерашнего 22 числа посланы в Саратов для перевозки базара г. Прибыткова и дворни в селе Лопатине, а достальные продолжают барскую пашню безсменно; о посеве же ярового крестьянского хлеба г. Прибытков и не думает, а хлопочет только о выдаче ему денег на крестьян в ссуду, чтобы употребить потом в свою пользу. Что доказывает теперешняя его посылка в Саратов при недостатке рабочих лошадей и в самое нужное и удобное для посева время, которое через неделю для земледельцев будет безвозвратно. По сим обстоятельствам и на опыте дознавши неблагонадежность г. Прибыткова, я не могу удовлетворить просьб выдачею ему в пособие из посланной правительством суммы, без особой для себя в последствии ответственности, в чем и прочие члены Уездного Комитета со мною согласны, а полагал бы необходимым в настоящем случае поступить приспособляясь к 214 ст. XIII т. Св. Зак. уст. о обесп. нар. продовольствия.

Доводя о сем до сведения Вашего Превосходительства, для ускорения времени по эстафете, честь имею испрашивать распоряжения.

Уездный предводитель дворянства *Кожин.*

Донесение петровского предводителя губернатору от 27 апреля 1851 года.

В продолжение переписки, „о стеснительных действиях“, петровского уезда, помещика г. Прибыткова против своих крестьян, от 10 ноября 1850 года за № 230, я доводил до сведения Вашего Превосходительства, что по приказанию его, из числа приносивших мне жалобу, Иван Савельев и Егор Ефремов взяты были бурмистром и закованные были отосланы из села Лопатина в Саратов к г. Прибыткову; о чем в то же время уведомлен г. губернский предводитель дворянства.

На это Ваше Превосходительство известили меня, от 8 декабря за № 25633, о сделанном по поручению Вашему, приставом первой части дознании, по коему будто бы открылось, что крестьяне Савелов и Ефимов были привезены из Лопатина, но не заковаными, коим г. Прибытков, сделав выговор за дурное поведение, возвратил в жительство без всякого наказания; и потому Ваше Превосходительство требовали от земского исправника сведение: на чем основался он уведомить меня, что означенные крестьяне присылались в Саратов к своему помещику закованными?

В уведомлении меня г. исправником, о заковке крестьян, хотя я не мог сомневаться, зная мстительный характер г. Прибыткова, но по возвращении из Саратова, для точнейшего удостоверения, я при двоих дворянах и становом приставе, в квартире его, спрашивал их и осматривал: при чем найдены были ноги их с синими пятнами, распухшими и обтертыми от закования в железы так, что один не мог ходить около трех недель; управляющий же имением Тенишев старался скрыть вину г. Прибыткова в том истязании, но крестьянами в несправидливых мне ответах был уличен.

Между тем, по доставлении затребованного Вашим Превосходительством от земского исправника, сведения я ожидал ближайших мер к ограждению крестьян от стеснительных действий помещика г. Прибыткова, но оные все продолжаются, ибо нынешнюю зиму крестьяне, при малом количестве лошадей, измученных от недостатка кормов, по приказанию г. Прибыткова возили сено и дрова из Лопатина за полтораста верст в Саратов, тогда как сено дороже было на месте, а дрова в четверо дешевле в Саратове,—если принять в рассчет расход крестьян на провоз; к тому же отправленную гречиху они привезли обратно в Лопатино по случаю недачи торговцами той цены, какую за нее желал получить помещик, и все это делалось на счет крестьян к их изнурению.

Ныне известился я, что по предложению Вашего Превосходительства, Губернское Правление указом, от 27 марта за № 4122, приставу 2-го стана, коего квартира находится в селе Лопатине, за несправидливое будто бы донесение исправнику, о заковании по воле г. Прибыткова крестьян Савелова и Ефимова. сделан строгий выговор со внесением в книгу, а последнему замечание по сему предмету. После чего чиновники эти в избежание дальнейших взысканий, опасаются уже доводить до сведения моего, о беспорядочных распоряжениях г. Прибыткова; а я лишаюсь возможности получать своевременно сведения о поступках этого владельца, в отношении обременения своих крестьян с превышением власти предоставленной над ними помещиком по закону.

Продолжая службу другое трехлетие по выборам благородного дворянства и пользуясь его уважением, полагал бы что я могу заслуживать доверие более пристава 1-й части города Саратова, сделавшего Вашему Превосходительству совершенно лживое о крестьянах г. Прибыткова дознание к срытию со стороны его истезания, о коем я 10 ноября уведомлял Вас в полном убеждении действительности, не дозволяя себе впрочем никогда писать несправедливых бумаг и потому сделанное Губернским Правлением с чиновников земской полиции взыскание, относя к личной обиде, причина же коей была, неблагонадежное дознание частного пристава, я покорнейше прошу Ваше Превосходительство, о заковке в железо крестьян Савельева и Ефимова по приказанию помещика их, поручить благонадежному чиновнику произвесть следствие на месте при депутате с моей стороны для поступления с кем следует по законам.

Уездный предводитель дворянства *Кожин.*

Дело о взятии имения полковника Прибыткова в опеку представлено было между тем в Сенат. Прибытков в свою очередь подал в Сенат жалобу на неправильные действия местной администрации. Сенат нашел все эти материалы недостаточными и постановил назначить новое следствие.

Новое следствие тянулось часть лета. На основании данных этого следствия губернатор предложил Губернскому Предводителю вновь представить дело на рассмотрение собрания уездных предводителей и депутатов. Губернский предводитель усомнился в том, следует ли рассматривать дело вторично и послал в Сенат запрос. Сенат по формальным соображениям нашел представление губернского предводителя неуместным. Так прошел 1851 год. Помещик оста-

вался в своем имении и, судя по донесению петровского предводителя, стал „мстить людям, справедливо показывавшим о нем“.

Однако Прибытков не был вполне удовлетворен создавшимся положением, и не ограничиваясь своей жалобой в Сенат, продолжал писать местным властям. Мы приводим два письма его саратовскому губернскому предводителю.

Ваше Превосходительство

Милостивый Государь

Николай Иванович.

Я пользуюсь случаем, чтоб поздравить Вас с благополучным возвращением в Саратов: крайне жалея, что я только что возвратился от туда, и не мог лично засвидетельствовать Вам мое истинное и глубокое уважение. В отсутствии Вашем, я имел еще несчастие, потерять жену мою. Этот удар поразил меня совершенно, и глубоко изранил и без того, расстроенную уже душу мою, действиями Якова Львовича Кожина. С 4-мя сиротами я теперь горько оплакиваю, невознаградимую потерю мою, и не могу еще до сих пор совершенно опомниться. Между тем до моего сведения здесь дошло, что Яков Львович Кожин, несмотря ни на что, продолжает возмущать мое спокойствие, своими тайными и неправильными донесениями, как и прежде: забыв Бога, закон и человечество. Он уведомил Вас, что будто я начинаю мстить крестьянам за их жалобы на меня, что чрезвычайно снова удивило меня; не понимая как он решается писать к Вам такие донесения. Не в моем характере мстить людям, за их заблуждения: и за заблуждения в которые они приведены невольно; посредством тайных действий для возмущения их.

Прошу Ваше Превосходительство сделать одолжение не оставить уведомлять меня немедленно; о представлениях к Вам на меня Г. Кожина, для получения от меня, самых удовлетворительных об‘яснений. Он уничтожил уже совершенно мое домашнее спокойствие и даже безопасность, и довершает разорение мое: равным образом, до моего сведения дошло, что следствие, по веденному им делу, против меня, должно представится вновь на рассмотрение собранию предводителей и депутатов, для сделания нового постановления: то позвольте просить также Ваше Превосходительство меня уведомить, к которому числу вы изволите назначить прибытие их в Саратов, чтоб я мог быть в то

время также в Саратове, для доставления Вам дополнительных об'яснений по сему делу, если они окажутся нужными.

С. Лопатино, августа 1851 года.

С совершенным почтением, имею честь быт и совершенной преданностью Вашего Превосходительства всеподданнейшим слугою *А. Прибытков.*

Неизвестно, что происходило в вотчине в течение 1852 и первой половины 1853 года, но судя по финалу дела положение в ней оставалось прежним. В 1853 году произошла катастрофа. Приводим о ней два документа.

Отношение саратовского гражданского губернатора к и. д. губернского предводителя дворянства. от 15 июля 1853 г.

Петровский Земский Суд от 14 июля за № 8299, донес мне, что помещик того уезда полковник Прибытков, прогуливавшись вечером по разведенному им вновь саду, убит из ружья, ехавшим мимо сада верхом на серой лошади неизвестного звания человеком, который после сделанного им выстрела, тот час же ускакал в поле и по произведенным розыскам еще не найден, о чем временным отделением Земского Суда начато следствие.

Уведомляя Ваше Превосходительство имею честь покорнейше просить, на основании Высочайшего повеления об'явленного в циркулярных предписаниях господина министра внутреннах дел от 14 июля и 30 сентября 1842 года немедленно отправиться в петровский уезд для произведения за отсутствием штаб офицера корпуса жандармов, с состоящим при нем за ад'ютанта его капитаном Глобба исследования по сему предмету, которое по окончании доставить ко мне при краткой записке, для представления господину министру.

При чем присовокупляю что об отпуске Вам следующих прогонных денег предложено от меня казенной палате; об отправлении же с Вами г-на Глобба вместе с сим, сделано должное распоряжение.

Гражданский губернатор (подпись).

Отношение петровского уездного предводителя саратовскому гражданскому губернатору. от 26 июля 1853 года.

Июля 13 дня, убит полковник Прибытков. Он лишен жизни в саду своем, где находились его дети и некоторые из дворовых и комнатных людей его, выстрелом из ружья сделанным из за забора, принадлежащим ему крестьянином села Лопатина, Житаревым.

Убийца был подкуплен вотчинными, г. Прибыткова. Начальствами и следствием дознано, что план убийства был составлен и обдуман еще весною нынешнего года; события сопровождавшие совершение этого преступления во всей подробности доведены до сведения Вашего Превосходительства временным отделением.

Частое, с 1848 года, повторение убийств г. г. помещиков петровского уезда своими крестьянами обязывает меня отнестись к Вашему Превосходительству с особым о том представлением.

С 1848 года по 1853 пали жертвою преступных замыслов г. г. Будищев и Фаминцева, а незадолго перед тем Жарский и другие. По всем сим убийствам подверглись ответственности по закону одни лишь совершители преступления, уличеннные в том следствием, и доведенные до добровольного сознания; но участники в сих заговорах,— лица руководившие исполнителями преступных своих замыслов, безнаказанно живут и поныне в своих селениях. Безнаказанность сих то лиц, слабость мер наказания, постигавшего убийц, и мер принятых для преследования замышляющих преступление,—не сковывая чувством страха злодейские замыслы помещичьих крестьян петровского уезда, некоторым образом как бы ободряют их вновь посягать на жизнь своих владельцев. Подтверждением истины этой, служит вновь совершенное ныне убийство полковника Прибыткова четвертое в петровском уезде в течение не продолжительного времени.

По делу об убийстве полковника Прибыткова, временным отделением уличены и доведены до добровольного согласия убийца Житорев, крестьяне: Ефремов и Еликов, подстрекавшие Житорева на убийство и за совершение его обещавшие награду;—вместе с сим взяты бурмистр Матвей Ильин и выборный Волков; на них видимо падает подозрение в участии в замысле убить г. Прибыткова, хотя они в том и не сознаются. Считаю себя обязанным довести до сведения Вашего Превосходительства, что убийство полковника Прибыткова, хотя и совершенно замыслом и исключительным участием означенных выше сего пяти лиц; но

не подвержено никакому сомнению, что о заговоре этом знали все вообще крестьяне его.

Во всяком случае событие это, как повторение многих ему подобных, уже совершившихся в течение непродолжительного времени, должно обратить на себя самое строгое внимание.

Представляя все вышеозначенное на благосклонное усмотрение Вашего Превосходительства, считаю должным обратить Ваше внимание на следующее обстоятельство.— Все убийства г. г. дворян петровского уезда, с некоторого времени учащающиеся совершены были по общему заговору крестьян, или подкупают одного избираемого лица, или добровольным принятием на себя одним ответственности за всех. в полной надежде, что известная каждому за убийство законная мера наказания легко претерпится, а денежная награда и пособие мирян останется в их пользу. Последствия от такого гибельного направления умов помещичьих крестьян, столь серьезны, что я священною обзанностью считаю просить Ваше Превосходительство, от своего и всех г, г. дворян петровского уезда, имени исходатайствовать Высочайшее разрешение на то, что бы для обуздания впредь преступных замыслов крестьян убийцы г. Прибыткова и участники в этом приступлении были судимы военным судом, как несколько лет назад тому, были судимы убийцы помещика симбирской губернии г. Кроткова. Если не будут приняты в настоящем случае строжайшие меры наказания, в пример для будущего, что же будет служить каждому дворянину ручательством в обеспечении его личности? В каждом имении помещичьем могут быть недовольные.

Уездный продводитель дворянства *Кожин.*

II.

Из документов о вотчине князя Андрея Михайловича Голицына Саратовского уезда.

(Дела по личной части саратовского губернского предводителя дворянства 1827 года № 117. Архив губернского дворянского собрания).

Прошение на высочайшее имя крестьян помещика кн. Голицына села Сокура Саратовского уезда.

Всеавгустейший Монарх,

Всемилостивейший Государь!

Приемлем смелость припасть к подножию престола Вашего Императорского Величества и всеподданнейше просить в нижеследующем.

С начала открытия Елтонского соляного озера вызваны мы были по указу блаженной и вечно достойной памяти Государыни Императрицы Елизаветы Петровны, Харьковской губернии, городов и слобод в соляные вощики для вывоза с Елтонского озера соли поставляемой в саратовские луговые магазейны, в которые и поставляли во всякой исправности лет до 40 или более припомнить не можем и на последок переселены были в нагорную сторону, по случаю для зимнего времени, по отдаленности жительства нашего, переселены близь города Саратова, на пустопорожнюю казенную землю, на реке Сокуре, бывшим тогда управляющим по соляной части полковником Казариновым, в разсуждении лесных угодьев, делания воловых фур, для паствы скота, сенных покосов и хлебопашенной земли. По каковому вызову и поселению нашему на показанной земле и производили оную соляную возку, как выше сказано, лет 40 или более, а на последок вступился в ту землю, на которую мы были поселены, князь Алексей Дмитриевич Голицын, в том якобы жалованная оная ему была для ловления зверей и птиц, стал нас притеснять во всех лесных угодьях и земле, по каковому случаю, как мы были без опыту знания законов, согласились ему платить положенный от него оброк с каждого двора по 50 к.—с рабочей скотины как с вола равно и лошади по 20 к.—следовательно и выхо-

дило по 90 к. —но как сие тогда было для нас еще сходно, то и не хотели заводить никакого процесса, но по смерти его, т. е. князя Алексея Дмитриевича Голицына перешла та земля к сыну его конной гвардии вахмистру Николаю Алексеевичу Голицыну и платили ему положенный оброк по 6 р. с каждой ревизской души, но и тут еще было нам сносно, потом князь Николай Алексеевич Голицын продал из числа находящихся между нами в селе Сокуре собственных своих крестьян 70 душ, двоюродному своему брату князю Михаиле Анреевичу Голицыну, который и нас вместе с оным начал притеснять неизвестно почему и положил на нас уже несоразмерный оброк с каждой ревизской души с податьями по 50 р.—и наконец означенный князь Голицын вознамерился продать нас до 700 душ, почему мы не вынеся сего, зная, что были соляные казенные вощики утруждали просьбами в прошлом 1802 г. блаженной и вечно достойной памяти Государя Имератора Александра Павловича, но по оным какое воспоследовало повеление нам не об‘явлено; а сверх того 1810 г. из числа нас вощиков продано за долги его в разные руки 105 душ, а ныне вступился по смерти его наследник сын его князь Андрей Михайлович Голицын, которому таковой же оброк платим, но только с большею разницею, ибо взыскивают с нас не только с наличных, но и за умерших и отданных в военную службу, и довели до такой крайности, что не только оброка, но даже и положенных государственных податей не в силах взносить, и что нанятой им управляющий из поляк Павел Янковский кроме оброка отнял всю нашу землю и лугов на 400 стогов сена, и сверх всего наложил еще на 100 душ обрабатывать по 19 десятин земли и потом восстановил господскую пашню, чем и не допустил нас посеять себе ярового хлеба, хотя и посеяли, но уже не в свое время, от чего и не было всюду то и остались без хлеба и тем довел до того, что половину селения лишились скота единственно по вынуждению такового оброка и сего еще мало забирает якобы за недоимку имеемый в долгах хлеб и совершенно некоторые остаются безо всякой пищи и принужденными находятся просить от доброжелателей милостыни, но и за всем тем будучи у нас в селе Сокуре прошлого 1826 г. в июле месяце его сиятельство князь Андрей Михайлович Голицын, именно отзывался, что мы ему не нужны и будто-бы сбираемый с нас таковой несоразмерный оброк единственно за его землю в таковых необходимых нуждах и совершенном разорении решились припасть к Высокомонаршей особе Вашего Императорского Величества и всеподаннейше просить.

Всеавгустейший Монарх воззри оком на верноподданных твоих и повели обратить нас в первобытное состояние и оградить, как уже доведенных до совершенного и крайнего разорения изданными от Вашего Императорского Величества на таковой случай узаконениями, и по какому случаю введены мы во владение князей Голицыных и делать перепродажу как собственных своих крестьян; ибо мы никогда не были ни по каким случаям господскими крестьянами, то дабы мы не могли и вящше придти в разорение, на что и имеем ожидать Высокомонаршего Вашего Императорского Величества повеления и при сем осмеливаемся всеподданнейше поднести данный нам от общества мирской приговор.

Всеавгустейший Монарх,
Всемилостевейший Государь
Вашего Императорского Величества

Всеподданнейшие рабы

Евсей Николаевич Милогородский и Алексей Гордеев Близнюков за коего Милогородский по незнанию его грамоте подписался. Сентября 1827 г.

С. П.—Бург.

Новаторство и сопротивление среды. (Вотчинное хозяйство подполковницы Теглевой Саратовского уезда).

(Дела по личной части Саратовского Губернского предводителя дворянства 1841 года № 41. Архив Губернского дворянского собрания).

Отношение состоящего в должности саратовского гражданского губернатора к саратовскому губернскому предводителю дворянства.

(15 сентября 1841 г.).

При следствии, произведенном состоящим при мне чиновником особых поручений Аверковичем и временным отделением Саратовского Земского Суда о умершем после наказания крестьянине помещицы Теглевой Ионове, между прочим открылось, что подполковник Теглев, управляя имением жены его по данной от нее доверенности, отобрал от крестьян те участки земли, коими они прежде владели и заставляет их работать ежедневно, и что через таковое распоряжение г. Теглева, некоторые крестьяне, не имея у себя ни сколько свободного времени, пришли в расстроенное положение.

Управлявший губернией, сообщив о сем саратовскому уездному предводителю дворянства, просил его немедленно войти в расмотрение сего обстоятельства на точном основании Св. Зак. о состояниях т. 9-го ст. 598, 590, 627, 628 и 631 и о последующем уведомил Ваше Превосходительство, для дальнейшего распоряжения.

В последствие сего, Ваше Превосходительство 23 мая сообщили мне, что как никакие убеждения уездного предводителя дворянства не могли склонить г. Теглева к перемене образа управления имением жены его то Вы, пригласив к себе подполковника Теглева, в присутствии уездных предводителей аткарского и саратовского, советовали ему переменить настоящее управление крестьянами, согласно установленным правилам и дабы предотвратить дурные последствия со стороны крестьян, хотя с начала через саратовского уездного предводителя, представили Вы, Милостивый Государь, г-же Теглевой причины, по которым она, как помещица, обязана изменить управление своим имением, а после и сами ездили к ней и убеждали ее к тому, но что не взирая на все Ваши и уездного предводителя убеждения, г-жа Теглева и муж ее остались непреклонными.

К сему Ваше Превосходительство, присовокупляя, что крестьяне Теглевой вышли ныне совершенно из повиновения до такой степени, что по буйству крестьян, г.г. Тег-

левы опасаются ехать в имение свое, и что главная причина сего есть несвойственное духу русского крестьянина управление оными, изволили препроводить ко мне и поданное Вам помещицею Теглевою прошение по сему предмету.

В прошении этом Теглева об‘ясняет, что все распоряжения мужа ее по управлению доставшимся ей после покойного ее родителя имением, производились и производяться по данной ею ему доверенности, с общего их совета, и в них она не видит не только ничего противного для пользы крестьян, но что напротив все его действия направлены к их благоустройству и выгодам, что по слабости здоровия ее родителя в последние годы его жизни, находясь под беспорядочным распоряжением жившей в имении его отпущенницы Катерины Ефремовой (ныне майорши Костецкой), крестьяне привыкли к своевольству и разным безпорядкам, и оттого имение ее найдено в крайнем растройстве, а потому весьма естественно, что крестьянам не может нравиться малейшее направление их к порядку и благоустройству; и всего более то, что при общем крестьянском и господском посеве и пашне, муж ее имеет всю возможность наблюдать за тщательною обработкой, удобрением земли и своевременным посевом оной, что никак нельзя усмотреть, если сами крестьяне в свои три дня, будут пахать и сеять свои десятины, что покуда они все не обзаведутся своими семенами, то невозможно, чтоб в одно время могли спахать свою землю, и нельзя усмотреть дабы они получив хорошие семена на посев, когда они сеят не в одном месте, а где кому десятина досталась, не обменяли их и действительно употребили на посев, имея в мыслях то, что если худо родится хлеб, то господа должны им его дать. Поэтому общая обработка земли, как мера к приведению в порядок землепашества признана ею необходимою; прочие же работы производятся обыкновенным порядком с разделением крестьян и дней в неделе пополам с господскими. Почему помещица Теглева просит распоряжения к приведению крестьян в должное повиновение мерами законной строгости и о удалении из имения главнейших нарушителей порядка,

Такового-же содержания поданы Теглевым две просьбы ко мне и к управляющему губернией и в последней из них Теглев присовокупил, что кроме явного неповиновения крестьяне оказали упорство в принятии земли с хлебом, которую он приказывал разделить в одном поле согласно сделанному предположению для обзаведения их хлебом.

По сему поводу я строго предписал Саратовскому Земскому Суду немедленно принять надлежащие меры к приведению крестьян г. Теглевой в должное повиновение владельцев и к усмирению их буйства; вследствии чего главные ослушники взяты и содержатся ныне в смирительном доме. Между тем, пригласив к себе г. Теглева, я лично советовал ему переменить управление имением и предворял о неблагоприятных последствиях, какие могут произойти при дальнейшем несогласии его на то; но убеждения мои также не имели успеха.

При таковом явном несогласии помещиков Теглевых переменить управление имением представился вопрос: могут-ли и должны-ли крестьяне Теглевой по изложенным в просьбах ее уважениям быть побуждаемы мерами законной власти к исполнениям распоряжений ее по введению общественной запашки?

Свода Законов т. 9-го о состояниях § 589 сказано: „владелец может налагать на крепостных своих людей всякие работы, взимать с них оброк и требовать исправления личных повинностей с тем только, чтобы они не претерпевали через сие разорения и чтоб положенное законом число дней оставляемо было на исправление собственных их работ". Но в применении к настоящему обстоятельству этот закон представляет противоположность: владелица об'ясняет в пользу свою первую часть закона, полагая себя вправе для введения порядка располагать работами крестьян по своему произволу и находя свое распоряжение, по крайней мере для последующего времени, не только для крестьян не стеснительным, но даже споспешествующим к их благосостоянию; как напротив, крестьяне, укоренясь в обычае отбывания лишь трехдневной на помещика работы, полагают всякое оного изменение противозаконным и для себя стеснительным.

Это обстоятельство побудило меня просить Вас доставить мне подробные сведения, как о действительном положении крестьян Теглевых, так и мнение Ваше о пользе и возможности введения в имении г-жи Теглевой общественной запашки, с извещением притом есть ли этому уже примеры в Саратовской губернии.

На что Вы, Милостивый Государь, в отношении своем ко мне от 16 июля за № 196 из'яснили, что по уведомлению уездного предводителя, причиною неповиновения крестьян Теглевой есть одна введенная в имении ее общественная запашка, что крестьяне остаются при желании об отделении им для посева земли от господской и назначении трехдневной работы на тот конец, дабы каждый из них знал

свою обязанность, что крестьяне, опасаясь придти от распоряжения помещицы в крайнее положение, каковое некоторые из них уже и претерпевают, вынужденными себя нашли утруждать о том жалобами своими начальство, но между тем из повиновения не выходят; что нововведенное управление, по мнению его, не есть полезно, и что подобных управлений в прочих имениях нет и быть не может. Ваше Превосходительство, подтверждая со своей стороны таковое удостоверение уездного предводителя, присовокупили, что по имениям саратовской губернии о подобных, не свойственных русскому народу распоряжениях Вы неслыхали.

Основываясь на таковом удостоверении, я полагал, что крутое введение предполагаемой Теглевым в имении жены его общественной запашки мерами принуждения без согласия и убеждения крестьян в пользе для них от такового распоряжения и без всякой в том постепенности неудобно. Но как не взирая на все убеждения Ваши, уездного предводителя дворянства и мои, помещица отменить распоряжения своего не соглашается, настаивает о понуждении крестьян к безусловному исполнению оного; требует даже ссылки некоторых из них за ослушание в Сибирь на поселение; и как по смыслу 633 ст. 9-го тома Св. Зак. на имение помещиков налагается опека с разрешения местного главного начальства в таком лишь случае, когда виною помещика деревня доведена будет до разорения и крестьяне могут обременены быть безмерными и несносными работами, так же в случае нетерпимой в управлении их жестокости; в имении же Теглевой ни нестерпимой жестокости в управлении, ни тягостного обременения работами не замечено; то дабы с одной стороны оградить благостояние крестьян Теглевой и предупредить те неприятные последствия, какие легко могут произойти при настоянии о введении общественной запашки для самих владельцев, а с другой стороны положить конец упорству г. Теглевой в перемене образа управления имением по своему произволу, я полагал: действия ее предоставить рассмотренню губернского и всех или нескольких уездных предводителей дворянства и в общем их Присутствии испытать над нею последнюю меру убеждения об отмене принятого образа управления имением, предоставив ей убедить крестьян в собственной для них пользе подобного распоряжения добровольно постепенным их к тому склонением, хотя с начала несколько хозяев; но ежели она на то не согласится, то поступить с имением г. Теглевой по усмотрению Общего Присутствия г.г. предводителей и с утверждения постанов-

ления оного главным начальством; и о всем том представить на благорассмотрение управляющего министерством внутренних дел.

Его сиятельство граф Александр Григорьевич, по рассмотрении обстоятельств сего дела, предписанием от 26 минувшего августа № 2754 изволил отозваться, что он соглашается с из'ясненным выше предположением моим о предоставлении действий Теглевых рассмотрению Дворянского Собрания и поручил о последующим донести.

Уведомляя о всем том Ваше Превосходительство, я имею честь покорнейше просить о зависящем распоряжении, к точному исполнению из'ясненного предписания господином управляющего министерством внутренних дел и уведомлении о последующем меня для донесения Его Сиятельству.

В должности
Гражданского Губернатора Фадеев.

Правитель Канцелярии (подпись).

В Саратовское Собрание Господ Предводителей Дворянства и Господ Депутатов. Аткарского Уездного Предводителя Мнение.

Господин управляющий министерством внутренних дел согласно с мнением г. начальника губернии предоставил Дворянскому Собранию рассмотреть действия помещицы подполковницы Теглевой и мужа ее по управлению имением с тем чтобы убеждения им по этому предмету происходили в общем Присутствии Собрания.

После этого не предлежало ли Дворянскому Собранию знать положительно все обстоятельства дела следствиями обнаруженные разобрать с точностью причины и основания на которых г.г. Теглевыми введена в имении общественная запашка и потом когда уже оказалась бы, что действия Теглевых не оправдываются самым делом, пригласить их в Общее Присутствие.

Этого не сделано. Собрание в первое Присутствие выслушало одно отношение г. начальника губернии и нарядило к Теглевым депутатов для убеждения о перемене управления. В чем именно состояло это убеждение и почему не согласился на него г. Теглев, в определении Собрания не сказано, тогда как оно пойдет на утверждение высшего начальства. Потом по просьбе г. Теглева г. управляющий губернией доставил дознание произведенное мною по поручению г. начальника губернии: „действительно-ли буйство и неповиновение в имении г.г. Теглевых продолжаются и не от послабления ли местных властей или других каких причин". Предметом особенного внимания по этому случаю сделались две просьбы г.г. Теглевых к делу приложенные без других имеющих связь с ними бумаг судили их содержание,—положили, что они пасквильные и ябеднические и приложа с одной копию кончили вопросом к г. управляющему губерниею: кто дозволил себе вложить означенную просьбу в пакет на имя г. губернского предводителя адресованный? Все это выведено на справку и вошло в положение Собрания, а агрономическую записку Теглевых о их управлении в том же деле заключающуюся и мое дознание не рассмотрели, в Общее Присутствие Теглевых не приглашали и после некоторых замечаний на мое мнение г.г. губернского и уездного Саратовских предводителей дворянства убеждавших домашним образом Теглевых к перемене управления сделали положение с которым я несогласен из уважений мною уже сказанных и здесь подкрепляемых еще следующим.

Положение дворянского собрания.

1) Обстоятельства дела сего ясно показывают, что жалоба крестьян на помещицу свою г-жу Теглеву возникли и продолжаются единственно только от введения управляющим ими мужем ее подполковником Теглевым без различия дней недели и участков земли общественной запашки, которая не только необыкновенна и по прочим помещичьим имениям саратовской губернии неизвестна, но даже означает в управлении крестьян неумеренность, и если допустить к продолжению подобного распоряжения и не удовлетворить в законном крестьян требовании, то жалобы их на оное могут еще более затруднить местное правительство при введении ожидаемого в имении Теглевых порядка, ибо всякая вредная мысль или непокорность со стороны крестьян может быть поводом к дальнейшим и тяжким неприятностям.

Почему в предупреждение сего на точном основании Св. Зак. о сост., том 9 ст. 589 и 631, отменив прежнее распоряжение крестьянами означенной помещицы Теглевой, обратить их на прежнюю работу, с назначением каждому отдельного участка земли.

Мое мнение.

1) Главнейшим поводом к возникшим жалобам на общественную запашку в имении г. Теглевой была случайная смерть Ивана Ионова. По не оправдавшемуся о ней доносу от крестьянина г-жи Теглевой Таринова, бывшего сотником, прибыли в близлежащее селение чиновник особых поручений жандармский офицер и саратовский исправник; крестьянин решившийся однажды донести на мужа помещицы своей по доверенности жены управляющего имением, натурально старался всеми мерами поддержать свой донос и находясь при чиновниках, распоряжался в имении нарядом всех прочих крестьян привыкших быть под его влиянием, итти жаловаться на распоряжения г. Теглева и мудрено-ли, что к делу о смерти Ионова присоединились жалобы крестьян на общественную запашку, последствия которой они еще не знали и боялись нововведения для них непонятного. Между тем мера общественной запашки, как видно из записок Теглева есть временная для приведения избалованного и расстроенного имения и полей ему принадлежащих в порядок и я думаю, что если бы г.г. Теглевы не надеялись через опыт доказать крестьянам собственную пользу

их в этой запашке, то привели бы свое управление в прежние границы коренного русского хозяйства, но они видели, что некоторые из крестьян после неожиданного для них получения двух частей урожая в свою собственность с оставлением третьей только части для господ начинают уже наклоняться к уразумению выгод этого хозяйства и потому могут считать полное решительное удовлетворение бывших жалоб крестьян внушенных Тариковым стеснительным для своих прав к устройству имения, тем более, что и г. начальник губернии не находит противузаконным склонять крестьян к этому хозяйству по добровольному убеждению в происходящих от него выгодах, а убеждение не иначе могло быть, как по сборе хлеба. Крестьяне состоят в повиновении и по удостоверению саратовского уездного предводителя в имении Теглевой не замечено, „ни нестерпимой жестокости, ни тягостного обременения работами", следовательно и неумеренности в управлении. При об'ясненном разделе урожая, оно для крестьян не безвыгоднее чем различие дней и участков земли и не противоречит 630 ст. 9 т. Св. Зак., обязывающей помещиков пещись о приведении деревень и крестьян своих в лучшее состояние, стараясь, чтобы они не оставляли земли праздно, и давая им нужные к тому способы. В положении собрания говорится, что эта мера необыкновенна и по прочим имениям саратовской губернии неизвестна, но это зависит от случая и восприимчивости помещиков об улучшении хлебопашества и вместе с тем состояния крестьян к чему наклоняет нас и самое правительство, сообщая в периодических изданиях с полною заботливостью все полезное по этому предмету.—Подобное этому распоряжение было в саратовской губернии и достигло своей цели; более уже тридцати лет тому мать моя, управлявшая имением от нее по наследству мне дошедшим, отобрала всех в нем ленивых, нерадивых и шалунов, выселила их на особый свободный участок, назвала деревню эту Лентяевкою и назначила для исправления их общественные работы с отделом в пользу означенных людей половины приобретавшегося ими хлеба, а не двух третей, это продолжалось до видимого улучшения крестьян, как в состоянии, так и в нравственности. Теперь эта Лентяевка есть одно из зажиточнейших селений в моем имении, которое все в хорошем положении она пришла в такое состояние не через обороты и торговлю, а через одно хлебопашество, многие тяглы имеют там до десяти рабочих лошадей, и в отношении же нравственности крестьян прибавлю, что в их селении никогда суд не бывал и многие из них назначались сельскими начальниками в другие мои деревни.

Положение Дворянского Собрания.

2) Произведенное аткарским предводителем следствие обратить через г. губернского предводителя дворянства к г. управляющему губернии с тем, что Собрание сие признало его не подлежащим своему рассмотрению, а судебного места, ибо в нем заключаются расспросы о причинах продолжающегося неповиновения и буйства крестьян Теглевой, которых впрочем в имении не существует, и насчет неправильных будто-бы действий саратовского земского суда к удержанию их от оного за данными от г. начальника губернии о том предписаниями г. губернский предводитель не оставит положение сие в оригинале так равно и то мнение, какое будет подано от него, аткарского уездного предводителя, препроводить от себя для представления на благоусмотрение и утверждение господину министру внутренних дел к управляющему губерниею г. вице-губернатору, присовокупя к сему и об'ясненные две пасквильные Теглевых просьбы, которых за учиненною надписью вторично принимать не следовало, на усмотрение же его высокопревосходительства.

Мое мнение.

По закону пасквилем называется подметное ругательное письмо на частное лицо, а ябедою затеянная напрасно тяжба с вымыслами и лукавством, а просьбы г.г. дворян Теглевых не заключающие в себе ни пасквиля, ни ябеды приняты мною 19 и 21-го числ декабря, первая из них была возвращаема потому только, что в ней помещались жалобы на лиц не подлежащих моему обследованию, вторую, при которой вновь была доставлена возвращенная мною жалоба с надписью, я должен был принять по силе ст. 867, 15 т. Св. Законов и хотя г. Теглев требовал приложить эти бумаги к производимому мною следствию, но я не сделал этого, а передавая дознание мое его превосходительству состоящему в должности саратовского гражданского губернатора просил разрешения, как в этом случае поступить, и его превосходительство приказал мне оба прошения представить к нему при особом отношении, что я и исполнил, а он принял.

Чтож касается до слов г. Саратовского уездного предводителя, что будто бы я, увлекаясь показанием г. Теглева, ошибочно заключил, что крестьяне жены его не совершенно повиновались, до прибытия станового пристава Злобина, то доказательством справедливости моего заключения служит

находящаяся в следствии Земского суда, которое было мне препровождено для соображения,— подписка крестьян г-жи Теглевой о повиновении г-же своей данная г-ну Злобину. Но сами крестьяне, как из положения видно и „после того неоднократно приходили с жалобами и что тогда подозреваемые мною в подстрекании к неповиновению прочих в имении не находились, а по воле помещицы содержались в рабочем доме более четырех месяцев", то и это не только не опровергает, но подтверждает не подозрение, а мнение мое, потому что крестьяне эти в смирительном доме были не более четырех месяцев как сказано, а только два дни именно: они были посажены по отношению Земского Суда за № 2816, июня 16-то выбыли по отношению оного-же суда того же июня 18 числа, а остальное время, находясь в стану, отстоящем от имения г.г. Теглевых в очень близком расстоянии, могли и имели всю возможность возмущать прочих. Генваря 24 дня 1842 года № 16.

Аткарский уездный предводитель дворянства и кавалер
Арефа Киселев.

Отношение саратовского уездного предводителя дворянства к состоящему в должности саратовского гражданского губернатора.

По отношению управляющего здешнею губернией, от 18 июня сего года за № 5062, на имя предместника моего, а им мне переданному 14 числа сего м-ца, о крестьянах помещицы Теглевой я обращался отношениями к местному земскому исправнику от 14 числа сего м-ца за № 3 в дополнение отношения предместника моего от 4 августа за № 4 и к г. бывшему уездному предводителю дворянства от 15 числа сего м-ца за № 4 просил их уведомить меня, не имеет ли они каких либо сведений относительно управления имением помещицы Теглевой и довольны ли крестьяне вновь введенным распорядком общественной запашки; на это отозвался г. бывший уездный предводитель дворянства словесно, что после удостоверения г. аткарского уездного предводителя дворянства жалобы как от помещицы так и от крестьян никаких не получал, а г. исправник 15 числа сего месяца за № 318 уведомил меня, что также и нему жалоб от крестьян г. Теглевой на управление мужа ее вновь не поступало, и поняли ли они от введенного нового управления выгоду хозяйства сведений никаких не имеет и довольны-ли они таковым управлением он по короткости времени

полученного им от 4 августа за № 4 от предместника моего отношения по сему предмету дознания сделать не мог.— Между тем, я лично отправлялся в уезд без огласки и без всякого письменного производства, но самым вернейшим образом разведывал о положении крестьян г. Теглевой, как по близости сего имения, у живущих соседей, так и от самих крестьян, удостоверил, что они таковым хозяйством остаются не довольны и считают это для себя обременительным. Доводя о сем до сведения вашего превосходительства имею честь присовокупить, что каков бы ни был вновь введенный г. Теглевым распорядок по управлению имением жены его относительно общественной запашки земли, но во всяком случае, как для владельца, так и для крестьян не принесет существенной пользы потому: 1-е—хлебопашцы имеют не одинакое состояние и возможность, различные способности и готовность к трудолюбию, а потому и действия их в хозяйстве и работах производятся не одинаково, так что один ревностный работник приносит пользу более многих нерадивых, при общей этой запашке упадает усердие пахать к трудолюбию и хозяйству у самых лучших крестьян, ибо польза общая не столько влечет их к тому как собственная своя.—2-е, при нарядах на общественную запашку или на общую работу крестьяне выходят одни только тягловые, тогда как при своих собственных, крестьяне все без из'ятия и малые и старые неусыпно для себя пекутся и работают по мере возможности, чего при общественной запашке производиться не может. 3-е—сверх того зажиточные хлебопашцы имея способы нанимать рабочих, и тем усиливают свои работы, от чего умножается благосостояние их, имея при том возможность в определенные свои дни еще и отлучаться для изыскания другими способами на стороне полезного для себя оборота или дозволительной торговли своими избытками и влечет каждого уже самый произвол к выгодам, как на собственную свою отдельную и не общую и еще неизвестную прибыль кому, что по расчету может быть и ошибочному придется, как делается в имении сем в настоящее время.

В должности уездного
предводителя дворянства
Павел Жарский.

18 августа 1842 г.

Нарышкинская вотчина, Камышинского уезда.

(Дела по личной части саратовского губернского предводителя дворянства 1847 года № 77. Архив губернского дворянского собрания).

Письмо управляющего вотчиной княгини Марии Антоновны Нарышкиной П. Фон-Бергольца саратовскому губернскому предводителю дворянства 2 декабря 1847 года.

Ваше Превосходительство,
Милостивый Государь!

Видя ясно из требования Вашаго Превосходительства от 30 ноября за № 532-м, что не без основания распущены слухи не только в г. Саратове и Камышинском уезде, но почти по целой Саратовской губернии, будто бы от господ камышинского уездного предводителя дворянства Скибиневского и исправника Данилова поданы письменные доносы Его Превосходительству господину начальнику губернии о злоупотреблениях и беспорядках, допущенных будто бы мною в заведываемых мною Руднинских вотчинах вдовы обер-егермейстера действительной тайной советницы Марии Антоновны Нарышкиной и что крестьяне доведены мною до совершенного разорения и нищенства, вследствие чего имение это на основании законов имеет быть взято в опеку, а я предан суду; я вынужденным себя нахожу об'яснить Вашему Превосходительству всю сущность управления и состояния этих вотчин в большой, против требования Вашего, подробности.

Руднинские вотчины, состоящие Саратовской губернии, в Камышинском уезде, принадлежали прежде супругу доверительницы моей обер-егермейстеру Дмитрию Львовичу Нарышкину, от которого взяты (неизвестно мне наверно когда и за что), но кажется за долги в 1829 году под Высочайше утвержденное Попечительство, в управлении коего оно вместе с прочими состояло до 1839 года, а в 1839 году по случаю смерти обер-егермейстера Нарышкина Попечительство уничтожено и имения покойного переданы во владение супруге его и сыну; по учиненному предварительно между сими последними раздельному акту достались доверительнице моей из Саратовских имений Руднянская волость с принадлежащими к ней слободами и хуторами в количестве 5356 душ; имение это принимал от Попечительства Г. Колпиков и передавал уполномоченному от Марии Антоновны Нарышкиной, генерал-майору Брозину пригласившему в то же время отца моего принять на себя дальнейшее им управление. Таким образом отец мой принял Руднянские вотчины в свое заведывание в августе месяце 1839 года... Отец мой, найдя все

части хозяйства в совершенно запущенном состоянии, обратил тотчас же особенное внимание на некоторые постройки, на устройство вотчинного гошпиталя и школы на учреждение лесной стражи для прекращения самовольных порубок и т. п., все это не понравилось, хотя разоренным, но привыкшим к своеволию крестьянам, почему они отправили, в 1840 г., из среды себя 5 человек крестьян с жалобами на новое устройство, сделав для этого значительный денежный сбор...

В 1842 году отец мой по многоразличным занятиям и делам его—был в необходимости переехать на постоянное жительство в г. Москву, передал по желанию г. Нарышкиной, управление Руднянскими ее вотчинами мне доверенвостью..., а впоследствии в 1845 году, она заменена другою, данною мне от самой доверительницы моей .. Переехав в 1843 году по новой моей обязанности в с. Рудню и вникнув в положение крестьян и экономического хозяйства я нашел все части уже на пути к улучшению, но для достижения в скорейшем времени главных средств поправления имения, я счел необходимым составить новое положение о тягловой раскладке... и вслед за сим представить об убавке оброка, о усилении покупкой количества рабочего скота, о введении наград для поощрения лучших крестьян о прибавке к тягловому положению сенокосных мест, и о прощении старых недоимок денежной более 40 тысяч руб. серебр. и хлебной слишком 7 тысяч четвертей все эти представления были уважены... Вместе же с сим озаботился окончанием межевания земель, постройками различных экономических заведений, разведением шпанских овец, хорошего сорта лошадей и таким образом упрочив доходы поставил имение в настоящее его положение, сущность чего заключается в следующем:

1. Вся Руднянская волость разделена на 4 участка, 1 состоит из с. Рудни и хуторов: Терсинка, Тарапатина и Баранникова, 2 из с. Лемешкиной, хутора Барадаева и д. Техменевой, где поселены Попечительством русские крестьяне, переведенные из Тульской и Тверской губернии за недоимки и как неимущие, 3 участок заключает в себе с. Ильмень и хутора Разливку, Подкуйков и Осячьки и наконец в 4-м участке степные хутора Козловка и Егоровка. каждый из участков управляется особенным управляющим, а все вместе состоят в моем заведывании и являются каждую субботу в Руднянскую Главную Вотчинную Контору, где сдают письменные ведомости о работах за истекшую неделю... и получают на следующую неделю вновь письменное назначение работам.

2. По прилагаемому руководству *) делается ежегодно управляющими участками при вотчинном бурмистре и сельских старшинах тягловые назначения оброчных и баршанских крестьян, которые по окончании представляются в Главную Контору, где проверив их и рассмотрев во всей подробности они утверждаются мною и Главной Конторой отсылаются в участки к руководству.

3. Каждое, назначенное таким образом тягло имеет в своем неприкосновенном владении, кроме усадебных, огуменных и огородных мест пахатной земли как оброчные, так и баршанские по три десятины в каждом поле, а сенокосу оброчные имеют на тягло по одной десятине в поемных лугах, и столько же в степи, для баршанских же в отношении сенокоса, устроен следующий порядок: когда подходит время уборки сена, все баршанские крестьяне в полном их тягловом составе употребляются в эту работу поголовно до тех пор, пока возможно, хотя бы это продолжалось 2 и 3 недели и более, и убираемое ими сено делится попалам, так что на каждом сенокосном участке скосив и смешав в копны сено; оно считается, и ровно половина его отделяется крестьянам, которое они уже делят между собой по числу работавших,—а другая половина, как причитающаяся на трехдневную барщину, поступает в экономию, очень натурально, что порядок этот может быть введен только в таких имениях, как Руднянские вотчины, которые заключают в себе 22 тысячи десятин сенокосу.

4. Повинности крестьян в отношении к своей владетельнице заключаются в следующем: а) оброчные крестьяне разделяются на два разряда: 1 разряд платит 110 руб. с тягла, и не имеют никаких более обязанностей, исключая общих мирских или общественных, оброчные крестьяне 2 разряда платят по 90 руб. и сверх этого убирают в экономических лугах на тягло 200 пуд. сена, должны делать в случае надобности по одной подводе в год в Саратов, но не далее, и помогают барщинским крестьянам в прудке мельничной плотины в случае ее прорыва, в) барщинские или на изделии, состоящие крестьяне исполняют барщину на общем законном положении, т. е., всякое тягло работает в неделе три дня на экономию, или брат на брата, т. е. один брат работает всю неделю на барщине, а другой остается свободным дома, убедиться в точном исполнениии этого весьма легко при заведенном мною в Руднянской Конторе порядке, ибо ведомости... ясно показывают ход работ, и из них же видно употребляются ли крестьяне по Воскресеньям и

*) В деле не имеется.

праздничным дням в работу или нет. Работы барщинских крестьян заключаются в посеве ежегодно $^1/_2$ десятины узаконенной меры озимого и 2 десятин ярового хлеба, в уборке сена, в уходе за скотом овцами, в различных постройках и т. п. Кроме означенных здесь повинностей с крестьян в пользу экономий никаких обычных сборов, баранами, птицей, тальками, яйцами и проч. не производится, напротив для вспомоществования бедным крестьянам, не имеющим рабочего скота много содержится на экономический счет около тысячи штук рабочих быков, на которых они обрабатывают причитающиеся на их тяглы экономическую пашню и в свои дни они получают этих быков с плугами и боронами под надзором Сельских Начальников для обработки своих собственных полей, этот порядок исправил некоторых бедных крестьян, которые хотели и успели им воспользоваться, многие, неимевшие у себя никакого рабочего скота, начали заводить быков и лошадей своих собственных, но сверх этого каждый год покупаются экономией молодые быки, которые им раздаются, а употребленные на покупку деньги возвращаются Конторе с проданного сена. причитающегося на их тягла, но в котором крестьянин не имеющий скота, не имеет нужды—и, наконец, с/дворовые люди, должностные, пастухи при шпанских овцах, мастеровые, конюха при заводе—все эти люди находясь при своих занятиях, получают хлебное положение по количеству душ в их семействах, сена и солому для скота и денежное положение по занимаемому месту или по видимости, а большая часть имеют от экономии даже и одежду.

5. Повинности крестьян в отношении своего общества заключаются в обработке по $^1/_8$ части десятины в каждом поле на тягло как оброчные, так и барщинские, таковые посевы производятся для двух предметов, один для пополнения запасных магазинов, а другой для составления общественного запасного капитала; работы эти производятся независимо от экономии под наблюдением Сельских Начальников и Старшин, избираемых обществом, барщинские крестьяне должны для этого уделять натурально из своих дней, а оброчные берутся за работу, когда им удобнее, лишь бы посев и уборка была сделана своевременно. Этим единственным средством я достиг возможности почти уже выполнить узаконенную пропорцию хлебов в запасные магазины, и сверх этого кроме мирских расходов, которые покрываются теперь из общественной суммы и прежде подлежали сбору, крестьяне имеют налицо своего собственного хлеба ржи 1559 четвертей, пшеницы 2506 и проса 355 чет-

вертей, из которых им выдается в случае надобности семена на посев или для насмены в случае неурожая, натурально с возвращением с первого убранного снопа, таким образом только можно отвратить нищенство и нужду.

6. Для взноса в местное Казначейство Государственных податей сбирается со всех крестьян, как оброчных, так и барщинских по 13 руб. 25 коп. ассигн. в год с каждого тягла, что составит с ревизской души в год около 6 рублей ассигнациями. Если этот сбор произведется безнедоимочно, то остаток обращается в общественную сумму, если же чего по сбору недостает, то пополняется из той же суммы.

При этом порядке вещей Руднянские крестьяне кажутся мне быть довольными, к помещице своей они все время моего управления никаких жалоб на управление не посылали и до того привыкли к порядку трехдневной барщины и в святости исполнения правил о праздновании воскресных и праздничных дней, что в 2-х или 3-х случаях неумышленного отступления от этого Управляющими участками, они являлись с жалобами ко мне, следствием чего было всегда полное их удовлетворение, а в одном случае даже отрешение всех местных начальников от должностей; также и на жестокость наказаний за преступления они жаловаться не могут, ибо по заведенному мною порядку, каждый виновный в чем-либо присылается из участка при рапорте в контору, где исследовав дело, он подвергается наказанию розгами от 10 до 30 ударов или работе на определенное время, или денежному штрафу в пользу церкви, экономии или общества, смотря по преступлению, но во всяком случае, акт этот записывается в штрафную книгу, причем строго наблюдается, что если крестьянин записан был в этой книге три раза в течение одного года, или в большее время три раза за одинаковое преступление, то отдается в рекруты. Напротив этого, крестьянам, отличившимся хорошим поведением, нравственностью, привязанностью к церкви и религии и рачением о собственном хозяйстве, выдаются в награду Св. Иконы в серебрянных и позлащенных окладах и шотландские однопарные плуги со всей упряжью и с парой быков, а Сельским начальникам, которые назначаются у меня преимущественно из очередных семейств за 6 лет хорошей службы даются почетные кафтаны, а за 10 лет рекрутская квитанция на все его семейство.

Из всех этих об'яснений прежнего и настоящего управлений Руднянских вотчин, Ваше Превосходительство усмотреть изволите, что при заведенном мною порядке и ходе дел, если бы и были крестьяне обедневшие от каких

либо обстоятельств, как падеж, неурожай хлеба, или если бы и вкрались какие-либо беспорядки у Управляющих участками, то это все-таки без малейшей вины с моей стороны, ибо не доходили до моего сведения; но я почти уверен, что и этого даже нет, ибо крестьяне в последние 5 лет видимо поправились, за исключением только самых негодных лентяев и некоторых частных случаев.. Я думаю, что крестьяне, у которых прибавляется значительно и строений и скота, не разоряются, а поправляются; то же самое я думаю и о вотчине, в которой каждый год значительное количество тягол выходят с барщины на оброк... и, наконец, я имею у себя от 10 селений Руднянских вотчин письменные прошения, которыми они требовали от меня представления помещице их предложения отпустить их всех на волю с пятью десятинною пропорцией земли, предлагая за каждую ревизскую душу внести по 200 руб. ассигн. и долг Государственного Заемного Банка в 349 руб. ассигнациями на душу принять на себя об этом деле имею я уже переписку с доверительницей и думаю, что подобное предложение могут сделать только поправившиеся, а не разорившиеся крестьяне.

Имея честь об'яснить сим по сущей правде во всей подробности все вопросные пункты Вашего Превосходительства, мне остается только отвечать на вопрос: „было ли делано мне внушение от Г Камышинского Предводителя Дворянства об изменении мною порядка управления, и что мною было сделано вследствие этого внушения". Но этого вопроса совершенно непонимая, а должен только сказать, что никакого внушения я от Г. Скибиневского никогда не слыхал и не знаю, что мог бы он мне внушать и что должен бы я был переменять в моем управлении; в котором, хотя, вероятно, и есть недостатки, но я их не вижу, слышал только от служащих при Руднянском имении, что в июле месяце сего года, когда я был в г. Пензе, приезжали в Рудню и Слободу Ильмень Гг. Уездный Председатель Дворянства Скибиневский и Камышинский Исправник Данилов, где под предлогом осмотра запасных магазинов расспрашивали священников и крестьян о работах, ими производимых, о платеже оброка, о сохранении праздничных дней и вообще об управлении, но после этого я Г. Скибиневского не имел чести видеть, никакой бумаги от него не получал и не знаю бывал ли он в Рудне прежде и после этого приезда; но в октябре месяце получил уведомление от некоторых знакомых моих, что в Саратове рассказывают, что Его Превосходительству Господину Начальнику Губернии подан на меня донос, что я будто-бы совершенно ра-

зорил управляемые мною вотчины, налогом чрезмерным оброком, употреблением крестьян в работу по 2 и по 3 недели к ряду не давая им отдыха даже в воскресные дни, что я сбираю на уплату Государственных податей по 13 рублей с души более против назначаемого Правительством и еще много подобных вещей. Слухи эти заставили меня приехать в Саратов, где я теперь совершенно убежден в действительном существовании такового доноса, поданного вороятно для того, чтобы вовлеч начальство в заблуждение и очернив меня пред правительством. пред дворянством и пред моей доверительницей, оскорбить мою честь и сделать вред, который могли придумать только самая злая ненависть, почему я в заключение вынужденным нахожу себя покорнейше просить Ваше Превосходительство, как Губернского Предводителя Дворянства исследовать на месте все мои действия по управлению Руднянскими вотчинами, где Вам легко будет убедиться в истине всего сказанного мною в этом об'яснении,—и тогда если действительно донос подобного содержания существует, то оправдав меня с виновными в этой клевете их разгласившими это до того, что все это известно всем и каждому в Камышинском уезде,—поступить как законы повелевают; к этому я считаю обязанностью присовокупить, что все служащие у меня, равно и крестьяне, которым что известно, находятся в некотором беспокойстве, не умея себе растолковать что все это значит и чем это кончится, ибо от крестьянских обществ никогда и никому жалобы на меня не были, следовательно что же было поводом к этому доносу.

С чувством глубочайшего высокопочитания и преданности имею честь быть навсегда

Вашего Превосходительства
Милостивый Государь
Покорнейший слуга
П. Фон-Берхольц.

2 Декабря 1847 г.
№ 2801.

Из писем генерал-майора Рылеева к приказчикам.

(Дела по личной части Саратовского губернского предводителя дворянства, 1831 г., № 43. Архив губернского дворянского собрания).

Марта 19 дня 1829 года. С. Петербург.

Получил от вас письма. От Степки два, из коих 1-ое от 31-го генваря, а 2-е от 16 февраля и при первом письме получил денег 280 р., а при втором 205 руб., а твое письмо от 15 февраля, при котором причислено оброчных 400 руб. по коим находя присылку вашу по мелкоте, а тем больше только делаете запутанности в поверке записки и счетах— ибо пред сими получениями поверял присылку вашу в оброчной сумме за 1828 год и оставалось в недоимке за сей год 1595 р., но после сего счета получил еще 505 руб., а за исключением оных оставаться будет в недоимке 1090 руб., а по твоей ведомости значится в недоимке на крутецких за 2-ую половину 1828 года--185 руб., да Степка пишет, что по его сбору осталось также на крутецких за 1-ую 1828 г. половину 145 руб., а всего составит 330 руб., а с остальных 760 р. к ведомости об оных ничего не поставляете, и на ком оные состоят в недоимке не значить,—но Степка пишет, что по Александровской за 1828 г. не состоит ничего недоимки,—а как видно из его письма, что с крутецких с II, 1/2 тягол за 1828 г. остался оброк ими невыплачен, но не означил какая сумма на них состоит в недоимке, а описывает глухо,—только обозначает, то, что оные II, 1/2 тягол за неплатеж оброка назначены к перечислению в Александровку и что де они собрали господский сурженой хлеб и поступили в работу с июля месяца; но вам неоднократно было предписываемо, чтоб вы отчеты отдавали по оборочной сумме вернее, но вместо оного делаете напротив,—но посмотрю как Степка приведет все отчеты по Саратовскому имению,—но за всем тем и ты должен знать сколько остается оброку в недоимке, ибо ты общеуправлял со Степкою и счеты делали вместе, а потому и требую, чтобы ты донес мне сколько именно остается невыплатившей суммы от II, 1/2 тягол и будет ли выходить 760 руб.—; 2, которые назначены вами к переселению в Александровку, перевезли ль они все свое строение и имущество по письмам вашим ничего не вижу--и какой успех происходит, мне не известно, ибо ныне зима стояла весьма благополучная, чрез что они могли без большой нужды перевестись; 3, скрыпинскую землю отдали на 1829 г. 64 дес. по 4 руб. десятину,—чему крайне удивляются как дешево—ибо скрыпинская земля лучшая и хлебородная, а особенно к тому, что некоторыя селения по

окружности около Скрытина имеют недостаток в земле, следовательно и должна бы земля быть в роздаче не менее, чем шесть рублей под яровое десятина, а г-н Гафидов весьма дешевит для своей пользы—но если б ваше было усердие к помещику, чтоб всеми мерами находили во отыскании к снятию земли из тех охотников, кому нужна земля по хорошей цене, а вы только б сдать с рук скорее и отдать задаром,—но скрыпинские просили меня чтоб я им позволил оную всю землю засевать хлебом и брались за оную землю мне вносить деньги по хорошей цене,—но теперь как нашли и в Александровке землю для них хлебородную, то об старой земле забыли уже и думать,—а за милость мою к ним они теперь и думать мало хотят о роздаче, но если бы были добрые крестьяне и думали о пользе г-на своего, то бы всеми мерами старались показать мне свою услугу в том, чтобы посторонним отдавать за хорошую цену; достальныя же деньги 145 руб. с Гафидова нужно получить без упущения времени,—4, даешь знать, что из числа Александровских село на оброк на сей 1829 год—23 тягла но не описываете в состоянии ли таковой все заплатить оброк.—ибо бедной руки и неимеющие хорошаго состояния и не надежные к уплате оброка то таковых вам было предписано, чтобы на оброк не сажать, а употребить на барщину: В случае, если кто либо из них вперед оброчных денег не имеет и тотчас не внесет по его возможности, то таковых тотчас употребить в барщину с прочими наравне. Не спускать до тех пор покуда не внесет деньги сколько по возможности и в состоянии будет, но чтобы ни одного дня даром не было за все таковые дни, за которые не будут внесены оброчные деньги, то ты с Карповым за них заплатите.—(Если подлинно таковые вышли на оброк, некоторые не буду останавливатся в выплате исправно оброка, то пусть таковые остаются на оном, в случае же, если кто-либо из них на 1-ую половину наравне с прочими, не уплатит наперед денег, то такового более не иметь и не считать на оброке, но тотчас употребить в барщину с прочими и тогда ты обще с Афанасием Карповым ответствовать не будете, когда все исправно выплатят). А о недоимке не сметь и слова писать, ибо на вашей ответственности оставаться будет и вы должны на счет сего руководствоваться согласно предписаниям моим; 5, для лучшаго распоряжения и присмотру вашему при господских работах приказываю учредить порядок таким образом, чтоб работа происходила господская во всю неделю изо дня в день, разделив тягловых рабочих людей пополам, одна половина работать будет на господина, а другая на себя.—но чтоб

работники выбираемы были в господскую работу лучшие, а поплошие оставлять на себя—дабы чрез то были б все совершенные работники при господской работе, где можете за ними лучше и надсмотр иметь, ибо при малом количестве народа можно тотчас заметить кто ленится и худо работает, то такового погонять сзади палкою,-и при хорошем присмотре всякий будет иметь осторожность, дабы его не заметил начальник с худой стороны—а при большом народе усмотреть трудно одному и через то многие через пронырство свое удаляются от должной работы и только что при народе мотошится, но без всякой пользы и успеха. Вот для чего и приказываю сделать порядок, дабы ленивых лукавых и тому подобных скорее б можно было увидеть по работе и успеху.—6. что же касается до состоящей недоимки на них прежних лет, сосчитанной мною от начала их покупки до сего времени всего суммою 17,788 рублей но сверх же оной за 1824 и 1825 годы сколько за уплатою остается недоимочнаго оброку мне неизвестно, а ты должен знать верно на ком оставалось и сколько вами собрано и затем сколько оной должно остаться и как оная недоимка ими уплачена быть скоро не может по их закоснелости, лености и лукавству, а через то наростать будут преценты но сию сумму время от времени--то разочтя за первый способ к их полезному облегчению--так как они не находят средства сыскивать себе работу ни дома ни на стороне, но для меня будет все равно я им дам работу которою они будут заниматься всегда неотлучными от своего дома ибо земли по обеим вотчинам сверх надлежащей пропорции находится в излишестве,—а потому заставлять их зарабатывать на барщине вместо уплаты в число недоимочного оброка сверх господской трехдневной работы могут они в летнее и зимнее время из своих дней зарабатывать на барщине как только потребуется, которое им будет зачитаться за каждый заработный день,—но при таком случае должно иметь записную книгу как тебе, так и Афанасию Карпову, кто из них поименно работал, котораго месяца и числа и записывать каждаго поименно—дабы после по той же записной книге делать счеты полугодовые и годовые, по которой можно бы узнать кто из крестьян сколько заработал дней на меня и тогда сколько выключить из числа недоимочного оброка,—а буде кто из них деньги внесет, тот от заработка из своих дней от господской работы избавляется,—но при работах нужно иметь неусыпное смотрение, дабы время не шло без пользы моей—для меня ибо все сие взыщется с вас за худое смотрение и за малый доход, вы не думайте того, чтоб я не счел сколько ими заработа-

но будет дней и какой доход в течение года принесется— и по хорошему доходу тогда им положу хорошую плату поденную каждому к зачету—надо стараться да более засевать хлеба, что главный доход помещика коли Бог даст добрый урожай, а к тому и при доброй распашке и удобрении, а особенно чтобы в жнитье не упускать время: 7, должен ты знать, что из добросудных посылал на Бахметьевский завод для продажи ржи, но они от приказания такового отказались—но не описываешь кого именно посылал, да и как осмелились отказаться, когда им приказано от меня, чтобы они имели присмотр за всем хозяйством, так равно и в продаже хлеба для того, чтобы не было какого ухальства, а была бы с их стороны одна справедливость—но они должны собою пример показывать, а они и сами выходят из послушания, а тем дают пример и рядовым быть ослушными противу их—но за такое ослушание без наказания оставить нельзя—то приказание из таковых добросудных ослушников для примеру отправить в Шульгино, которые пойдут из Шульгина весною на лодках в С. Петербург и тогда очувствуются когда оставят дом и усадьбу и все хозяйство свое—и почему ты не написал, кто именно и почему такового тотчас не отправил с данным от тебя билетом сюда—а ты всех таковых более укрываешь и даешь им послабление—а они, видя твою слабость, смеют тебя ослушаться, и время идет в однех переписках и меня безпокоишь, ибо тебе велено, всех таковых ослушников высылать из имения сюда—а ты все сие забыл и думаешь проказничать—но за все оное ты будешь строго ответствовать—8, на счет ржи торгуемой купцом Синбириным спрашиваешь моего разрешения прикажу ли я продовать по той цене как Синбирин дает по 3 руб. по 40 коп. за мешок 8 подового весу разумеется то излишнюю надобно продавать постараться, чтоб против прочих тутошних помещиков не продешевить, и покуда стоят дороги зимния, то и запродовать дабы доставку запроданному хлебу успеть можно было сделать, но деньги старайся требовать от покупателей без промедления времени, ибо деньги имеют свой оборот, для засева ярового хлеба оставить надобно больше, ибо засев должен быть в нынешнее лето вдвое против прежняго—и не доводить до того, чтобы покупать во время весны по недостатку своих семян и ты должен счесть сколько потребуется семян на засев, а потому столько и оставить— а излишнее можно продать—семена же для засева должно заблаговременно хорошо заставить подсеять, как-то пшеницу, овес, гречу и тому подобное, дабы дурными семенами землю понапрасну не занимать, а когда семена будут хоро-

ши и чисты, то и по урожаю ожидать должно хорошаго хлеба—; 9, за вырученных двух девок от г. Кострицина отдали 40 руб.—которые вовсе не следовало отдавать, а суд бы их возвратил по принадлежности ко мне—что же касается до прочих, то для лучшей их выручки посылаю тебе доверенность и старайся всех таковых отыскивать и возвратить через присутственное место,—10, от Александровской мельницы как вижу доход очень мал делается и по тому доходу я свои деньги, употребленныя на выстройку, едва ли и в два года выручу, но крестьяне сего не чувствуют что это для их пользы сделано—но при худом вашем смотрении и более мельница придти может в худое положение, но если вся та сумма не будет выручена в скорости, то тогда Карпов будет строго ответствовать за неусердный его присмотр по мельнице; 11. По посланной же тебе доверенности ты теперь можешь взять от Саратовской казенной палаты свидетельство на Прокофья Пирогова и Никанора Никифорова, и чтоб в свидельстве было непременно упомянуто о их летах, и по получении сего письма не мешкая ни мало должен отправиться ты в Саратов для получения свидетельства, которое и прислать ко мне по почте; 12, чтож касается до присланных от вас полотен, то оныя не куда негодятся толсты шишковатыя редкия с белизнами бороздистыя и кромки неровныя редкия петлистыя, отчего и в продаже оных покупатели крайне дешевят и мало покупают за таковою сказанною браковкою—и я через то должен терять убыток—но ты и Степка и твоя жена со старостихами нимало не внимали за присмотром в тканье и в белении, крестьянки ткали как хотели, во время же прядения пряжи также не подтверждали, чтобы они пряли пряжу тонкую ровную не шишковатую—и буде оказалось бы, что пряжа худая и не к чему не способная, то таковую не следовало бы и принимать, а должно обраковать и вместо оной взыскать на каждую тальку по рублю, то тогда б из них многия стали бы опасаться и прясть хорошую пряжу, а особенно когда выборку делаете пряже и тканью--то старостихи не думали о том, чтоб в лучшия... (?) отобрать самую лучшую и тонкую пряжу в основу и на уток дабы была ровная, как под одну нитку, отчего бы и полотна были в лучшем виде, а они зря выбирают пряжу и на основу и на уток, мешают нитки с толстой... (?) отчего и выходят на полотнах борозды, шишковатость и прочее, как выше прописано—но если б вы думали о господском изделии и боялись, то б сурово имели смотрение вообще за оными и старались бы крестьянки ткать в лучшем виде,--да к тому еже ткут полотно по три и четыре женщины,

от чего в тканье бывает разница, из них одни сделаны хорошо, а последние дурно и наспех, а посему приказываю, чтобы нынче ткали по две женщины каждое полотно—но за ними смотреть строго, дабы ткали плотнее и кромки бы были ровныя и плотныя, для худшаго тканья же кромок как бывает у ткачей распарушки кайм наделять для каждаго постава; но если и впредь будут полотна вами присланы в таком же виде, как ныне, то вы строго ответствовать будете, а старостихи за худое смотрение привлечены будут сюда,—13,—присланную рыбу и до сих пор продать не можем—потому что вы покупали ее весьма дорогою ценою в тех местах, где существует избыток всякаго рода рыбы и самая дешевись—а вы купили в два раза дороже против Петербургскаго—и то... (?) лову и садковую которая здесь почти считается самой последней,—вот ваше усердие явно вижу только о том и думаете как бы обмануть г-на, ибо разочтя покупку тамошнюю с провозом против здешней то одни убытки, здесь продается осетрина самая лучшая 35 и 40 коп. фун.: судаки от 12 до 15 коп., и визигу вы купили по рублю фунт, а здесь продают 70 коп., но таковой покупке вашей многие покупатели удевляются и не верят чтоб по такой цене была в тамошних местах куплена; но к Степке писал, чтоб он купил одного осетра, а он вместо того три прислал для того, чтобы вам при большей покупке можно лучше было более воспользоваться, но и теперь остается рыба по дешевизне непроданною но с вами покупали и добросудные, то какое ж их есть усердие ко мне когда видят, что рыбу покупают так дорого где могли бы от такой покупки вас остановить, а они и сами подали случай вам бездельничать, но для удержания впредь от таковых непозволительностей дабы напрасно деньги мои не расходовались, то с тех добродушных взыскать за всю покупку рыбную насколько оной куплено за каждый рубль вдвое которые непременно с них собрать, а в случае из них который не может уплатить, то причислить к прежней недоимке, а Степка и ты за таковую дорогую покупку будете каждый строго ответствовать,—14, в нынешнее лето в Крутце, а особенно в Александровке посеять картофелю как можно более, а семян можете достать у колонистов и спросить их как они сеют, а всего лучше знает Федот кучер как в Шульгине сеяли, то он вам покажет, а осенью сделать картофельной муки пуда с два, ибо здесь мука картофельная продается по 20 коп. фунт, то доход от оной лучше всякаго хлеба, а каким образом делать то можете узнать от тамошних помещиков, ибо картофельная мука делается у многих помещиков, но когда оная по сделании

высохнет, то ее просевать в сите, дабы комочков не могло быть,—15, горчицы засевать было приказано как можно более, но и ныне сим о том же подтверждается,—и чтобы стараться более масла горчишного набивать и присылать сюда, но нынешнее масло привезенное, которое видно пережгли очень горчицу в сушении отчего масло имеет цвет полутемный и отзывается пригорью, которое к столу подаваться не может, кроме как для однех ламп. Но ныне надобно стараться, чтобы улучшить в битье масло, чтоб было масло цвету на подобие чистаго янтаря, а не темное и чтобы пригорью не пахло, которое бы можно было употреблять к столу и отделить масло лучшее особо в боченок, а последнее в другой боченок и оное последнее употребляться будет для однех только ламп, но можете для лучшаго делания масла узнать от прочих помещиков, где оное делают и дойти каким образом они делают, или на время можете взять к себе мастера для показания, но надобно выбрать из своих двух женщин, дабы оне от него могли научиться как затирать масло и во всем; 16, предписано было к вам, чтобы вы в обозе прислали два мешка молотой муки из белотурки своего урожая, но вы оной не прислали, то приказываю тебе ныне отправить в Шульгино 2 мешка хорошо смолотой самого мелкого размолу,—которую вели спервоначально посеять и потом смолоть, а оная из Шульгина отправится на лодках весной, ибо хочется мне узнать доброту белотурки; 17, дал бы мне знать Федот о двух жеребчиках, что присланы из Шульгина, ибо им каждому минуло по три года,—какого они виду ростом, статьями можно ли из них хотя одного оставить для приплоду своего завода, но чтоб был в хороших статьях, в росте и тому подобное, ибо он должен и сам знать какого лучше и способнее, оставить к приплоду.—Если из них ни один не способен к этому, то лучше их приказываю продать, а на оные деньги купить двух или трех кобыл с заводов, но стараться при покупке выбрать для заводу хороших кобыл, но чтоб были во всех должных статьях, в росте и собою широкия, но покупать не старее 4 годов, шерстью гнедых или вороных. Старому жеребцу без мала 14 лет, то находит ли он за нужное иметь его для припуску, ибо год за год он потеряет свою цену, то не лучше ли и его продать—о чем наперед дал бы мне знать с описанием всего обстоятельно,—18, по окончании сего письма еще получил от тебя письмо, пущенное тобою от 25-го февраля, в котором к удивлению моему нашел, что ты даешь знать о барщинских женщинах, которым хотел ты роздать на 1829 г. тальки, и оных мужьях будто могли осмелиться сделать против тебя ослу-

шание отозвались тем, чтоб женам их тальки не прясть, а мы, де лучше согласимся, вместо пряжи и тканья холстов, Г-ну внесть с каждой женщины деньгами по восьми рублей, и ты полагал, что ты будешь прав через письмо посланное,—пропустивши целую зиму не давая им к прядению талек льну, а как пришло время, где б нужно ткать,—а ты начал описывать и жаловаться на крестьян, что они не берут, что изо всего нахожу ваше общее мошеничество, дабы избегнуть каким-нибудь образом от тканья—но если от крестьян и добросудных и после времени ни одного письма об оном не получал, да и получать не намерен, следовательно ты всех более виноват,—ты должен был бы роздать по осени, и кто-либо их не взял, то бы таковых ослушников отправил при обозе сюда,—а ты ни того, ни другого не исполнил, и думал тем отправиться, чтобы избавиться самому от занятия, а барщину от прядения помиловать для того, чтобы они держали твою сторону, но как ты мог осмелиться писать об оном ко мне—следовательно ты мало думаешь о пользе своего Г-на, а больше тянешь сторону крестьян, но они тебя не помилуют, а ты за оно себе сломаешь голову и лишишься дому твоего—но я твои пустые резоны в оправдание не приму, так знай же с крестьянами, но чтобы тальки были напрядены, холсты вытканы и выбелены, а если холсты будут присланы дурные, как и прежде прислали, то ты с Карповым так и добросудные будете строго отвечать и будете все сюда привезены.—Если время упустите и не успеете выткать и выбелить полотен, то тогда вместо своих купите другие мне таковой же точно широты и прочности и столько же аршин, как должно быть выткано от своей барщины; деньги мне их не нужны тогда когда на их мужьях состоит большая недоимка, то какая ж может быть надежда получить и с их жен—и потому и не верю и оне вздумали попробовать,—но тогда бы можно скорее показать милость когда б их мужья исправно выплачивали оброк Господину—а они с начала самой покупки из'явили себя предо мной ленивцами ослушными и в приказаниях не исполнительными. И только думают как бы обмануть—но и жен их не намерен баловать на денежном оброке, потому что они больше будут баловаться и будут делать отвычку от пряжи и от тканья,—но заставлять их лучше прясть и смотреть за оным строго, дабы оне пряли пряжу в лучшем виде—а худую и толстую пряжу браковать—но ты во всю бытность Степки надеялся в распоряжении на него, а сам ни во что не входил—тот думал больше о пьянстве и забыл в хмелю роздать и кудельный оброк—но ты чего смотрел и не раздавал ко пря-

дению и о чем ты думал целую осень и зиму—а ты хватился пропустя время итти по малину так как теперь вздумал о тальках, но явно во всем показываешь, что от твоего управления нет ничего полезнаго—худая на всех вас надежда,—что ж касается до мужей их, то ты должен согласно руководствоваться по сему предписанию,—дабы они зарабатывали свой недоимок из своих дней на барщине непременно, за что им будет зачитаться из их недоимочнаго оброк смотря по их добрым заработкам,—а когда будут находиться из своих дней на барщине, то из них всякий будет стараться лучше скорее уплатить оброк нежели как зарабатывать на барщине,—19, даешь знать о бежавшем... (?), что он пойман и пришлется в Вольск и будет судиться за фальшивый билет, но ты только пишешь, что он сознался в том, что он сам писал,—но кто вместо вас или старост в его билете расписался того не видно, но за фальшивый билет точно будет судиться по закону—и накажется кнутом, но я и рад тому—но и жалеть о шельме таком не нужно. Это будет служить примером и для других, когда покажется—и если можно будет, то попроси в суде чтоб по наказании его нельзя ли будет возвратить обратно в имение, но если не приговорят к кнуту, то по наказании хорошо плетьми для примера... (?) другим, то тогда можешь, просить, чтобы возвратили в имение как делается.

А. Рылеев.

ЧАСТЬ III.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Справка по исторической географии.

В XVII веке среднее и нижнее Поволжье в финансовом и военном отношении находилось в ведении Казанского Дворца [1]. За небольшими исключениями та же территория вошла в состав Казанской губернии, при разделении России на восемь губерний указом 18 декабря 1708 года [2].

На востоке Казанская губерния граничила с Симбирской, на юго-западе за Яиком доходила до государственной границы (поскольку о „границе" здесь вообще возможно было говорить), на юге доходила до Каспийского моря, на западе граничила с Азовской губернией и Московской, на севере—с Архангельской.

В 1717 году нижнее Поволжье отделяется административно от среднего. Среднее остается за Казанской губернией, нижнее образует Астраханскую. „Нижегородской губернии быть с Казанской попрежнему",—гласит указ 22 ноября 1717 года,—„а Астраханской быть особо". К Астрахани отнесены, между прочим, Саратов, Петровск, Дмитровский, Царицын [3].

Но в районе реки Медведицы только узкая полоса нагорного берега Волги (из территории нынешней Саратовской губернии) вошла в состав сперва Казанской, а затем Астраханской губернии петровских времен. Указ 18-го декабря 1708 года отнес Петровск—„Петровской"—к Азовской губернии и к ней же отошли все земли западнее реки Медведицы, т. е. территория нынешних уездов Балашовского, частью Аткарского, Петровского и Сердобского и небольшой уголок Камышинского. Правда в 1717 году Петровск причислен к Астраханской губернии и указ 17 мая 1717 года подтверждает, что „и Петровску быть Астраханской губернии по прежнему" [1]. Но южнее Петровска западный берег Медведицы остался в пределах губернии Азовской, переименованной в 1725 году в Воронежскую. В 1717 году еще и северо-западная часть нынешней Саратовской губернии была административно оторвана от Саратова. Часть

---

[1]) П. Милюков, „Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого". 2 изд., СПБ. 1905 г., стр. 276.

[2]) П. С. З., т. IV, 2218.

[3]) П. С. З., т. V., 3119.

[4]) П. С. З., т. V., № 3374.

нынешних уездов Сердобского и Кузнецкого (в составе Пензенской провинции) остались за Казанской губернией, хотя и не составляли с нею одной сплошной территории [1]).

Такие очертания Казанской губернии были неудобны и в 30-ые годы (а может быть в конце 20-годов) из городов Симбирска, Корсуня и Петровска с их уездами образуется Симбирская провинция, которая отделяется от Астраханской губернии и присоединяется к Казанской [2]). К Симбирской провинции отошли повидимому части нынешних уездов: Петровского, Аткарского, Саратовского и уезды Хвалынский и Вольский [3]).

Таким образом то, что образует в настоящее время Саратовскую губернию, разделено было от 1708 года до 1717 года между двумя губерниями—Казанской и Азовской, а после 1717 года между тремя губерниями—Казанской, Азовской (Воронежской) и Астраханской, причем от 1717 года до 30-х годов в состав Казанской губернии входили только те „Саратовские" (в современном смысле) земли, которые принадлежали к Пензенской провинции, а начиная с 30-х годов еще и те, которые стали принадлежат к Симбирской провинции.

Такое положение просуществовало до административной реформы 1780 г. 7 ноября 1780 года издается указ об образовании нового Саратовского наместничества, которое составляется „из девяти уездов, а именно: Саратовского, Хвалынского, Вольского, Кузнецкого, Аткарского, Петровского, Сердобского, Балашовского и Камышинского. Вследствие чего дворцовые села: Сосновый Остров, Малыково, Нарышкино и Балашово, пахотные солдаты селения Еткару и Большую Сердобу устроить городами под названием Хвалынска, Вольска, Кузнецка, Балашова, Аткарска и Сердобска. Город Дмитриевск переименовать Камышинским [4]).

Эта была основная хартия будущей Саратовской губернии и то, что намечено в ней, сохранилось в главных чертах до настояшего времени. Но с некоторыми изменениями и после некоторых административных шатаний, о которых речь будет впереди.

---

[1]) См. А. А. Голомбиевского, „Узинский стан Пензенского уезда по книгам 2 ревизии" и „Пензенского уезда Завальный стан по переписной книге 2 генеральной ревизии", Труды Саратовской Архивн. Комиссии, т. IV. вып. 2, Саратов 1893 г., стр. 129—184.

[2]) Ю. Готье, „История областного управления в России от Петра I до Екатерины II, т. I, Москва, 1913 г., стр. 112—113.

[3]) Судя по хранящейся в Саратовской Архивн. Комиссии, „Генеральной Карте. Казанской губернии, сочиненной по новейшим известиям в 1779 г. Федором Черновым—Ю. Готье (см. карты, приложенные к цит. соч.) не относит, однако этих земел к Симбирской провинции и проводит южную границу последней там, где в настоящее время проходит граница Симбирской губернии.

[4]) П. С. З., т. XX, № 15080, 1780 г.

Шесть селений переименованы были указом 1780 года в уездные города. До 1780 года в пределах нового наместничества существовало только четыре города: Саратов, Царицын, Петровск и Дмитриевск-Камышин.

Девятиуездное наместничество 1780 года было гораздо обширнее соответствующих девяти уездов современной Саратовской губернии. Уезды: Хвалынский, Вольский, Саратовский и Камышинский лежали по обе стороны Волги и луговая их часть была значительней нагорной.

Два года после образования наместничества оно было еще расширено к западу и к югу: 10 февраля 1782 года от Тамбовского наместничества перечисляются к Саратовскому Новохоперск [1]) и указом 2 апреля 1782 года к Саратову присоединяются города Царицын с Ахтубинским заводом и Черный Яр. Указ называет Саратовское наместничество губернией [2]).

На этом заканчивается Екатерининское законодательство, вслед за которым идет период административных опытов Павла I.—31 декабря 1796 года, в порядке издания новых штатов, Саратовская губерния уничтожается и Саратов переводится в уездные города Пензенской губернии [3]). Но уже весной следующего года указ 5 марта 1797 года „в рассуждение лучшей удобности повелевает уездному городу Саратову быть губернским городом, куда и перевесть все губернское управление из города Пензы, оставляя его уездным, губернии же именоваться Саратовской [4]). В 1798 году точнее устанавливается разделение территории Пензенской губернии между четырьмя соседними—Тамбовской, Нижегородской, Симбирской и Саратовской. Заслушав рапорт Саратовского губернатора Ланского о том, что, по присоединении Пензенского, Городищенского и Мокшанского уездов бывшей Пензенской губернии к Саратовской, удобнее из 14 городов оставить 10,—Саратов, Пензу, Вольск, Хвалынск, Сердобск, Новохоперск. Камышинск, Царицын, Кузнецк и Петровск; Аткарск же и Балашов, ныне существующие, упразднить вместе с Мокшанском и Городищами, которые и прежде были уничтожены [5])... Сенат постановляет 12 апреля 1798 года предложение это утвердить.

В это царствование Саратовская губерния наиболее обширна. Она включала всю свою нынешнюю территорию и сверх того Новохоперский уезд. Воронежской губернии, Пен-

---

[1]) П. С. З., т. XXI, 15343.

[2]) П. С. З., т. XXI, № 15376, 1782 год.

[3]) П. С. З., т. XXIV, № 17702, 1796 г.

[4]) П. С. З., т. XXIV, 17867, 1797 г.

[5]) П. С. З., т. XXV, № 18482, 1798 г.

зенский, Городищенский и Мокшанский уезды Пензенской губернии, затем Николаевский и Новоузенский уезды Самарской губернии, а также Царевск, Астраханской губернии, входившие в состав соседних правобережных Саратовских уездов и, наконец, еще Черноярский уезд [1]): 18 современных уездов вместо нынешних десяти с площадью земли приблизительно в два раза превосходящей Саратовскую губернию дореволюционного состава.

Но уже в первый год правления Александра I началось восстановление прежних административных границ. Оно сопровождалось торжественной декларацией, не лишенной некоторого административно-философского содержания: „Исполнение закона в Государстве, толико пространном, как Империя Российская“, — так раз'яснял указ зависит от столь многих и различных соображений, что по мере опыта и открывающихся обстоятельств Государственные нужды и польза требовали от времени установлять в образе его некоторые дополнения. Зная, сколь мера сия к лучшему устройству необходима, и сколь тесно действие исполнительной части сопряжено с соразмерным распределением ее относительно к пространству земли, населению ее и нуждам обывателей, мы по всем сим предметам приняли на уважение опыты и наблюдения, в продолжении многих лет собранные и познав из них затруднения и неудобства отправления правосудия и действия Земской Полиции облежащие, признали нужным восстановить пять губерний и в их числе Пензенскую [2]). От Саратовской губернии снова отошли уезды Пензенский, Городищенский и Мокшанский.

Затем указом от 29 марта 1802 г. от Саратовской губернии отчисляется к Воронежской Новохоперский уезд [3]) и указом 15 ноября 1802 года Черноярский уезд возвращается Астраханской губернии [4]). После этого правобережная часть Саратовской губернии приобретает (за исключением южной ее окраины) нынешний свой вид, но приволжские уезды имеют еще свое продолжение на луговой стороне. Это уезды Хвалынский, Вольский, Саратовский, Камышинский и Царицынский. В 1836 году (указ 18 декабря 1835 года) в Заволжской части Саратовской губернии открываются три новых уездных города: Николаевск, Новый-Узень и Царев

[1]) Однако на карте „Саратовской губернии из 10 уездов“, хранящейся в Саратовской Архивной Комиссии и относящейся ко времени царствования Павла I, Саратовская губ. изображена без города Черного Яра и его уезда, да и указ 12 апреля 1798 г. (П. С. З., т. XXV, № 18482) также не упоминает о нем. Быть может фактически Черноярский уезд не был вовсе введен в состав Саратовской губернии.

[2]) П. С. З., т. XXVI, 20004.

[3]) П. С. З. т. XXVII, 20005.

[4]) П. С. З., т. XXVII, 20511.

и число уездов губернии возростает до 13. Но территория губернии в целом на этот раз не подвергается изменениям. Наконец, в 1850 году Саратовская губерния потеряла свою заволжскую часть. Сперва Царевский уезд присоединен был к Астраханской губернии, затем указом 6 декабря 1850 года с 1 января следующего года образована была Самарская губерниия и к ней отошли уезды Николаевский и Ново-узенский.

Хронологическая таблица изменений в составе Саратовской губернии.

1708—1717.

Территория нынешней Саратовской губернии входит в состав Казанской и Азовской губернии.

1717—1780.

Территория нынешней Саратовской губернии входит в состав Казанской, Азовской и Астраханской губернии.

1780—1782.

Саратовское наместничество состоит из 9 уездов: Кузнецкого, Хвалынского, Петровского, Сердобского, Вольского, Аткарского, Саратовского, Балашовского, Камышинского. Уезды Хвалынский, Вольский, Саратовский и Камышинский имеют продолжение на луговой стороне

1782—1796.

К губернии присоединены уезды: Новохоперский, Царицынский и Черноярский. Саратовская губерния состоит из нынешних 10 уездов с их продолжением на луговой стороне уезды Новохоперский и Черноярский.

1796—1797.

Саратовская губерния уничтожается на 2 месяца и отходит к Пензенской.

1797/8—1801.

Саратовская губерния состоит из нынешних 10 уездов с их продолжением на луговой стороне + уезды Новохоперский, Черноярский, Пензенский, Городищенский, Мокшанский.

1801—1802.

Саратовская губерния состоит из нынешних 10 уездов с их продолжением на луговой стороне + уезды Новохоперский и Черноярский: как и 1782—1796 (Пензенские уезды отходят).

1802—1836.

Саратовская губерния в составе нынешних 10 уездов с их продолжением на луговой стороне (Новохоперский и Черноярский уезды отходят).

1836—1850.

Саратовская губерния в составе нынешних 10 уездов и уездов Николаевского, Новоузенского и Царевского, образованных из луговой части уездов Хвалынского, Вольского, Саратовского, Камышинского и Царицынского. Общая территория та же, что 1802—1850.

С 1850 года по 1918 год.

Саратовская губерния состоит из десяти уездов: Кузнецкого, Хвалынского, Вольского, Сердобского, Петровского, Саратовского, Аткарского, Балашовского, Камышинского и Царицынского.

Статистика землевладения в Аткарском и Камышинском уездах.

Камышинский уезд занимает по данным Генерального межевания 1,122,366 десятин, по данным Саратовской Губернской Земской Управы—1,141,832 десятин. Речь идет о нынешнем (дореволюционном) Камышинском уезде, или о старом Камышинском уезде лишь в нагорной его части. Луговая сторона рассмотрена отдельно.

Чины, производившие в 1766 г. опекунское межевание в поисках свободных земель для иностранных колонистов, находят здесь уже и государственных крестьян, и экономических, и ясашных, и дворцовых, и помещичьих. Они обходят оккупированные уже к тому времени земли и в связи с их работой выясняется, насколько уезд уже заселен и насколько он еще свободен.

Результаты опекунского межевания представляются в следующем виде: общее владение Камышина определено в 381,787 дес.; владение дворцовых, ясашных, экономических и государственных крестьян—в 116,913 дес. (по 3 ревизии 4278 душ м. п.); помещичьей земли—57,802 дес. (и на ней по 3 ревизии 3051 д. м. п.). Единственные помещики того времени—Нарышкины. Они владеют несколькими селениями, но кроме того „присваивают", как гласит наш документ, несколько дач в 20,136, в 11,793 и в 46,173 дес. Эти присваемые дачи мы не включаем в помещичий фонд и получаем тогда такие итоги. Из всей площади уезда в конце 60-х годов XVIII века занято 556,502 дес. Это составляет около 50% площади, определенной генеральным межеванием. В действительности свободная часть обширного уезда была однако больше. Камышину отведено было 381,787 дес., что превышает площадь иных уездов. Не подлежит ни малейшему сомнению, что эта площадь фактически почти не была заселена и использовалась Камышинскими обывателями лишь в самой незначительной части. Зато 47,028 дес., отмежеванные Золотовской волости дворцовых крестьян на 2014 душ повидимому лишь после опекунского межевания (хотя с. Золотое существовало в начале XVIII в.), должны быть причислены к местностям фактически уже более или менее оккупированным в 60-е годы 18-го века. Чтобы получить цифры более близкие к действительности, мы возьмем поэтому уезд без владений Камышина и в этой его части будем считать уже занятыми и

земли Золотовской волости. Тогда из 740,579 окажутся оккупированными 221,743 десятины. А 70%, т. е. более $^2/_3$ всей этой площади были еще свободны.

Эта свободная земля пошла прежде всего на цели иностранной колонизации. Немцы (и французы), вызванные Екатериной II, получили наделы в Камышинском уезде, причем отвод земель сделан был при опекунском межевании и был даже главной целью этого межевания. Намежевано было в то время на колонии 226,920 десятин, т. е. почти половина той площади, которая оставалась незанятой. Вполне свободными оставались после этого по нашему расчету 291,916 десятин, если брать всю площадь уезда по данным генерального межевания. По данным Саратовской Казенной Палаты (1803 г.) площадь свободных казенных земель составляла однако после опекунского межевания 338,077 дес., или почти на 16% больше. Источник этой разницы точно установить невозможно. Повидимому его следует искать в наделе Золотовской волости. Но может быть неточны те данные о наделении немецких колонистов, которыми мы оперировали. Площадь свободных земель мы принимаем в 338,077 дес. согласно данным Казенной Палаты, потому что в дальнейшем нам приходится исходить из ее материалов.

Опекунское межевание—отправной пункт для наших наблюдений. Затем идут периоды: от опекунского межевания до начала генерального межевания (1798 г.); от начала генерального межевания до 1803 г.; период от 1803 г. до освобождения крестьян. Такая периодизация вызывается свойствами нашего документального материала.

В первый период роздано по рескриптам помещикам 6867 дес, нарезано казенным крестьянам в дополнительный надел по числу душ по 4 ревизии—59,400 десятин. После этого (на 1798 год) оставалось свободных казенных земель 271,810 дес.

От 1798 до 1803 года производится дальнейший отвод земли по следующим статьям.

1. На число душ казенным крестьянам . .	46,524	дес.
2. На число душ помещикам	5,727	„
3. Нарезных дворцовым крестьянам, а по пожаловании во владении помещиков . . .	14,124	„
4. Намежеванных чиновникам	2,159	„
5. Предоставленных колонистам.	6,203	„
6. Возвращенных по дачам Нарышкиным .	5,650	„
7. Остающихся в казенном ведомстве . . .	188,134	„
8. Владеемых особо помещиками	3,289	„

Пользуясь всеми этими данными о движении землевладения мы подводим итоги, относящиеся к рубежу 19-го века и разбиваем для этого все виды землевладения на 4 группы. Землевладение городов и общественных учреждений, государственных крестьян, разумея всех крестьян, кроме помещичьих, помещиков и свободные земли казны. Для первой группы получаем старую цифру 381,787 дес., для второй 505,774 дес., для третьей 95,618 дес. и для четвертой 188,134 дес. Это составляет вместе 1,171,313 дес., т. е. на 4,3% больше, чем площадь уезда по данным Генеральнаго межевания или на 2,6% больше, чем по данным земской статистики. Исправить эту ошибку мы не в состоянии, но она весьма мало отражается на общих выводах.

Для следующего периода у нас нет данных о движении землевладения и нет также прямых сведений о распределении земель накануне освобождения крестьян. Но мы в состоянии сделать приблизительный расчет, результаты которого будут достаточно близки к действительности.

По материалам для оценки земель Саратовской губернии, изданным в 1906 г., земли правительственных и общественных учреждений занимали в Камышинском уезде 182,266 дес.; в том числе было казенных земель 54,255, а остальных 128,031 дес. Крестьянские надельные земли занимали 853,714 дес. и частновладельческие земли — 105,849 десятин. Мы делаем ничтожнейшую ошибку, допуская, что все частновладельческие земли принадлежали до реформы помещикам-дворянам. Но кроме этих земель помещикам принадлежали еще наделы помещичьих крестьян. По сборнику статистических сведений по Саратовской губернии, изданному в 1891 г., площадь удобных надельных земель всех категорий бывших помещичьих крестьян составляла 40,002 дес. Площадь *удобных надельных* земель всех разрядов крестьян по тому же источнику — 650,428 дес., т. е. на 203,286 дес. меньше, чем площадь *всего надельного* землевладения по данным оценочной статистики. Мы предполагаем, что различия в цифрах одинаковы для всех разрядов крестьян и принимаем потому площадь *всей надельной* земли бывших помещичьих крестьян в 52,403 дес. Эта площадь должна быть присоединена к частновладельческой земле и вся площадь дореформенного дворянского землевладения определяется тогда в 158·252 дес. По сравнению с эпохой генерального межевания она увеличилась на 62,634 дес. Это увеличение шло отчасти за счет свободного казенного земельного фонда, отчасти за счет обширных пространств, принадлежавших когда-то Камышину. На землях Камышина уже в промежуток времени между 3 и 4 ревизиями, т. е.

между 1764 г. и 1782 г. дворяне селили своих крестьян и участки занятые крепостными превратились впоследствии в вотчинные владения. Для 1861 г. у нас нет, к сожалению, сведений о казенных, удельных и городских землях, а также о землях государственных крестьян.

Сводка всех приведенных данных дана в следующей таблице.

Землевладение (в десятинах).

Время, к которому относятся данные.	Дворян.	%	Крестьян всех катег., кроме помещичьих.	%	Городов и учреждений,	%	Свободные казенные земли.	%
Середина 18 века .	57,802	4,9	163,941	14,0	381,787	32,8	564,999	48,3
Рубеж 19 века . . .	95,618	8,2	502,988	43,0	381,787	32,8	188,136	16,1
Середина 19 века .	158,252	13,5	—	—	—	—	—	—

Отметим дополнительно, что на рубеже 20 века частному землевладению (свыше 100 дес.) принадлежала площадь в 72,762 дес. (6,4% всей площади), крестьянам всех категорий, в том числе и помещичьим и частным землевладельцам с площадью до 100 дес.—886,804 дес. (77,7%), городам и учреждениям—128,031 дес. (11,2%) и свободных казенных земель было 54,235 дес. (4,7%). Эти данные нельзя, однако, вполне сравнивать с предыдущими.

Площадь Аткарского уезда составляет по данным генерального межевания 1,126,914 дес., по данным губернского оценочно-статистического отдела 1,140,673. В опекунское межевание помещикам намежевано 124,541 дес., казенным малороссиянам, однодворцам, экономическим крестьянам 15,627 дес., селу Еткары (впоследствии гор. Аткарск) 17,047 дес. Всего 157,215 дес. Если исходить из площади земли по данным генерального межевания, то количество свободных казенных земель должно было составлять 969,699 дес. Но по ведомости Казенной Палаты оно составляло 988,856 дес., т. е. на 2% больше.

От опекунского межевания до 1898 г. помещики получили из фонда казенных земель 29,696 дес., а государственные крестьяне—57,945 дес. Количество свободной земли составляло после этого 901,215 дес.

При генеральном межевании до составления того отчета Казенной Палаты, которым мы пользуемся, т. е. до 1803 г. межевою конторой назначено и отмежевано было из казенной земли:

1. Кезенным поселянам	137,274	дес.
2. Помещикам на души	124,924	„
3. Пожаловано разным лицам . . .	163,103	„
4. Возвращено Нарышкиным	18,261	„
5. Отведено к хуторам и под хутора .	29,435	„
6. В крепостные дачи помещикам . .	1,231	„
7. Помещикам обще с казенными поселянами	2,646	„
8. Однодворцам	621	„
9. Соляным возчикам	59,094	„

Это составляет по категориям: помещикам 338,277 дес. и остальным группам 198,312 дес; седьмую цифру мы разбиваем пополам. После этого в руках помещиков было 492,514 дес., в руках государственных крестьян всех категорий 271,884 дес., у гор. Аткарска 17,047 дес. Свободных казенных земель должно было остаться 364,626 дес., так как перед этим было всего свободных земель 901,215 дес. Но ведомость Казенной Палаты показывает свободных земель 317,649 дес., причем нет возможности установить источник крупной ошибки. Мы останавливаемся на первой цифре, потому что она вытекает с большей приближенностью, как из данных документа Надеждинского архива, так и из первоначальных цифр Казенной Палаты.

В 1897—98 гг. площадь частновладельческих земель составляла по данным оценочной статистики 554,746 дес. По „Сборнику статистических сведений" у всех групп бывших помещичьих крестьян находилось во владении 160,156 дес. удобной земли. Мы прибавляем 7,5% на неудобную землю соответственно среднему отношению между удобными и неудобными землями в уезде и получаем всего 172,188 дес., которые до освобождения принадлежали помещикам и для сопоставления цифр середины века по старейшим данным должны быть причислены к дворянскому фонду. Всего помещики владели накануне освобождения 726,934 дес. Цифра эта несколько (но довольно незначительно) преувеличена, так как в нее вошли земли свободных хлебопашцев и других небольших групп крестьян, переходивших в течение первой половины 19 века в казенное ведомство.

Землевладение (в десятинах).

Время, к которому относятся данные.	Дворян.	%	Крестьян всех катег., кроме помещичьих.	%	Городов и учреждений.	%	Свободные казенные земли.	%
Середина 18 века . .	124,541	10,9	15,627	1,3	17,047	1.5	988,856	86,3
Рубеж 19 века . . .	463,079	40,4	301,319	26,4	17,047	1.5	364,626	31,7
Середина 19 века .	726,934	63,8	—	—	—	—	—	—

На рубеже 20-го века частному землевладению (свыше 100 десятин) принадлежало 487,721 дес. (41% всей площади уезда), крестьянам (включая б. помещичьих) и другим мелким владельцам (до 100 дес.) 567,415 дес. (48,5%), городам и учреждениям—19,110 дес. (1,7%) и свободных казенных земель оставалось 95,427 дес. (8,1%).

СВЕДЕНИЯ

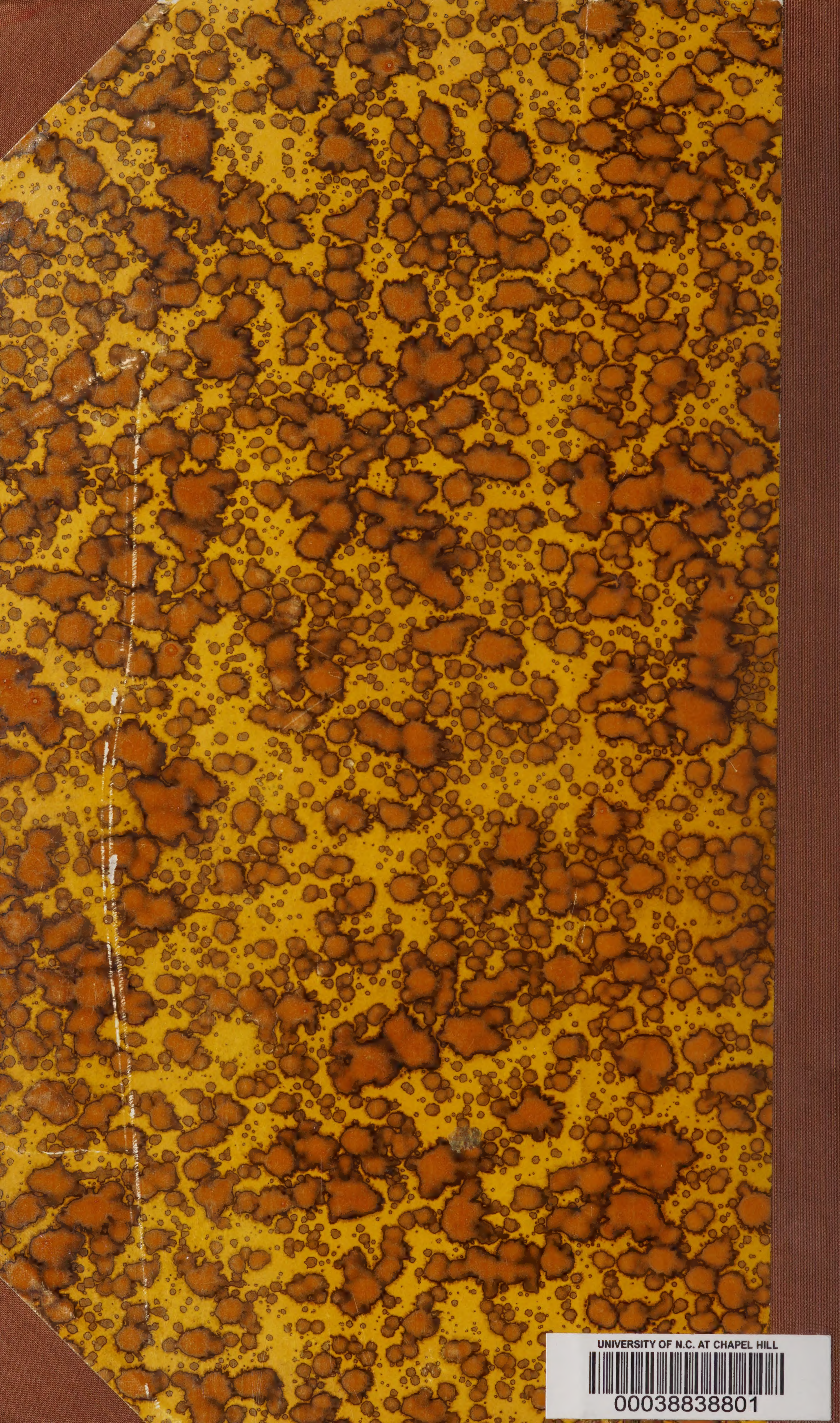
о числе душ всех состояний по Саратовской губернии

за 1828 год.

(Архив Казенной Палаты № 2494).

деф. 1.50

РАЗРЯДЫ НАСЕЛЕНИЯ.	Саратов.	Вольск.	Хвалынск.	Сердобск.
Купцов. 1-й гильдии	8	5	.	5
женск.	18	8	.	3
2-й гильдии	24	3	12	—
женск.	22	2	15	—
3-й гильдии	641	136	212	35
женск.	860	213	376	55
Мещан	8286	4219	1459	929
„ женск.	7155	2499	1813	798
Помещичьих	28143	21525	19516	41160
„ женск.	26927	22243	19000	39743
Удельных	1246	8890	1257	—
„ женск.	1159	9754	1224	—
Однодворцев	1802	3572	2979	1386
„ женск.	1542	3524	2437	1479
Их крестьян	1	20	16	2
„ женск.	2	12	14	3
Государственных	5435	1725	404	2614
„ женск.	6093	1813	178	2727
Экономических	3083	10204	9080	6241
„ женск.	3343	11004	9552	6471
Ясачных	2243	8104	10862	—
„ женск.	2590	8079	10594	—
Черносошных	429	3	—	—
„ женск.	504	—	—	—
Бобылей	1565	—	—	—
„ женск.	1949	—	—	—
Отписных	—	—	—	191
„ женск.	—	—	—	184
Казенных крестьян	69	16	—	—
„ женск.	70	15	—	—
Казенных малороссиян	10	—	—	—
„ женск.	4	—	—	—

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00038838801